

ФЕДЕРАЛИЗМ

Теория. Практика. История

2 (118), 2025, Т. 30

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АНДРИЧЕНКО Людмила Васильевна

д.ю.н., профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующая Центром публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

БАХТИЗИН Альберт Рауфович

член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН

БУХВАЛЬД Евгений Моисеевич

заместитель главного редактора, д.э.н., профессор, заведующий Центром федеративных отношений и регионального развития Института экономики РАН

БУКИНА Ирина Сергеевна

к.э.н., ведущий научный сотрудник Института экономики РАН

ВАЛЕНТЕЙ Сергей Дмитриевич

главный редактор, д.э.н., профессор, руководитель Научно-исследовательского объединения Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

ГОРЕГЛЯД Валерий Павлович

д.э.н., профессор, главный аудитор Банка России

ДРУЖИНИН Александр Георгиевич

д.г.н., профессор, директор Северо-Кавказского научно-исследовательского института экономических и социальных проблем Южного федерального университета

ИЛЬИН Владимир Александрович

член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, научный руководитель Вологодского научного центра РАН

КУЗНЕЦОВА Ольга Владимировна

д.э.н., профессор РАН, заместитель директора по научной работе Института народнохозяйственного прогнозирования РАН

КУРБАНОВ Рашад Афатович

д.ю.н., профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

ЛЕКСИН Владимир Николаевич

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник ФИЦ «Информатика и управление» РАН

ЛОБАНОВ Иван Васильевич

к.ю.н., доцент, ректор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

ЛЫКОВА Людмила Никитична

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН

МАЕВСКИЙ Владимир Иванович

академик РАН, д.э.н., профессор, заведующий Сектором теоретических и прикладных проблем воспроизводства Института экономики РАН

МАКАРОВ Валерий Леонидович

академик РАН, д.ф.-м.н., профессор, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН

ПОЛТЕРОВИЧ Виктор Меерович

академик РАН, д.э.н., профессор, руководитель научного направления «Математическая экономика» Центрального экономико-математического института РАН

ШВЕЦОВ Александр Николаевич

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник ФИЦ «Информатика и управление» РАН

ШАКИРОВА Диана Фаридовна

ответственный секретарь

ОДИНЦОВА Александра Владимировна

ответственный редактор, д.э.н., доцент

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»

FEDERALISM

Theory. Practics. History

2 (118), 2025, Vol. 30

EDITORIAL BOARD

ANDRICHENKO Lyudmila V.

Dr. Sc. (Law), Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Head of the Center for Public Law Research
of Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government
of the Russian Federation

BAKHIZIN Albert R.

Corresponding Member of the RAS,
Dr. Sc. (Econ.), Professor of the RAS, Director of
Central Economics and Mathematics Institute
of the RAS

BUKHVALD Eugeny M.

Deputy Editor in Chief, Dr. Sc. (Econ.),
Professor, Head of the Center of Federal Relations
and Regional Development of Institute
of Economics of the RAS

BUKINA Irina S.

Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher of Institute of
Economics of the RAS

VALENTEY Sergey D.

Editor in Chief, Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head
of the Research Association of Plekhanov Russian
University of Economics

GOREGLIAD Valeriy P.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Auditor of Bank
of Russia

DRUZHININ Alexander G.

Dr. Sc. (Geography), Professor,
Director of the North Caucasus Research Institute
of Economic and Social Problems of Southern
Federal University

ILYIN Vladimir A.

Corresponding Member of the RAS, Dr. Sc.
(Econ.), Professor, Honored Scientist of Russian
Federation, Scientific Director of Vologda Research
Center of the RAS

KUZNETSOVA Olga V.

Dr. Sc. (Econ.), Professor of the RAS, Deputy
Director for Scientific Work of Institute for
Economic Forecasting of the RAS

KURBANOV Rashad A.

Dr. Sc. (Law), Professor, Honored Lawyer of the
Russian Federation, Head of the Department
of Civil Law Disciplines of Plekhanov Russian
University of Economics

LEKSIN Vladimir N.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher
of Federal Research Center
“Computer Science and Control” of the RAS

LOBANOV Ivan V.

Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Rector
of Plekhanov Russian University of Economics

LYKOVA Lyudmila N.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher
of Institute of Economics of the RAS

MAEVSKIY Vladimir I.

Academician of the RAS, Dr. Sc. (Econ.),
Professor, Head of the Subcenter of Theoretical
and Applied Problems of Reproduction of Institute
of Economics of the RAS

MAKAROV Valeriy L.

Academician of the RAS,
Dr. Sc. (Physics and Mathematics), Professor,
Scientific Adviser of Central Economics and
Mathematics Institute of the RAS

POLTEROVICH Victor M.

Academician of the RAS, Dr. Sc. (Econ.),
Professor, Head of Scientific Research
“Mathematical Economics” of Central Economics
and Mathematics Institute of the RAS

SHVETSOV Alexander N.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher of
Federal Research Center “Computer Science and
Control” of the RAS

SHAKIROVA Diana F.

Secretary of the Board

ODINTSOVA Alexandra V.

Executive Editor, Dr. Sc. (Econ.),
Associate Professor

Founder:

Plekhanov Russian University of Economics

СОДЕРЖАНИЕ

○ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

ОРЕХОВСКИЙ П.А., КИСЛИЦЫНА О.А.

Неравенство, элиты и контрэлиты (проверка некоторых положений структурно-динамической теории)..... 5

СИМОНОВ В.В.

Религиозный модернизм в институциональном христианстве 35

○ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

БУКИНА И.С.

Бюджетное правило в период трансформации российской экономики ... 51

ШИШКИН А.В., МЖЕЛЬСКИЙ Е.Н.

Маркетинговый анализ предпочтений жителей Москвы в выборе альтернативных способов передвижения 66

○ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ДРУЖИНИН А.Г., КУЗНЕЦОВА О.В.

Районирование в пространственном развитии современной России: проблемные вопросы теории и практики..... 79

○ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ВАЛЕНТЕЙ С.Д., БАХТИЗИН А.Р., БОРИСОВА С.В., КОЛЬЧУГИНА А.В., ЛЫКОВА Л.Н.

Экономики российских регионов после COVID-19 и в условиях санкций..... 98

СИБИРСКАЯ Е.В., ОВЕШНИКОВА Л.В.

Оценка нестандартных форм занятости в субъектах Российской Федерации..... 128

ЗУНДЭ В.В., АРХИПОВА Л.С.

Технологически инновационное развитие российских регионов..... 144

ВАСИЛЕНКО Д.В.

Социально-экономическая ситуация в Донецкой Народной Республике..... 160

○ МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ

ХОДЫРЕВА М.В.

Этапы и принципы формирования научно-технологической инфраструктуры регионов в федеральной политике России..... 175

CONTENTS

○ QUESTIONS OF THEORY

- OREKHOVSKY P.A., KISLITSYNA O.A.**
Inequality, Elites and Counter-Elites (Verification of Some Provisions
of the Structural-Dynamic Theory)..... 5
- SIMONOV V.V.**
Religious Modernism in the System of Institutional Christianity 35

○ SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS

- BUKINA I.S.**
Fiscal Rule in the Period of the Russian Economy Transformation 51
- SHISHKIN A.V., MZHELSKIY E.N.**
Marketing Analysis of Moscow Residents' Preferences in Choosing Alternative
Modes of Transportation 66

○ ECONOMY AND GEOGRAPHY ISSUES

- DRUZHININ A.G., KUZNETSOVA O.V.**
Zoning in the Spatial Development of Modern Russia: Problematic Issues
of Theory and Practice 79

○ ANALITICAL NOTES

- VALENTEY S.D., BAKHTIZIN A.R., BORISOVA S.V., KOL'CHUGINA A.V.,
LYKOVA L.N.**
Economies of Russian Regions After Covid-19 and Under the Conditions
of Sanctions 98
- SIBIRSKAYA E.V., OVESHNIKOVA L.V.**
Assessment of Non-Standard Forms of Employment in the Subjects
of the Russian Federation 128
- ZUNDE V.V., ARKHIPOVA L.S.**
Technological and Innovative Development of Russian Regions 144
- VASILENKO D.V.**
Socio-Economic Situation in the Donetsk People's Republic 160

○ YOUNG SCIENTISTS

- KHODYREVA M.V.**
Stages and Principles of Forming Regional Science and Technology
Infrastructure under Russian Federal Policy 175

П.А. ОРЕХОВСКИЙ, О.А. КИСЛИЦЫНА

НЕРАВЕНСТВО, ЭЛИТЫ И КОНТРЭЛИТЫ (ПРОВЕРКА НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ СТРУКТУРНО-ДИНАМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ)*

Структурно-динамическая теория — современное, быстроразвивающееся направление анализа социальных и политико-экономических процессов. В ее основе лежит представление о взаимодействии трех макросоциальных акторов: населения, элит и государства. В идеальном состоянии экономический рост сопровождается сохранением определенных пропорций между доходами всех этих акторов, однако в реальности такое состояние наблюдается редко. Как правило, увеличение дохода сопровождается ростом социальной дифференциации и «разрастанием» (перепроизводством) элиты. Тем не менее количество элитарных социально-политических мест в любом обществе в каждом историческом периоде ограничено. В результате часть индивидов, которые не могут их занять, при определенных условиях превращаются в контрэлиту и пытаются радикально изменить политический режим. В аграрных обществах в роли элиты и контрэлиты выступал привилегированный слой дворянства. В индустриальных обществах определить как количество элитарных социальных мест, так и количество претендентов на них становится намного сложнее. В работе используются критерии, предложенные П. Турчиным и Т. Пикетти: рассматриваются доходы верхнего дециля — топ-1% и топ-9% (предполагается, что индивиды из топ-9% — претенденты, которые могут превратиться в контрэлиту). Рассчитывается показатель социальной дистанции — количество годовых доходов, необходимых для вхождения в 1%. Анализируется работа системы образования, которое в XXI в. перестает выполнять роль социального фильтра. Демонстрируется, что наибольшая социальная дистанция действует в России, а дифференциация доходов в США близка к аналогичным показателям в КНР. Делается вывод о недостаточности основания показателей социальной дифференциации для прогнозов об увеличении вероятности революций, привлекаются другие факторы, указанные Дж. Голдстоуном, сопоставляются социальные и экономические показатели России, КНР, Индии, США, Великобритании, ФРГ, Франции.

---

* Исследование выполнено при поддержке Института наследия и современного общества ФГБОУ «Российский государственный гуманитарный университет».

Ключевые слова: структурно-динамическая теория, элиты и контрэлиты, неравенство, доходы, образование, топ-1%, топ-9%, факторы социально-экономической революции, сравнительный анализ.

JEL: O15, P16

О структурно-динамической теории

Структурно-демографический (структурно-динамический) анализ – быстроразвивающееся направление исторических и политико-экономических исследований. В России переведены и пользуются большой популярностью работы Дж. Голдстоуна [1; 2] и П. Турчина [3]. Это направление развивают и известные отечественные ученые – А. Коротаев, Л. Гринин, В. Кульчицкий, Ю. Зинькина, С. Нефедов и др. (например, см.: [4; 5; 6; 7]). По-видимому, наиболее простая и доступная версия методологии структурно-динамического анализа представлена в работе С. Нефедова [6; 7]. Он рассматривает взаимодействие трех коллективных акторов, таких как государство (в первую очередь, фискальный аппарат и вооруженные силы), элиты и народ¹. Расширение территории государства – завоевание «Дикого поля», присоединение Урала, Сибири и т.д. – позволило увеличить количество доступных ресурсов, что в свою очередь привело к росту урожаев, улучшению питания и быстрому увеличению населения. Во всех этих случаях действует положительная обратная связь: вместе с урожаями и населением увеличиваются и поступления в казну, и военная мощь государства.

Неурожаи, военные поражения, набеги кочевников, помпезные строительные проекты царей и императоров, направленные на демонстративное потребление, ведут к тому, что рост населения замедляется. Однако на увеличение элиты – в первую очередь, дворянского сословия – влияют иные факторы (те же неурожаи и голод среди крестьян сказываются на элите, но замедляют ее темп прироста в меньшей степени), что обуславливает и другую динамику этого коллективного актора. В такие периоды *темпы прироста элиты опережает темпы роста населения*. И если в условиях Франции или Британии «утилизация излишка» элиты происходила через заморские колонии и рост численности населения монастырей (впрочем, стоит отметить и длительную кровопролитную войну Алой и Белой розы), то в России периодически возникали внутриэлитные конфликты, которые вели к смутам – по сути, гражданским войнам. В ходе последних страдает и государство, контроль над которым пытаются захватить те или иные элитные фракции (контрэлиты), и элиты, и население.

Количественные связи производства зерна (и других ресурсов), налогового бремени, численности крестьянства и дворянства, численности войск (и флота), а также взаимодействия акторов во время смут

---

¹ Поскольку анализ истории заканчивается началом XX в., народ – это в первую очередь крестьянство, элиты – дворянство, и государство в целом имеет дело преимущественно с аграрной экономикой.

достаточно подробно рассматриваются Нефедовым в его двухтомнике, где он реконструирует историю России [6; 7]. Таким образом, в полном соответствии с нынешними представлениями о критериях научного знания история представлена не как нарратив, но как модель, подлежащая количественной проверке. В этом отношении работы сторонников структурно-динамической теории – прямое продолжение группы клиометриков 1960-х гг., наиболее известными из которых являются лауреаты Нобелевской премии по экономике Р. Фогель и Д. Норт.

В отличие от этой простой версии структурно-динамической теории П. Турчин дополняет характеристику механизма раскола элиты ростом неравенства, который он образно называет «денежным насосом» (последний как бы «перекачивает доходы и богатство» от бедных и средних к наиболее влиятельным группам общества). При этом причины роста неравенства могут быть самыми разными. Это экзогенные технологические шоки, в результате которых часть среднего класса переходит в разряд бедных, или изменение институтов, например, отмена прогрессивного налогообложения, сокращение социальных расходов. Как справедливо отмечает Е. Балацкий, *теория Турчина отличается от марксовской теории абсолютного обнищания пролетариата в первую очередь тем, что «истинной движущей силой политических движений и революций являются не массы и, тем более, не пролетарии, а контрэлиты, т.е. несостоявшиеся кандидаты в правящую элиту. Иными словами, революционный потенциал кристаллизуется не в среде нищих и угнетенных, а в сообществе не до конца преуспевших людей, т.е. тех, кто получил деньги, влияние и знания, но не власть, и тем самым со всеми своими достоинствами оказались недопущены к принятию политических решений. Именно эта группа лиц порождает нестабильность и революции, именно эта социальная группа образует ядро пассионарности нации*². Следовательно, как это ни парадоксально, но *политические проблемы возникают на волне экономического успеха, порождающего обогащение изрядного числа простолюдинов с последующим ростом их честолюбия и властных амбиций. Массы в этом случае играют роль тех, за счет кого происходит взлет представителей контрэлит. А ирония судьбы состоит в том, что поднявшиеся из масс и за счет масс контрэлиты используют их в качестве «пушечного мяса» в последующих политических конфликтах»* [8, с. 16].

Таким образом, внешне все выглядит достаточно просто и правдоподобно: в любом обществе есть ограниченное количество

---

² Как указывает Турчин: «Рассматривая один случай распада государства за другим, мы неизменно устанавливаем, что в каждом случае подавляющее большинство докризисных элит – принадлежали ли они к довоенной рабкратии, дворянству *ancien régime* или русской интеллигенции на рубеже 1900-х гг. – не подозревало о грядущей катастрофе. Они сами сотрясали устои государств, а потом удивлялись падению государственных машин» [3, с. 206]. В то же время статистических оценок количества русской интеллигенции – влиятельной социальной группы, в которой были представлены выходцы из всех сословий общества – Турчиным не приводится. Структурно-демографический анализ событий 1905–1920 гг. выходит далеко за рамки нашей работы.

социальных мест, обеспечивающих их владельцам — элите — господство над всеми остальными. Господство здесь понимается в духе М. Вебера — это способность заставить людей подчиняться приказам элиты [9]. Количество таких мест в социальной структуре общества всегда ограничено, и в стабильной ситуации конкуренция между претендентами является относительно мягкой. Разница между элитариями в таком случае будет проявляться в основном в сроках ожидания: кто-то попадает в узкий круг в относительно молодом возрасте, кто-то — уже в зрелом. Действие «денежного насоса» приводит к тому, что *количество претендентов возрастает, если не на порядок, то в разы*, и у части таких амбициозных индивидов шансы оказаться на соответствующих социальных местах стремятся к нулю. Результатом является возникновение контрэлиты с последующим обострением политической борьбы, перерастающей в гражданские конфликты. В центре анализа должно быть не только неравенство как таковое, но неравенство в верхних слоях общества, где появляется контрэлита с последующим возможным перерастанием политико-экономической конкуренции в гражданский конфликт.

Цель статьи — сравнительный анализ неравенства в ведущих странах ядра современной мир-системы (США, ФРГ, Франции, Великобритании) и вступивших в соперничество с ними государствах полупериферии (России, Индии, КНР). На этом этапе анализа мы не пытаемся оценить и сравнить распределение богатства в этих странах, но оцениваем лишь дифференциацию текущих доходов. Кроме того, представляется необходимым проанализировать другой фактор, ранее определявший численность элиты — работу системы высшего образования. П. Турчин сравнивает социально-экономическое положение современных США с ситуацией в СССР во второй половине 1980-х гг., привлекая достаточно большое количество характеристик. Наша задача существенно скромнее: в сущности, мы попытались оценить тенденции в изменении неравенства, а заодно возможности и ограничения вертикальной социальной мобильности в указанных выше государствах.

Элиты и доходы

Обсуждение элиты, в отличие от категории господствующего класса, возникает еще до первой мировой войны. Наличие двух типов элит — «львов» и «лис» — в продолжение деления, введенного еще Н. Маккиавелли, обосновал В. Парето. В отличие от прежнего социал-демократического представления о борьбе классов за политическую власть, здесь борьба уже идет внутри одного класса. В дальнейшем эту же мысль развивал Р. Михельс, доказывая, что и в случае победы социалистической революции вожди победившей партии наряду с бюрократией превратятся в новую элиту. Таким образом, в качестве главной характеристики индивида, принадлежащего к элите, обоими этими мыслителями выдвигалось обладание политической властью. Стоит

оговориться, что совпадение власти и высоких доходов в то время было самоочевидным.

Однако в XXI в. *власть и доходы постепенно размываются*³. Размывание власти связано с ростом государственного аппарата во второй половине XX в. Чиновники на своих должностях зачастую стали получать меньшие доходы, чем на сопоставимых по сложности и интенсивности труда рабочих местах в частном бизнесе. Часть властных функций приватизируется [14]. Так, например, появляются частные военные компании и частные охранные организации, что означает потерю государством монополии на насилие [15]. В результате попытка определить численность элиты через количество государственных служащих, добавив к ним депутатов парламента, становится некорректной. Основная часть административных работников (веберовской бюрократии) обладает мизерным политическим влиянием и располагает достаточно скромными доходами.

По-видимому, имеет смысл последовать логике, которой придерживается сам П. Турчин. К элите он относит самых богатых членов общества, резонно предполагая, что если они даже и не занимают постов в системе исполнительной или законодательной власти, то тем не менее могут оказывать на принимаемые решения весьма существенное влияние. Поэтому несколько произвольно определим элиту как 1% людей с самыми высокими доходами (по-видимому, более корректно было бы определить эту цифру в 0,1%; позже мы к этому вернемся).

В свою очередь в качестве претендентов, стремящихся попасть в этот 1%, выделим следующие 9% получателей доходов. Например, верхний процент отрывается от 2–10% более, чем в 10 раз — это означает десятилетнее отставание претендентов от лидеров.

Тем не менее эта характеристика очевидно недостаточна. Необходимо оценить и расстояние между верхним 1% и получателями медианных доходов. Кроме того, важным представляется и вопрос о том, увеличивается эта социальная дистанция или снижается. Так, Т. Пикетти, Г. Цукман и Ф. Новокмет в свое время выпустили доклад о неравенстве в России, включив в него период 1905–2016 гг. [16]. Нас интересует вывод этих авторов в отношении неравенства доходов после 2000 г. — они полагают, что неравенство в целом растет (опираясь на долю 1% в общих доходах населения). Но так ли это?

Можно предположить, что *неравенство в доходах экономически активного населения в богатых, развитых странах Запада* в результате длительного существования там «государства благосостояния» *существенно ниже, чем в странах «догоняющего развития»*, куда принято

---

³ Многие отечественные ученые считают, что разделение власти и собственности происходит в западных обществах едва ли не с победой буржуазно-демократических революций [10; 11; 12]. Тем не менее даже Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вайнгаст признают в своей работе, что экспроприации имущества и доходов властями у частных лиц шли на западе вплоть до XIX в. [13]. На выборах для кандидатов и электората действовали имущественные цензы, а борьба женщин за свои избирательные права продолжалась весь XX в.

относить Российскую Федерацию, КНР и Индию. И в этом отношении вероятность социальных потрясений, как полагал в свое время Е. Гайдар [17], в странах со средним уровнем дохода вроде бы существенно выше, чем в странах с высокими доходами. Это подтверждается и количеством революций – в богатых странах с демократическим политическим режимом насильственная смена власти случалась крайне редко.

Неравенство доходов в России, КНР, Индии

В двухфакторной модели экономического роста Т. Пикетти темпы прироста ВВП сопоставляются с доходностью капитала (нижнюю границу последней для простоты можно приравнять к ключевой процентной ставке). Таким образом, при прочих равных условиях в периоды рецессии и вялого экономического роста неравенство вроде бы должно увеличиваться, а в периоды достаточно быстрого экономического роста – уменьшаться. Однако статистика свидетельствует об обратной ситуации (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1

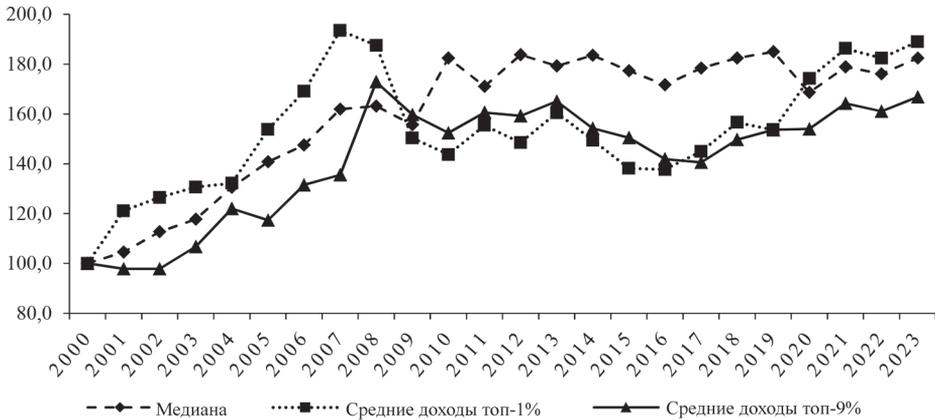
Медианные доходы населения России, средние доходы топ-1% и топ-9%^{*)}

Показатели	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Медиана	15 183,74	15 878,18	17 126,16	17 880,29	19 828,3	21 386,25
Средние доходы топ-1%	581 603,9	704 603,1	735 558,5	759 900,5	768 866,6	894 445,6
Средние доходы топ-9%	84 360,77	82 544,25	82 546,45	90 024	102 930	98 988,21
Показатели	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Медиана	22 397,23	24 587,37	24 771,24	23 645,18	27 702,04	25 969,79
Средние доходы топ-1%	983 212,7	1 125 307	1 090 430	873 932,1	835 832,4	903 529,4
Средние доходы топ-9%	110 944	114 349,7	145 824,5	134 754	128 527	135 482,4
Показатели	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Медиана	27 898,77	27 220,37	27 865,98	26 928,43	26 059,55	27 081,16
Средние доходы топ-1%	863 610,7	933 164,9	869 051,9	803 459,8	800 934,1	842 802,3
Средние доходы топ-9%	134 365,1	139 220,4	130 088,2	126 926	119 735,6	118 625,2
Показатели	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Медиана	27 693,74	28 078,12	25 599,99	27 152,17	26 728,97	27 698,23
Средние доходы топ-1%	910 646,9	893 490,8	1 013 110	1 082 968	1 060 643	1 099 037
Средние доходы топ-9%	126 263	129 617,9	129 872,9	138 536,9	135 837,2	140 759,4

^{*)} Здесь и в таблицах приложения: национальные средние доходы после уплаты налогов в долларах США по паритету покупательной способности (2023).

Источник: [18].

Если принять 2000 г. за 100% и рассчитать темпы роста доходов различных групп, то можно заметить, что после кризиса 2008–2009 гг. и вялого роста в 2010-е гг. темп роста медианных доходов в России опережает темпы роста верхнего 1%. Таким образом, неравенство в доходах снижается, а не растет (см. рис. 1).

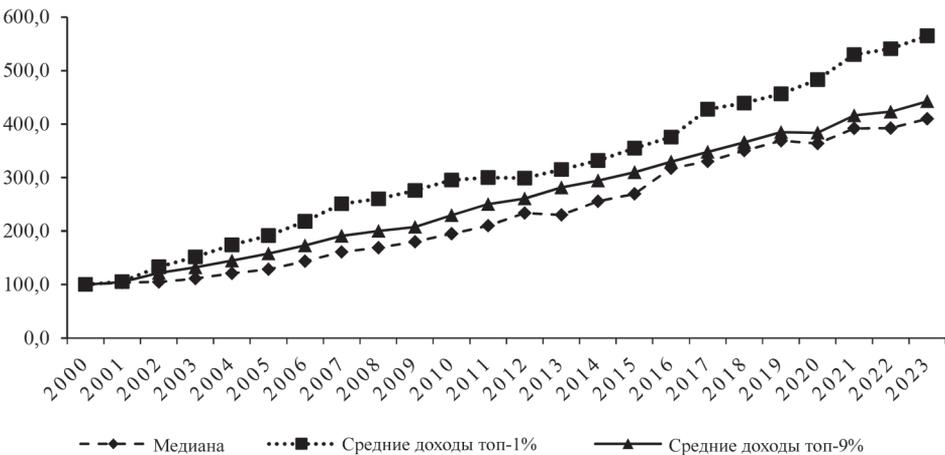

Рис. 1. Темпы роста доходов в России, 2000–2023 гг., в %

Источник: рассчитано авторами.

Данные о средних доходах в других странах вынесены в Приложение. Далее мы приводим только итоговые графики.

В коммунистическом Китае, где все это время наблюдаются достаточно высокие темпы экономического роста, разрыв между верхними 1% и 9%, между верхним 1% и медианными доходами стабильно увеличивается (см. рис. 2). Получается, что элита постепенно отрывается как от группы претендентов, так и от трудящихся масс.

Рис. 2. Темпы роста доходов в КНР, 2000–2023 гг., в %

Источник: рассчитано авторами.

В Индии разрыв между верхними 1% и 9% практически не меняется, в то время как разница между ними и медианными доходами увеличивается (см. рис. 3).

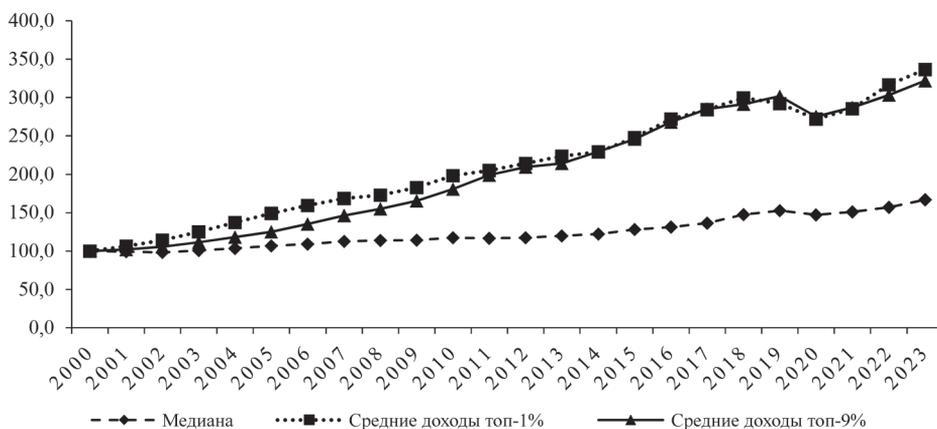

Рис. 3. Темпы роста доходов в Индии, 2000–2023 гг., в %

Источник: рассчитано авторами.

Приведенные графики показывают изменения в темпах дифференциации доходов, но они не учитывают базу отчета. Надо сказать, что в результате радикальных реформ 1990-х гг. в России возникла пропасть между бедными и богатыми, в то время как в Индии разрыв между медианой и верхним 1% населения вначале был меньше, но впоследствии резко увеличился. Кроме того, не может не производить впечатление сравнительно низкий разрыв в доходах населения КНР (рис. 4).

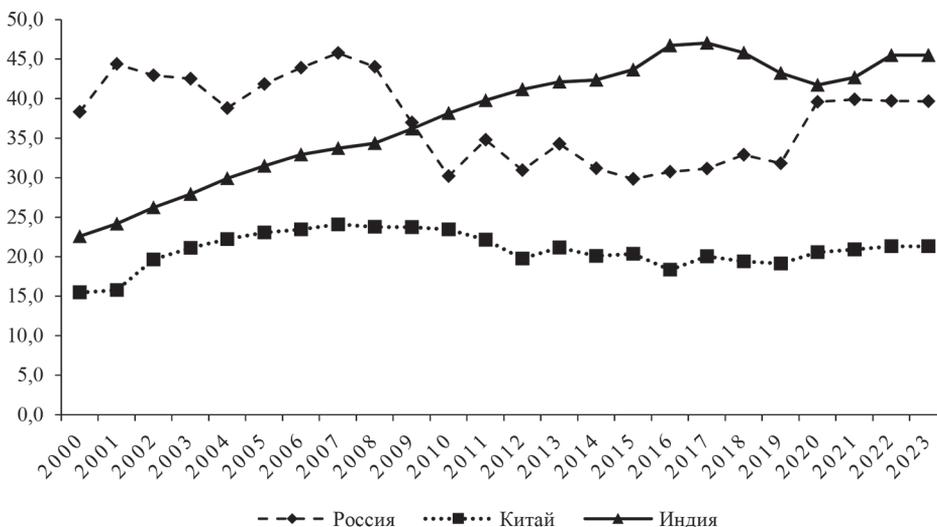
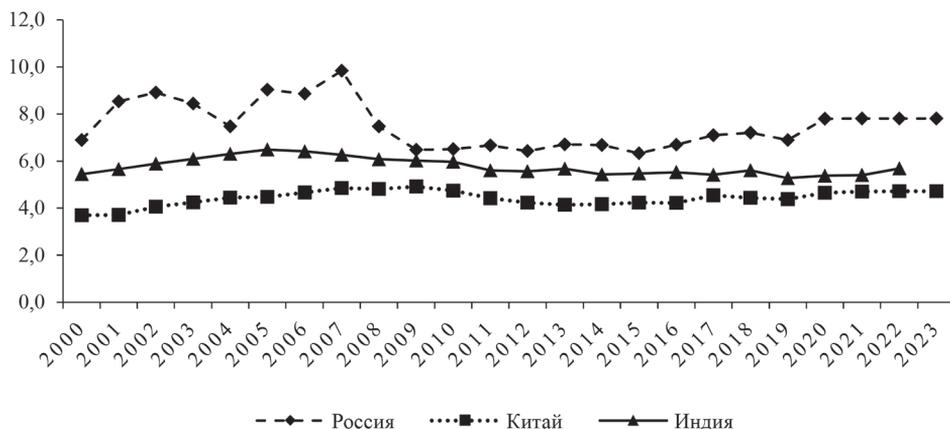

Рис. 4. Отношение доходов верхнего 1% к медианным доходам в России, КНР и Индии, 2000–2023 гг.

Источник: рассчитано авторами.

Таким образом, «расстояние» между медианой и верхним 1% в КНР находится в пределах 15–20 лет. В принципе, это означает, что при определенном, пусть и крайне редком, сочетании трудолюбия и удачи меданный гражданин Китая имеет маленький шанс в течение жизни одного поколения войти в элиту. Но вряд ли на такое чудо могут рассчитывать граждане России и Индии, где соответствующие значения достигают 40–45 лет. Тем не менее, следуя логике П. Турчина, нужно рассматривать не медиану, а верхние 10% – именно там концентрируются как элиты, так и контрэлиты. Легко заметить, что в России на пути претендентов стоит самый жесткий фильтр. Разрыв (рис. 5) между 1% и следующими за ними 9% составляет 7–8 годовых зарплаток (лет работы).

Рис. 5. Отношение доходов верхнего 1% к доходам следующих 9% в России, КНР и Индии, 2000–2023 гг.

Источник: рассчитано авторами.

Как видим, наибольшая проницаемость верхнего 1% среди рассматриваемых стран со средним уровнем дохода – у китайских претендентов (потенциальной контрэлиты). При этом, конечно, когда доходы людей с примерно одинаковым образованием и интенсивностью труда различаются в 4–5 раз, это может задевать чувство справедливости граждан. Однако, исходя из той же логики, такое же различие, достигающее 6–7 раз, как в Индии и России, должно задевать это же чувство существенно сильнее.

Неравенство доходов в США, Великобритании, ФРГ, Франции

Как ни странно, но дифференциация доходов в богатых странах в целом подтверждает ранее описанный феномен: «тучные годы» экономического роста способствуют усилению дифференциации доходов, в то время как в годы кризисов и вялого роста имеет место снижение дифференциации.

Так, финансовый кризис 2008–2009 гг. повлиял на темпы роста доходов различных групп в США одинаково; примерно то же самое наблюдалось в 2020 г. во время пандемии ковида. Однако в других периодах

доходы группы 1% существенно опережали доходы остальных групп, причем работают опасения Турчина: разрыв между верхним 1% и группой претендентов из 9%, следующих за ним, существенно увеличился в 2021–2023 гг. Примерно то же самое, наблюдается и в Великобритании и с еще большим размахом – в ФРГ (рис. 6–8).

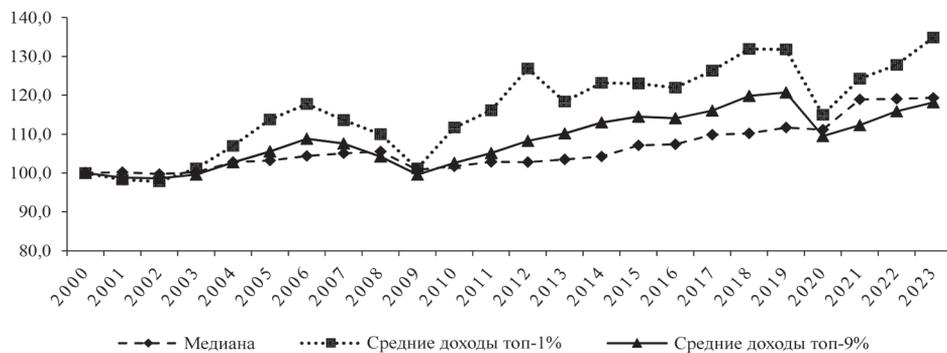

Рис. 6. Темпы роста доходов в США, 2000–2023 гг., в %

Источник: рассчитано авторами.

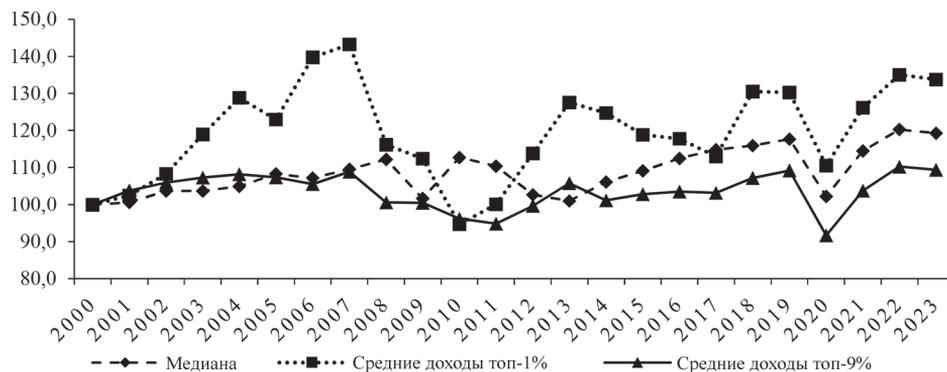

Рис. 7. Темпы роста доходов в Великобритании, 2000–2023 гг., в %

Источник: рассчитано авторами.

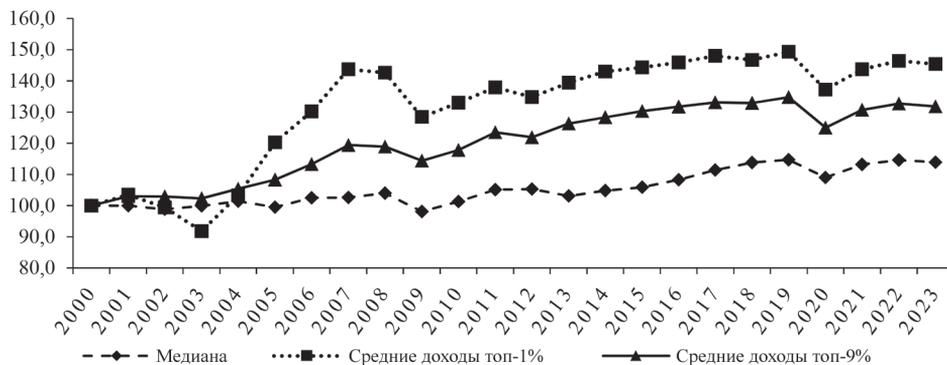
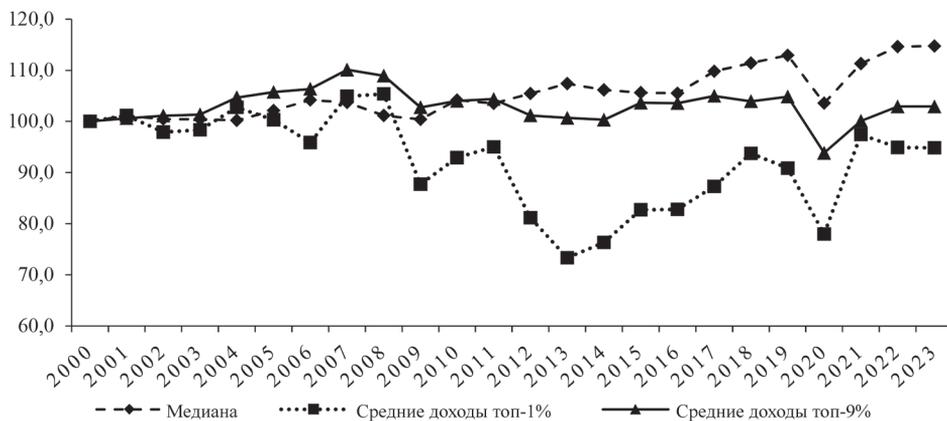

Рис. 8. Темпы роста доходов в Германии, 2000–2023 гг., в %

Источник: рассчитано авторами.

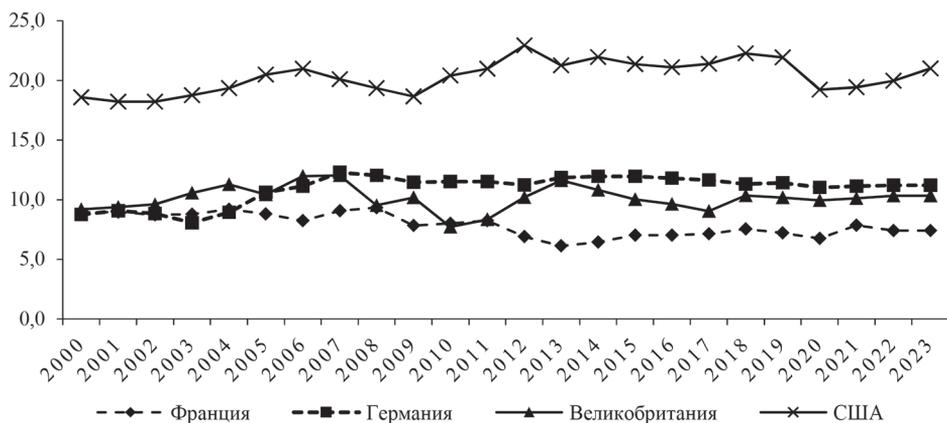
Напротив, во Франции, вопреки утверждениям Т. Пикетти, разрыв между верхним 1%, претендентами из группы 9% и медианой уменьшается. Причем следует подчеркнуть, что на протяжении периода 2009–2023 гг. темп роста доходов верхнего 1% меньше 1, т.е. они *снижаются*, в отличие от медианных доходов, которые *растут* (рис. 9).

Рис. 9. Темпы роста доходов во Франции, 2000–2023 гг., в %

Источник: рассчитано авторами.

Переходя к сравнительной характеристике отношения доходов верхнего 1% к медиане в богатых странах, можно заметить, что в стране с самым высоким неравенством – США – этот показатель относительно близок к показателям Китая (18–20 лет в КНР, 20–24 года в США). В остальных рассматриваемых странах разрыв намного ниже (рис. 10).

Рис. 10. Отношение доходов верхнего 1% к медианным доходам в США, Великобритании, Германии и Франции, 2000–2023 гг.

Источник: рассчитано авторами.

Что же до отношения доходов верхнего 1% и последующих за ним 9%, то здесь показатели дифференциации США оказались близки к показателям Индии, а показатели ФРГ и Великобритании примерно соответствуют показателям Китая; впрочем, и в относительно эгалитарной Франции отставание 9%-ной группы претендентов составляет те же 3–4 года (рис. 11).

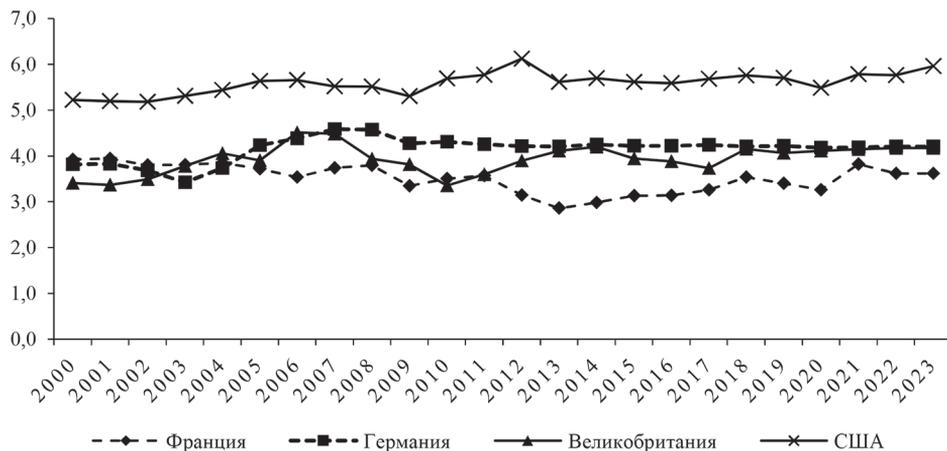

Рис. 11. Отношение доходов верхнего 1% к доходам следующих 9% в США, Великобритании, Германии и Франции, 2000–2023 гг.

Источник: рассчитано авторами.

Таким образом, если подвести промежуточный итог представленным выше оценкам дифференциации доходов, можно согласиться с оценкой П. Турчина, что в США наиболее высокий отрыв верхнего 1% от медианных доходов и доходов претендентов *среди богатых стран*. Если сузить оценку элитных социальных позиций до 0,1% населения, то окажется, что речь идет всего о 340 тыс. населения, которые в пересчете на домохозяйства вряд ли превысят оценку в 170 тыс. семей. Вероятно, эта элита, действительно, достаточно замкнута, и попасть в этот круг стало очень сложно. Во всяком случае, *один из прежних социальных лифтов через образование и науку уже давно не работает*⁴. Впрочем,

⁴ «В 1999 году Джонатан Кац, профессор физики из Университета Вашингтон, опубликовал пост с названием “Не становитесь учеными!”... По словам профессора Каца, “Я знал больше людей, которые разрушили свою жизнь, получив PhD по физике, чем наркоманов”. Спустя четверть века после публикации манифеста, 20 января 2025 г. международной группой ученых в журнале Proceedings of the National Academy of Sciences были опубликованы результаты социологического исследования, посвященного периоду постдокторантуры на основе анализа карьерного пути более сорока пяти тысяч ученых... Ситуация ухудшилась. ...В среднем на одну открытую позицию в академической среде на рассмотрение поступают от десяти до пятидесяти резюме молодых ученых, полностью соответствующих критериям отбора и обладающих необходимой квалификацией. И это несмотря на то, что работа постдокторантов характеризуется терминами “разочарование”, “постоянный стресс”, “несчастный” и “эксплуатируемый” («Не становитесь учеными!» — Что с перепроизводством научных кадров спустя четверть века после публикации манифеста? URL: <https://habr.com/ru/articles/875730/> (дата обращения: 10.03.2025); см. также: [19]).

ради справедливости необходимо подчеркнуть, что такой вывод относится не только к США, но и к большинству государств мира. Тем не менее, если руководствоваться теми же критериями, то, учитывая значительно более высокую социальную дифференциацию, сложившуюся в России, и узость круга отечественной элиты (по-видимому, она насчитывает порядка 50–60 тыс. семей), социальных потрясений следовало бы ожидать скорее в нашей стране, чем за океаном. Однако, как следует из *рисунка 1*, социальная дистанция между верхним децилем и медианой в России сужается, «денежный насос» здесь работает с явными сбоями. Единственный вывод, который можно сделать с определенной степенью уверенности, состоит в том, что сама по себе *степень социальной дифференциации не является достаточным условием начала гражданских столкновений*, как это когда-то полагали марксисты. Впрочем, об этом уже в свое время написали российские исследователи, анализирувавшие причины и ход «арабской весны» [4].

Элиты и высшее образование

Если в аграрных экономиках наличие дворянского звания (титула) было знаком принадлежности к элите, то в условиях индустриальных экономик какое-то время заменой титула служило высшее образование и приобретение ученой степени. Однако шел постепенный, но неуклонный рост удельного веса людей с высшим образованием среди населения. Причем нельзя сказать, что высшее образование обесценивалось и становилось легкодоступным. П. Турчин приводит следующие оценки для США: «В 1976 г. средняя стоимость обучения в государственном университете составляла 617 долл. в год... Рабочий, получавший медианную заработную плату в 1976 г., должен был отработать 150 ч., чтобы оплатить год обучения в колледже. В 2016 г. среднегодовая стоимость обучения в государственном университете составляла 8 404 долл. Работнику с медианной заработной платой нужно было отработать 500 ч., чтобы заплатить за обучение...» [3, с. 95]. Другими словами, при 40-часовой неделе американцу в 1976 г. требовалось отработать 1 месяц, а в 2016 г. — уже более 3 месяцев, чтобы оплатить 1 год обучения в университете.

Руководствуясь примерно той же логикой, приведем некоторые данные о стоимости и доступности высшего образования в рассматриваемых государствах.

В России большая часть высшего образования финансируется за счет бюджета, но кроме этого существует и коммерческий набор студентов. Платное образование предоставляют как государственные, так и негосударственные вузы. За получение высшего образования из собственных средств (и кредитов) в России платят не менее 30% студентов⁵.

---

⁵ Качество приема в российские вузы: 2024. URL: <https://www.hse.ru/ege2024> (дата обращения: 05.03.2025).

Стоимость платного высшего образования варьирует очень сильно, данных о медиане здесь нет. Портал «Табитуриент», где собраны данные 769 вузов, на конец февраля 2025 г. оценивает годовую стоимость обучения в 200 744 руб. в год (надо отметить, что эта сумма достаточно часто меняется, в т.ч. за основу можно принять стоимость в 200 тыс. руб. в год)⁶. Медианную месячную заработную плату в декабре 2024 г. «Сбериндекс» оценивает в 74 462 руб.⁷ Таким образом, чтобы оплатить год обучения, российскому работнику нужно будет отработать 2,7 месяца (2 месяца и три недели). Тем не менее еще раз стоит подчеркнуть, что 2/3 студентов в России получают высшее образование бесплатно, за счет государственных средств.

В Китае бесплатное только начальное образование. Уже в государственных средних (ключевых) школах оплата составляет 2 000–6 000 юаней в год; в частных школах – 10 000–30 000 юаней в год. Характерно, что стоимость обучения в университетах не очень сильно отличается от стоимости обучения в средних школах: в государственных вузах 5 000–30 000, в частных – 20 000–80 000 юаней в год⁸. Учитывая, что наиболее распространенной (по-видимому, это аналог медианы) зарплатой в КНР является 123 892 юаня в год (данные 2024 г., 53,5 тыс. долл. США)⁹, плата за образование представляется существенной. За верхнюю планку обучения в государственном вузе китайскому работнику придется трудиться 2,9 месяца (12 недель)¹⁰.

Как указывает С. Шубхам¹¹, стоимость 1 года обучения в вузах Индии различается в сорок раз, от 20 000 до 800 000 рупий (240–91 459 долл. США¹²). Докторантура стоит еще дороже. Часть затрат на образование покрывается за счет грантов и стипендий. При медианной зарплате в 7 970 руб. или, что то же самое, 7 970 рупий на 1 марта 2025 г.¹³ (курс рубля к доллару очень близок к курсу рупии, составляя 0,011 долл.) верхняя планка стоимости обучения в вузе практически недостижима для медианного работника (близка к годовому заработку). В отношении нижней планки – это примерно 2,5 мес.

В Великобритании действуют разные для Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии нормы, регулирующие цены на высшее

⁶ Средняя стоимость обучения в вузах России 2025. URL: <https://tabiturient.ru/vuzcost/> (дата обращения: 05.03.2025).

⁷ Медианная заработная плата. URL: <https://sberindex.ru/ru/dashboards/median-wages> (дата обращения: 05.03.2025).

⁸ What are the costs of education in China? URL: <https://www.panda-admission.com/blog/1227/> (дата обращения: 05.03.2025).

⁹ Average Salary Survey. URL: <https://www.averagesalariesurvey.com/> (дата обращения: 05.03.2025).

¹⁰ Стоит отметить, что эти данные не совсем сопоставимы. Так, длительность рабочей недели в КНР в декабре 2024 г. была 49 ч. (см.: URL: <https://ru.tradingeconomics.com/china/average-weekly-hours> (дата обращения: 12.03.2025).

¹¹ Shubham S. All About Child Education Costs in India. URL: <https://www.bhartiiaxa.com/be-smart/child/child-education-cost-in-india> (дата обращения: 12.03.2025).

¹² 1 индийская рупия – 0,012 долл. США на 1 октября 2024 г.

¹³ Awbd: Статистика со всего мира. URL: <https://awbd.ru/zarplata/india/> (дата обращения: 12.03.2025).

образование. Так, в 1962 г. обучение в университетах Англии было фактически бесплатным — оно оплачивалось за счет местных органов образования. В 1998 г. появляется плата в размере 1 000 ф. ст., в 2006 г. она фактически увеличилась до 3 000 ф. ст., в 2012 г. — до 9 000 ф. ст., в 2017 г. — до 9 250 ф. ст., в 2025 г. предельная сумма сбора увеличится до 9 535 ф. ст. Таким образом, получается, что уже в 2017 г. средняя стоимость года обучения в Англии оказалась сопоставимой или даже выше, чем в США. Но в Шотландии высшее образование осталось бесплатным для шотландцев (и стоит 9 250 ф. ст. для остальных британцев). В Уэльсе — 9 250 ф. ст. в год, в Северной Ирландии — 4 750 ф. ст. для граждан Северной Ирландии (и 9 250 ф. ст. для других британцев). В целом студенты в Великобритании заканчивают вуз со средним долгом в 58 571 долл. США. 94% студентов в Великобритании заканчивают колледжи, имея задолженность по студенческим кредитам¹⁴.

В **Соединенных Штатах**, наряду с Великобританией, одни из самых высоких сборов за обучение в колледжах в мире. Это привело к ухудшению проблемы студенческих долгов, поскольку многие американские студенты накапливают не менее 50 000 долл. в кредитах после окончания учебы¹⁵. Стоимость четырехгодичного обучения в государственном вузе составляет в среднем 11 260 долл. США (или, для сравнения 8 676 ф. ст.) в штате и 29 150 долл. США (22 461 ф. ст.) за пределами штата. 66% студентов колледжей в США заканчивают вуз, имея ту или иную форму задолженности. Среднестатистический американский студент заканчивает колледж со средним долгом в 26 500 долл.¹⁶

Во **Франции** и **ФРГ** высшее образование является бесплатным (финансируется из госбюджета). В государственных вузах Франции для европейских студентов (граждан стран — членов Европейского союза, Европейской экономической зоны, Андорры или Швейцарии) стоимость обучения на 2024/25 учебный год:

- 175 евро в год (195 долл. США¹⁷) на уровне лицензии (бакалавриат);
- 250 евро в год (278 долл. США) на уровне магистратуры;
- 618 евро в год (686 долл. США) в школе инженерии;
- 391 евро в год (434 долл. США) на уровне докторантуры¹⁸.

Примерно такие же сборы установлены и в вузах ФРГ, оплата различается незначительно.

Однако обучение *в частных учебных заведениях Франции*, и особенно в частных бизнес-школах, значительно выше, чем в государственных, и составляет 6 000—8 000 евро в год. В свою очередь плата за обра-

---

¹⁴ Hanson M. Average Cost of College by Country. URL: <https://educationdata.org/average-cost-of-college-by-country> (дата обращения: 12.03.2025).

¹⁵ Bouchrika I. How Much Does College Cost for 2025: Breakdown for the US and Other Countries. URL: <https://research.com/universities-colleges/how-much-does-college-cost> (дата обращения: 12.03.2025).

¹⁶ Hanson M. Average Cost of College by Country. URL: <https://educationdata.org/average-cost-of-college-by-country> (дата обращения: 12.03.2025).

¹⁷ 1 евро — 1,11 долл. США на 1 сентября 2024 г.

¹⁸ Tuition fees in France. URL: <https://www.campusfrance.org/en/tuition-fees-France> (дата обращения: 12.03.2025).

зование в частных университетах ФРГ составляет 5 000–20 000 евро в год, а специализированные программы, такие как МВА, могут стоить до 65 000 евро за всю программу.

Таким образом, можно констатировать, что плата за год обучения (там, где она есть) в вузах всех стран растет быстрее, чем медианная заработная плата. Вероятно, и издержки государственных вузов в расчете на одного студента также опережают рост медианной зарплаты — для Великобритании и США это вполне правдоподобное допущение.

Означает ли это, что тем самым образовательный фильтр на пути претендентов в элиту становится более узким, и удельный вес людей с высшим образованием стабилизируется или даже снижается? Имеющиеся данные свидетельствуют об обратном.

Среди рассмотренных стран, согласно данным ОЭСР, Россия самая образованная — с самой высокой долей населения 25–64 лет, имеющего высший уровень образования (57% в 2018 г.) (см. рис. 12). Далее следуют Великобритания (51% в 2022 г.), США (50% в 2022 г.), Франция (42% в 2022 г.) и Германия (33% в 2022 г.). Данные для Индии и Китая неполные. В Индии 13% населения в возрасте 25–64 лет в 2022 г. имеет высшее образование, а в Китае этот показатель в 2020 г. равен 19%.

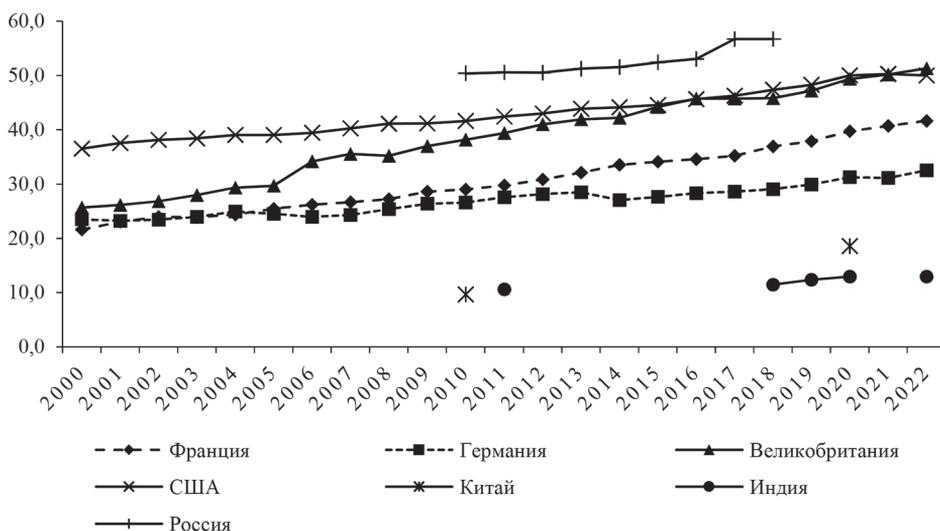
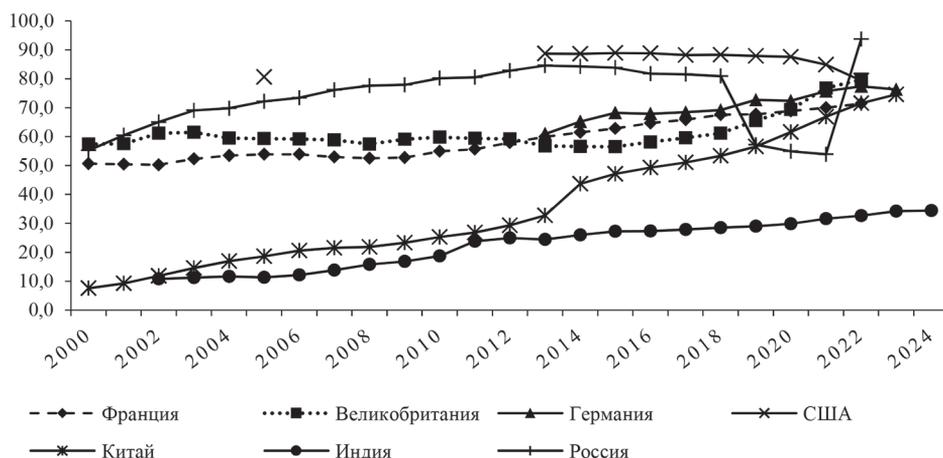

Рис. 12. Доля населения в возрасте 25–64 лет с высшим образованием, в %

Источник: [20].

Уровень охвата высшим образованием населения в возрасте 25–64 лет за период с 2000 по 2022 г. больше всего увеличился в Великобритании и Франции — в 2 раза, в Германии и США — почти на 40%. В России за период с 2010 по 2018 г. доля лиц в возрасте 25–64 лет с высшим образованием увеличилась на 13%. В Китае за период с 2010 по 2020 г. этот показатель вырос в 2 раза, а в Индии с 2011 по 2022 г. — на 20%.

Наблюдается тенденция к увеличению охвата высшим образованием населения (см. рис. 13). Для определения значения валового коэффициента охвата высшим образованием общее число учащихся в высших учебных заведениях независимо от возраста выражается в процентах от общей численности населения пятилетней возрастной группы после окончания школы. Самый высокий валовой коэффициент охвата высшим образованием в России (93,7%). Затем следуют США (79,4%), Великобритания (79,7%), Германия (76,3%), Франция (71,4%). Значительных успехов добился Китай, увеличив валовой коэффициент охвата высшим образованием с 7,6% в 2000 г. до 74,6% в 2023 г. Индия значительно отстает от лидеров. Парадоксально, что в Индии растет доля выпускников с высшим образованием, но при этом страна еще борется со значительным уровнем неграмотности. Пренебрежение Индией обязательным начальным образованием оставило большую часть ее населения в ловушке низкопроизводительного сельского хозяйства. И в КНР, и в Индии в 1987–1988 гг. 62% рабочей силы было занято в сельском хозяйстве. Но Китай сократил этот показатель до 15% к 2018 г., тогда как Индии удалось снизить его только до 40%¹⁹ [21].

Рис. 13. Валовой коэффициент охвата населения высшим образованием, в %

Источник: [21].

Таким образом, высшее образование, как и получение ученых степеней, можно исключить из важнейших признаков, необходимых для прохождения в элиту, этот фильтр вертикальной социальной мобильности, в сущности, прекратил свою работу. Естественно, это не означает, что претенденты на элиту во всех странах, кроме Индии, могут его не получать. Это говорит лишь о том, что это благо перестало быть элитарным, в отличие, например, от некоторых объектов

¹⁹ Nitin K. B., Li Y. China vs. India: how human capital shaped two distinct economic paths. URL: <https://wid.world/news-article/china-vs-india-how-human-capital-shaped-two-distinct-economic-paths/> (дата обращения: 12.03.2025).

недвижимости, обладание которыми сразу же характеризует социальный статус владельца. По-видимому, вопрос о «премии» за высшее образование остается дискуссионным – например, Р. Капелюшников полагает, что на недооценку отдачи от образования сильно влияют недостатки статистики [22]. Однако коэффициент валового охвата населения России в 93,7%, который приводит ЮНЕСКО, может свидетельствовать как о недостатках статистики, так и о том, что функции системы высшего образования в современных обществах претерпели принципиальные перемены.

Другие показатели: Дж. Голдстоун и структурные условия возникновения революций

Проверка гипотезы о действии «денежного насоса» по П. Турчину приводит к выводу о том, что *в наиболее опасном по сравнению с другими социально-экономическом положении находится Россия*. Именно здесь наблюдается самый большой разрыв между медианой и топ-1%, и, что еще опаснее, самый высокий разрыв между топ-1% и топ-9%.

Однако следует ли ожидать обострения гражданских конфликтов, ведущих к революции, на фоне высокого неравенства? Если следовать структурно-динамической теории, неравенство само по себе не является ни необходимым, ни достаточным условием революций. Дж. Голдстоун отмечает: «Исследователи революций согласны друг с другом относительно пяти элементов, которые считаются необходимыми и достаточными условиями неустойчивого социального равновесия. Первый из них – проблемы в экономической и фискальной сферах, мешающие поступлению ренты и налогов в распоряжение правителей и элит и снижающие доходы всего населения в целом... Второй элемент – растущее отчуждение и оппозиционные настроения в среде элит... Третий элемент – революционная мобилизация, опирающаяся на нарастающее народное возмущение несправедливостью. Это возмущение не обязательно оказывается следствием крайней нищеты или неравенства... Четвертый элемент – идеология, предлагающая убедительный и разделяемый всеми нарратив сопротивления, объединяющая недовольство и требования населения и элит, устанавливающая связь между различными группами и способствующая их мобилизации... Наконец, революции необходима благоприятная международная обстановка. Успех революции часто зависел или от иностранной помощи, поступавшей оппозиции в трудный момент, или от отказа в помощи правителю со стороны иностранной державы. И наоборот, многие революции терпели неудачу или были подавлены интервенцией, направленной на помощь контрреволюции» [2, с. 31–35].

Из перечисленных пяти факторов в отношении революции в России представляется справедливым только последний, да и то с некоторыми оговорками. Пока неравенство не вызывает даже раскола элит, не говоря уже о революционной мобилизации (и напротив, раскол элит в бога-

тых государствах, похоже, становится фактом). В отношении проблем в фискальной и экономической сферах приведем некоторые данные (см. табл. 2).

Т а б л и ц а 2

**Долговая нагрузка и национальные сбережения,
средние показатели периода 2010–2020 гг.**

Государства	Государственный долг, % к ВВП	Долг домохозяйств, % к ВВП	Общий уровень долговой нагрузки, % ВВП	Национальные сбережения, % ВВП
«Догоняющие»	34,61	32,82	67,44	35,81
Россия	13,37	17,57	30,94	29,66
Китай	46,68	46,59	93,27	46,84
Индия	43,79	34,31	78,10	30,93
Богатые	99,65	71,51	171,17	20,65
США	106,27	81,74	188,01	17,63
Великобритания	115,48	91,81	207,30	16,11
ФРГ	80,30	54,55	134,85	26,98
Франция	96,59	57,93	154,52	21,89

Источник: рассчитано по: [23; 24; 25; 26].

Данные прошлого десятилетия усреднены, поэтому сдвиг на период 2014–2024 гг. поменяет их на сравнительно небольшую величину (существенно ухудшатся показатели ФРГ, несколько вырастет задолженность домохозяйств в России и т.п.). Однако общий вывод сохранится: показатели США, Великобритании, ФРГ и Франции свидетельствуют о гораздо большей финансово-экономической нестабильности по Голдстоуну, чем показатели России, КНР и Индии. И вопреки прежним представлениям о невозможности насильственной смены власти в демократических богатых странах, эти индикаторы заставляют насторожиться. Кроме того, во всех этих странах, несмотря на декриминализацию мелких преступлений (кражи, хранение и употребление наркотиков), достаточно высок уровень преступности (табл. 3).

Если принять во внимание эти данные, а кроме того, учесть частоту правительственных кризисов за последние 15 лет (именно этот показатель, по нашему мнению, свидетельствует о расколе элит), то на-

большие риски гражданских конфликтов и политического распада существуют в Великобритании. Причем по степени криминализации богатые европейские страны существенно обошли США, что противоречит опасениям П. Турчина в отношении именно центра мир-системы. С другой стороны, конечно, учитывая наличие многочисленных контр-элит во всех рассматриваемых странах, нельзя исключать гражданских конфликтов ни в Европе, ни в США.

Т а б л и ц а 3

Уровень преступности (количество преступлений в расчете на 100 тыс. чел. населения)

Год	Россия	Китай	Индия	США	Велико-британия	ФРГ	Франция
2013	1 534,19	482,59	540,4	3 106 ,39	н/д	7 404	н/д
2014	1 495,19	475,11	581,1	2 936 ,12	7 205,16	7 530	н/д
2015	1 625,22	518,63	374,1	2 869,6	7 633,12	7 797	н/д
2016	1 465,63	461,64	379,3	2 851 ,55	8 235,23	7 755	4 593,96
2017	1 393,80	391,58	388,6	2 752,94	9 280,62	6 982	4 592,81
2018	1 347,28	360,69	383,5	2 589,34	9 317,22	6 710	4 508,19
2019	1 368,72	344,83	385,5	2 512,08	10 270,78	6 548	4 591,51
2020	1 383,97	338,54	487,8	2 356,76	9 393,38	6 386	3 960,93
2021	1 361,52	355,93	445,9	2 219,29	9 962,42	6 670	4 270,76
2022	1 340,57	313,32	422,2	2 335,13	11 122,80	6 762	4 667,78
2023	1 330,95	н/д	422,2	н/д	10 984,99	7 042	4 765,99

Источник: [27; 28; 29; 30; 31; 32; 33].

В то же время П. Турчин не одинок в своих оценках. Вот что писал Р. Лахман, автор концепции пата элит, в своей последней книге: «Свидетельства упадка очевидны для нас, жителей Америки первых десятилетий XXI в. Рушатся наши мосты, прорываются водопроводные и канализационные трубы и плотины, во все больший беспорядок приходят дорожное и воздушное движение, а пассажирские поезда, ходящие по урезанному расписанию, с трудом развивают даже скорости начала XX в. — однако расходы на инфраструктуру не увеличиваются. Тем временем посещение большинства стран Европы и Восточной Азии — начиная с прибытия в аэропорт до поездки в город на высокоскоростном поезде или метро — может показаться американцу путешествием в страну завтрашнего дня... Мы больше не можем похвастаться наивысшими достижениями учащихся начальной, средней и высшей школы. Американская молодежь, занимающаяся в ветшающих школах,

демонстрирует гораздо худшие результаты, чем ее ровесники в странах, имеющих куда меньший уровень национального дохода или расходов на образование... США действительно осуществляют избыточные расходы в двух секторах — здравоохранении и обороне, однако на протяжении десятилетий их относительное положение в обеих этих сферах ухудшалось...» [34, с. 8–9].

Заключение

Подводя итоги этой небольшой проверки положений структурно-динамической теории, можно констатировать, что *простая схема* «образовательный фильтр — производство элиты — рост доходов — включение “денежного насоса” и рост социальной дифференциации — перепроизводство элиты и появление контрэлиты — социально-экономический кризис и перестройка политико-экономического режима» *работает только в ретроспективе*, как гипотеза, позволяющая упорядочить материал. Все перечисленные Голдстоуном факторы имели место и сыграли важнейшую роль в российской (1917), мексиканской и китайской революциях, в исламской революции в Иране, в «арабской весне». Тем не менее даже при включении этих дополнительных факторов в анализ невозможно сделать сколько-нибудь достоверный политико-экономический прогноз грядущих крупных гражданских конфликтов и смены элит в перспективе ближайших двух-трех лет.

Экономистам хорошо знакомы подобные трудности возникающих при построении прогнозов кризисов в ходе разворачивающихся деловых циклов. Существует консенсус, что экономический спад — это плохо, поэтому необходимо предпринять все меры для того, чтобы его избежать. Такой же консенсус по отношению к возможности политического кризиса существует и у господствующих элит. Тем не менее у контрэлит, которые не могут получить требуемый ими политический и социальный статус, на этот счет другое мнение.

Несмотря на то, что экономисты существенно продвинулись в понимании природы циклов и разработке инструментов антициклической политики, экономические кризисы все же время от времени случаются. Современные политико-экономы, по-видимому, еще только в начале пути. Но проблема, которую они пытаются решить совместно с социологами, политологами, статистиками и математиками, крайне сложна и важна.

Приложение

Статистические данные о медианных доходах, доходах топ-1% и топ-9% в КНР, Индии, США, Великобритании, ФРГ, Франции

Год	Китай			Индия		
	Медианные доходы	Средние доходы топ-1%	Средние доходы топ-9%	Медианные доходы	Средние доходы топ-1%	Средние доходы топ-9%
2000	4 087,00	63 171,49	17 087,55	3 712,24	83 769,69	15 397,87
2001	4 228,44	66 559,43	17 917,97	3 680,49	88 874,56	15 711,40
2002	4 287,56	84 173,06	20 741,79	3 643,88	95 524,69	16 212,48
2003	4 540,03	95 822,08	22 566,39	3 741,07	104 490,38	17 150,76
2004	4 954,82	110 039,87	24 723,30	3 841,94	114 826,75	18 201,02
2005	5 255,24	121 038,91	27 033,54	3 961,35	124 808,35	19 236,18
2006	5 872,06	137 760,61	29 525,43	4 054,39	133 415,81	2 0824,83
2007	6 573,86	158 395,05	32 640,04	4 186,25	141 057,33	22 507,17
2008	6 915,20	164 412,46	34192,22	4 217,99	144 828,03	23 839,56
2009	7 346,32	174 406,55	35 480,05	4 236,60	153 251,20	25 458,65
2011	7 964,13	186 650,09	39 278,20	4 354,41	166 056,42	27 831,07
2012	8 573,24	189 696,36	42 822,51	4 320,14	171 802,83	30 660,71
2013	9 544,78	188 711,45	44 594,49	4 355,07	179 258,59	32 213,24
2014	9 412,34	199 084,94	48 126,14	4 445,25	187 210,53	32 970,18
2015	10 435,45	209 538,03	50 334,87	4 530,33	191 837,69	35 342,69
2016	11 024,49	224 250,58	52 950,40	4 750,36	207 442,80	37 868,41
2017	12 970,04	237 507,55	56 291,59	4 877,97	227 891,99	41 278,26
2018	13 487,42	270 350,22	59 427,30	5 060,41	237 976,51	43 894,92
2019	14 312,53	277 461,75	62 572,53	5 480,87	251 152,08	44 842,83
2020	15 073,95	288 332,28	65 816,36	5 664,78	244 879,95	46 424,87
2021	14 857,18	305 143,98	65 630,08	5 459,48	227 826,68	42 365,00
2022	16 017,11	334 676,85	71 136,47	5 602,58	239 057,14	44 178,88
2023	16 044,66	341 657,20	72 337,77	5 835,31	265 357,77	46 668,84

П р о д о л ж е н и е п р и л о ж е н и я

Год	США			Великобритания		
	Медианные доходы	Средние доходы топ-1%	Средние доходы топ-9%	Медианные доходы	Средние доходы топ-1%	Средние доходы топ-9%
2000	53 655,20	997 031,60	190 813,76	47 151,86	433 557,25	127 171,74
2001	53 774,90	979 988,80	188 661,87	47 405,07	444 461,25	131 973,15
2002	53 518,20	975 196,60	188 223,21	48 869,57	469 602,26	134 651,97
2003	53 779,10	1 008 573,10	189 979,31	48 884,07	515 790,71	136 404,93
2004	55 168,50	1 066 698,50	196 087,19	49 471,85	558 412,00	137 534,30
2005	55 370,20	1 134 311,90	201 361,66	51 039,53	532 964,20	136 482,69
2006	55 990,00	1 173 966,30	207 666,01	50 554,62	605 767,31	134 223,06
2007	56 359,20	1 132 463,90	205 245,30	51 635,56	620 986,81	138 484,52
2008	56 640,10	1 096 328,80	198 889,11	52 928,50	503 719,53	127 923,22
2009	54 096,00	1 008 689,30	190 095,41	47 942,49	487 266,77	127 729,64
2011	54 565,30	1 113 593,10	195 770,75	53 151,34	410 428,53	122 355,26
2012	55 187,70	1 157 922,40	200 619,99	52 040,03	433 864,65	120 568,55
2013	55 162,80	1 264 812,80	206 563,27	48 413,05	493 478,72	126 688,09
2014	55 518,00	1 180 568,60	210 279,56	47 604,56	553 024,10	134 510,76
2015	55 935,50	1 228 116,50	215 629,64	50 010,49	540 586,62	128 597,17
2016	57 460,80	1 226 638,00	218 428,81	51 450,72	515 373,56	130 806,46
2017	57 631,90	1 215 954,30	217 728,72	53 012,14	510 559,41	131 600,41
2018	58 922,80	1 259 241,80	221 499,08	54 158,86	489 682,62	131 180,81
2019	59 105,30	1 315 515,90	228 589,87	54 652,32	565 867,59	136 259,97
2020	59 923,80	1 314 029,30	230 385,97	55 496,99	564 780,86	138 893,69
2021	59 628,80	1 146 350,00	208 991,57	48 211,88	479 077,32	116 548,42
2022	63 810,20	1 238 577,10	214 236,84	53 971,13	546 788,65	131 918,90
2023	63 876,50	1 274 610,10	221 069,33	56 698,81	585 348,72	140 192,71

О к о н ч а н и е   п р и л о ж е н и я

Год	Германия			Франция		
	Медианные доходы	Средние доходы топ-1%	Средние доходы топ-9%	Медианные доходы	Средние доходы топ-1%	Средние доходы топ-9%
2000	50 063,43	438 915,26	115 157,41	53 428,13	479 026,16	122 128,34
2001	50 074,56	454 165,09	118 595,98	54 032,72	484 586,18	122 895,25
2002	49 454,34	436 315,96	118 436,14	53 675,31	469 067,26	123 478,36
2003	49 997,40	403 015,39	117 755,47	53 679,34	471 219,19	123 814,02
2004	50 743,21	453 369,99	121 410,17	53 551,80	492 160,89	127 866,18
2005	49 827,74	528 079,92	124 664,64	54 570,03	480 539,79	129 178,99
2006	51 294,30	571 204,76	130 400,07	55 665,54	459 160,57	129 862,47
2007	51 374,42	630 584,18	137 462,30	55 415,08	502 488,69	134 471,92
2008	52 055,46	625 606,08	136 897,06	54 069,27	504 745,63	133 075,96
2009	49 114,45	563 428,28	131 722,10	53 652,93	420 192,25	125 504,86
2011	50 685,91	583 846,00	135 594,73	55 672,40	445 229,87	127 024,49
2012	52 600,78	604 979,27	142 192,94	55 303,35	455 286,77	127 433,49
2013	52 701,31	591 631,36	140 334,94	56 335,76	388 740,02	123 574,84
2014	51 625,18	611 846,47	145 447,06	57 385,47	351 259,22	122 939,79
2015	52 480,53	627 567,98	147 721,02	56 740,16	365 580,75	122 546,88
2016	53 026,55	633 265,28	150 001,54	56 434,96	396 183,76	126 600,04
2017	54 231,80	640 047,72	151 600,62	56 369,32	396 637,09	126 517,14
2018	55 782,98	649 614,61	153 229,19	58 650,13	418 234,54	128 231,26
2019	56 966,82	643 761,44	152 961,49	59 522,18	449 073,53	126 969,28
2020	57 419,49	655 188,71	155 154,79	60 332,03	435 380,91	128 089,41
2021	54 564,36	602 066,56	143 973,09	55 328,56	373 534,50	114 617,33
2022	56 685,93	630 543,63	150 480,89	59 465,05	466 867,00	122 257,79
2023	57 366,97	642 312,76	152 727,95	61 246,89	454 619,09	125 729,68

Источник: [18].

Список литературы

1. *Голдстоун Дж.* Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории. 1500–1850. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 302 с.
2. *Голдстоун Дж.* Революции. Очень краткое введение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 192 с.
3. *Турчин П.В.* Конец времен. Элиты, контрэлиты и путь политического упада. М.: АСТ, 2024. 640 с.
4. *Кортаев А.В., Зинькина Ю.В., Ходунов А.С.* Арабская весна 2011 г. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Вып. 3. М.: Учитель, 2012. 464 с.
5. *Кульчицкий В.В.* Исследование экстремальных исторических событий математическими методами. Волгоград: Учитель, 2022. 116 с.
6. *Нефедов С.* История России. Факторный анализ. Т. 1. С древнейших времен до Великой Смуты. М.: ИД Территория будущего, 2010. 374 с.
7. *Нефедов С.* История России. Факторный анализ. Т. 2. От окончания Смуты до Февральской революции. М.: ИД Территория будущего, 2010. 685 с.
8. *Балацкий Е.В.* Элиты и контрэлиты в теории пассионарности П. Турчина // Социальное пространство. 2024. Т. 10. № 3. URL: http://sa.isert-ran.ru/article/30087/full?_lang=ru
9. *Вебер М.* Хозяйство и общество. Т. 4. Господство. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 542 с.
10. *Нуреев Р.М., Латов Ю.В.* Постсоветское институциональное развитие: в поисках выхода из колеи власти – собственности // Мир России. 2015. Т. 24. № 2. С. 50–88.
11. *Плискевич Н.М.* Архаичный патернализм как органическая часть системы «власть – собственность» // Общественные науки и современность. 2018. № 1. С. 17–32.
12. *Травин Д.Я., Гельман В.Я., Заостровцев А.П.* Российский путь: идеи, интересы, иллюзии. СПб.: Европейский университет, 2017. 302 с.
13. *Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. 480 с.
14. *Наум М.* Конец власти. От залов заседаний до полей сражений, от церкви до государства. Почему управлять сегодня надо иначе. М.: АСТ, 2016. 512 с.
15. *Кревельд М. ван.* Расцвет и упадок государства / пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова, А. Макеева. М.; Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2016. 545 с.
16. *Novokmet F., Piketty Th., Zucman G.* From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016. URL: <http://piketty.pse.ens.fr/files/NPZ2017WIDworld.pdf>. (дата обращения: 12.03.2025).
17. *Гайдар Е.Т.* Аномалии экономического роста. М.: Евразия, 1997. 215 с.
18. *Alvaredo F., Atkinson A.B., Piketty T., Saez E.* World inequality database. 2024. URL: <http://wid.world/data> (дата обращения: 10.03.2025).
19. *Duan Yu., Memon Sh.A., AlShebli B., Duan Q., Holme P., Rahwan T.* Where Postdoctoral Journeys Lead. URL: <https://arxiv.org/pdf/2411.03938> (дата обращения: 10.03.2025).
20. OECD Data Explorer. Population with tertiary education. URL: [https://data-explorer.oecd.org/vis?lc=en&df\[ds\]=DisseminateArchiveDMZ&df\[id\]=DF_DP_LIVE&df\[ag\]=OECD&df\[vs\]=&av=true&pd=2000%2C2023&dq=RUS%2BBIND%2BCHN%2BUS%2BGBR%2BDEU%2BFRA%2BOECD.EDUADULT%2BEDUTRY%2BGRADRATETRY...A&to\[TIME_PERIOD\]=false&vw=tb](https://data-explorer.oecd.org/vis?lc=en&df[ds]=DisseminateArchiveDMZ&df[id]=DF_DP_LIVE&df[ag]=OECD&df[vs]=&av=true&pd=2000%2C2023&dq=RUS%2BBIND%2BCHN%2BUS%2BGBR%2BDEU%2BFRA%2BOECD.EDUADULT%2BEDUTRY%2BGRADRATETRY...A&to[TIME_PERIOD]=false&vw=tb) (дата обращения: 10.03.2025).

21. UIS Data Browser. Gross enrolment ratio for tertiary education. URL: <https://databrowser.uis.unesco.org/view#indicatorPaths=UIS-SDG4Monitoring%3A0%3AGER.5T8&geoMode=countries&geoUnits=CHN%2CIND%2CDEU%2CFRA%2CGBR%2CRUS%2CUSA&browsePath=EDUCATION%2FUIS-SDG4Monitoring&timeMode=range&view=table&chartMode=multiple&tableIndicatorId=GER.5T8&chartIndicatorId=GER.5T8&chartHighlightSeries=&chartHighlightEnabled=true> (дата обращения: 10.03.2025).

22. *Капелюшников Р.И.* Отдача от образования в России: ниже некуда. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 52 с. URL: https://wp.hse.ru/data/2021/03/09/1396924941/WP3_2021_03_____.pdf (дата обращения: 12.03.2025).

23. World Development Indicators. URL: <https://databank.worldbank.org/databases/page/1/orderby/popularity/direction/desc?qterm=BANK> (access date: 10.03.2025).

24. International Monetary Fund. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/HDTGPDUSQI63N> (дата обращения: 10.03.2025).

25. OECD Data Explorer – NAAG. URL: [https://data-explorer.oecd.org/vis?df\[ds\]=dsDisseminateFinalDMZ&df\[id\]=DSD_NAAG%40DF_NAAG&df\[ag\]=OECD.SDD.NAD&df\[vs\]=&pd=2010%2C2020&dq=A.CHN%2BRUS%2BDEU%2BGBR%2BUSA.LESIM_FD4..&to\[TIME_PERIOD\]=false&vw=tb&lb=bt&lc=en&pg=0&ly\[cl\]=TIME_PERIOD&ly\[rw\]=REF_AREA](https://data-explorer.oecd.org/vis?df[ds]=dsDisseminateFinalDMZ&df[id]=DSD_NAAG%40DF_NAAG&df[ag]=OECD.SDD.NAD&df[vs]=&pd=2010%2C2020&dq=A.CHN%2BRUS%2BDEU%2BGBR%2BUSA.LESIM_FD4..&to[TIME_PERIOD]=false&vw=tb&lb=bt&lc=en&pg=0&ly[cl]=TIME_PERIOD&ly[rw]=REF_AREA) (дата обращения: 10.03.2025).

26. OECD Data Explorer. Public finance main indicators – Government at a glance: Yearly updates. URL: [https://data-explorer.oecd.org/vis?lc=en&fc=Measure&nb=5&vw=tb&df\[ds\]=dsDisseminateFinalDMZ&df\[id\]=DSD_GOV%40DF_GOV_PFYU&df\[ag\]=OECD.GOV.GIP&df\[vs\]=&pd=2007%2C&dq=A.DEU%2BGBR%2BUSA.GGD.PT_BIGQ...&to\[TIME_PERIOD\]=false](https://data-explorer.oecd.org/vis?lc=en&fc=Measure&nb=5&vw=tb&df[ds]=dsDisseminateFinalDMZ&df[id]=DSD_GOV%40DF_GOV_PFYU&df[ag]=OECD.GOV.GIP&df[vs]=&pd=2007%2C&dq=A.DEU%2BGBR%2BUSA.GGD.PT_BIGQ...&to[TIME_PERIOD]=false) (дата обращения: 10.03.2025).

27. FBI. URL: <https://www.fbi.gov/how-we-can-help-you/more-fbi-services-and-information/> (дата обращения: 10.03.2025).

28. Crime in England and Wales: Quarterly data tables. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/crimeandjustice/datasets/crimeinenglandandwalesquarterlydatatables> (дата обращения: 10.03.2025).

29. Criminal offenses recorded by police in Germany from 2013 to 2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/1101190/crimes-recorded-by-police-per-100000-inhabitants-germany/> (дата обращения: 10.03.2025).

30. Taux de dépôt de plainte estimés à partir de l'enquête Cadre de vie et sécurité. URL: <https://www.interieur.gouv.fr/content/download/132022/1048507/file/Synth%C3%A8se%202021.xlsx> (дата обращения: 10.03.2025).

31. Ежегодный отчет МВД РФ // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Itog_migr_1990-2023.xlsx (дата обращения: 10.03.2025).

32. China statistical yearbook // National Bureau of Statistics of China. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2023/indexeh.htm> (дата обращения: 10.03.2025).

33. Annual Reports // National Crime Records Bureau (NCRB). URL: <https://www.ncrb.gov.in/crime-in-india.html> (дата обращения: 10.03.2025).

34. *Лахман Р.* Пассажиры первого класса на тонущем корабле. Политика элиты и упадок великих держав. М.: Изд-во книжного магазина Циолковский, 2022. 616 с.

References

1. Goldstoun Dzh. Pochemu Evropa? Vozvyshenie Zapada v mirovoi istorii. 1500–1850 [Why Europe? The Rise of the West in World History. 1500–1850]. Moscow, Izd-vo Instituta Gaidara, 2014, 302 p. (In Russ.).
2. Goldstoun Dzh. Revoliutsii. Ochen' kratkoe vvedenie [A Very Brief Introduction]. Moscow, Izd-vo Instituta Gaidara, 2015, 192 p. (In Russ.).
3. Turchin P.V. Konets vremen. Elity, kontrelity i put' politicheskogo raspada [The End of Times. Elites, Counter-Elites, and the Path of Political Disintegration]. Moscow, AST, 2024, 640 p. (In Russ.).
4. Korotaev A.V., Zin'kina Iu.V., Khodunov A.S. Arabskaia vesna 2011 g. Sistemnyi monitoring global'nykh i regional'nykh riskov [The Arab Spring of 2011. Systemic Monitoring of Global and Regional Risks], Iss. 3. Moscow, Uchitel', 2012, 464 p. (In Russ.).
5. Kul'chitskii V.V. Issledovanie ekstremal'nykh istoricheskikh sobytii matematicheskimi metodami [Study of extreme Historical Events by Mathematical Methods]. Volgograd, Uchitel', 2022, 116 p. (In Russ.).
6. Nefedov S. Istoriia Rossii. Faktorny analiz. T. 1. S drevneishikh vremen do Velikoi Smuty [History of Russia. Factor analysis. Vol. 1. From ancient times to the Great Troubles]. Moscow, ID Territoria budushchego, 2010, 374 p. (In Russ.).
7. Nefedov S. Istoriia Rossii. Faktorny analiz. T. 2. Ot okonchaniia Smuty do Fevral'skoi revoliutsii. Moscow, ID Territoria budushchego, 2010, 685 p. (In Russ.).
8. Balatskii E.V. Elity i kontrelity v teorii passionarnosti P. Turchina [Elites and Counter-Elites in P. Turchina's Theory of Passionarity], *Sotsial'noe prostranstvo* [Social Space], 2024, Vol. 10, No. 3. (In Russ.). Available at: http://sa.isert-ran.ru/article/30087/full?_lang=ru
9. Veber M. Khoziaistvo i obshchestvo. T.4. Gospodstvo [Economy and Society. Vol. 4. Domination]. Moscow, Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki, 2019, 542 p. (In Russ.).
10. Nureev R.M., Latov Iu.V. Postsovetskoe institutsional'noe razvitie: v poiskakh vykhoda iz kolei vlasti – sobstvennosti [Post-Soviet Institutional Development: in Search of a Way Out of the Rut of Power – Property], *Mir Rossii* [Mir Rossii], 2015, Vol. 24, No. 2, pp. 50–88. (In Russ.).
11. Pliskevich N.M. Arkhaichnyi paternalizm kak organicheskaia chast' sistemy "vlast' – sobstvennost'" [Archaic Paternalism as an Organic Part of the "Power – Property" System], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2018, No. 1, pp. 17–32. (In Russ.).
12. Travin D.Ia., Gel'man V.Ia., Zaostrov'tsev A.P. Rossiiskii put': idei, interesy, illiuzii [The Russian Way: Ideas, Interests, Illusions]. Saint Petersburg, Evropeiskii universitet, 2017, 302 p. (In Russ.).
13. Nort D., Uollis Dzh., Vaingast B. Nasilie i sotsial'nye poriadki. Kontseptual'nye ramki dlia interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva [A Conceptual Framework for Interpreting Written Human History]. Moscow, Izd. Instituta Gaidara, 2011, 480 p. (In Russ.).
14. Naim M. Konets vlasti. Ot zalov zasedanii do polei srazhenii, ot tserkvi do gosudarstva. Pochemu upravliat' segodnia nado inache [The End of Power. From Boardrooms to Battlefields, from Church to State. Why We Need to Govern Differently Today]. Moscow, AST, 2016, 512 p. (In Russ.).
15. Krevel'd M. van. Rastsvet i upadok gosudarstva [The Rise and Decline of the State]. Eds. Iu. Kuznetsova, A. Makeeva. Moscow, Cheliabinsk, IRISEN, Sotsium, 2016, 545 p. (In Russ.).
16. Novokmet F., Piketty Th., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016. Available at: <http://piketty.pse.ens.fr/files/NPZ2017WIDworld.pdf>. (accessed 12 March 2025).

17. Gaidar E.T. Anomalii ekonomicheskogo rosta [Anomalies of Economic Growth]. Moscow, Evraziia, 1997, 215 p. (In Russ.).

18. Alvaredo F., Atkinson A.B., Piketty T., Saez E. World inequality database. 2024. Available at: <http://wid.world/data> (accessed 01 March 2025).

19. Duan Yu., Memon Sh.A., AlShebli B., Duan Q., Holme P., Rahwan T. Where Postdoctoral Journeys Lead. Available at: <https://arxiv.org/pdf/2411.03938> (accessed 10 March 2025).

20. OECD Data Explorer. Population With Tertiary Education. Available at: [https://data-explorer.oecd.org/vis?lc=en&df\[ds\]=DisseminateArchiveDMZ&df\[id\]=DF_DP_LIVE&df\[ag\]=OECD&df\[vs\]=&av=true&pd=2000%2C2023&dq=RUS%2BIND%2BCHN%2BUSA%2BGBR%2BDEU%2BFRA%2BOECD.EDUADULT%2BEDUTRY%2BGADRATETRY...A&to\[TIME_PERIOD\]=false&vw=tb](https://data-explorer.oecd.org/vis?lc=en&df[ds]=DisseminateArchiveDMZ&df[id]=DF_DP_LIVE&df[ag]=OECD&df[vs]=&av=true&pd=2000%2C2023&dq=RUS%2BIND%2BCHN%2BUSA%2BGBR%2BDEU%2BFRA%2BOECD.EDUADULT%2BEDUTRY%2BGADRATETRY...A&to[TIME_PERIOD]=false&vw=tb) (accessed 10 March 2025).

21. UIS Data Browser. Gross Enrolment Ratio for Tertiary Education. Available at: <https://databrowser.uis.unesco.org/view#indicatorPaths=UIS-SDG4Monitoring%3A0%3AGER.5T8&geoMode=countries&geoUnits=CHN%2CIND%2CDEU%2CFRA%2CGBR%2CRUS%2CUSA&browsePath=EDUCATION%2FUIS-SDG4Monitoring&timeMode=range&view=table&chartMode=multiple&tableIndicatorId=GER.5T8&chartIndicatorId=GER.5T8&chartHighlightSeries=&chartHighlightEnabled=true> (accessed 10 March 2025).

22. Kapeliushnikov R.I. Otdacha ot obrazovaniia v Rossii: nizhe nekuda? [The Return on Education in Russia: Lower Than Ever?]. Moscow, Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2021, 52 p. Available at: https://wp.hse.ru/data/2021/03/09/1396924941/WP3_2021_03_____pdf (accessed 12 March 2025).

23. World Development Indicators. Available at: <https://databank.worldbank.org/databases/page/1/orderby/popularity/direction/desc?qterm=BANK> (accessed 10 March 2025).

24. International Monetary Fund. Available at: <https://fred.stlouisfed.org/series/HDTGPDUSQ163N> (accessed 10 March 2025).

25. OECD Data Explorer – NAAG. Available at: [https://data-explorer.oecd.org/vis?df\[ds\]=dsDisseminateFinalDMZ&df\[id\]=DSD_NAAG%40DF_NAAG&df\[ag\]=OECD.SDD.NAD&df\[vs\]=&pd=2010%2C2020&dq=A.CHN%2BRUS%2BDEU%2BGBR%2BUSA.LES1M_FD4..&to\[TIME_PERIOD\]=false&vw=tb&lb=bt&lc=en&pg=0&ly\[cl\]=TIME_PERIOD&ly\[rw\]=REF_AREA](https://data-explorer.oecd.org/vis?df[ds]=dsDisseminateFinalDMZ&df[id]=DSD_NAAG%40DF_NAAG&df[ag]=OECD.SDD.NAD&df[vs]=&pd=2010%2C2020&dq=A.CHN%2BRUS%2BDEU%2BGBR%2BUSA.LES1M_FD4..&to[TIME_PERIOD]=false&vw=tb&lb=bt&lc=en&pg=0&ly[cl]=TIME_PERIOD&ly[rw]=REF_AREA) (accessed 10 March 2025).

26. OECD Data Explorer. Public Finance Main indicators – Government at a Glance: Yearly Updates. Available at: [https://data-explorer.oecd.org/vis?lc=en&fc=Measure&snb=5&vw=tb&df\[ds\]=dsDisseminateFinalDMZ&df\[id\]=DSD_GOV%40DF_GOV_PF_YU&df\[ag\]=OECD.GOV.GIP&df\[vs\]=&pd=2007%2C&dq=A.DEU%2BGBR%2BUSA.GGD.PT_BIGQ...&to\[TIME_PERIOD\]=false](https://data-explorer.oecd.org/vis?lc=en&fc=Measure&snb=5&vw=tb&df[ds]=dsDisseminateFinalDMZ&df[id]=DSD_GOV%40DF_GOV_PF_YU&df[ag]=OECD.GOV.GIP&df[vs]=&pd=2007%2C&dq=A.DEU%2BGBR%2BUSA.GGD.PT_BIGQ...&to[TIME_PERIOD]=false) (accessed 10 March 2025).

27. FBI. URL: <https://www.fbi.gov/how-we-can-help-you/more-fbi-services-and-information/> (accessed 10 March 2025).

28. Crime in England and Wales: Quarterly Data Tables. Available at: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/crimeandjustice/datasets/crimeinenglandandwalesquarterlydatatables> (accessed 10 March 2025).

29. Criminal Offenses Recorded by Police in Germany from 2013 to 2023. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1101190/crimes-recorded-by-police-per-100000-inhabitants-germany/> (accessed 10 March 2025).

30. Taux de dépôt de plainte estimés à partir de l'enquête Cadre de vie et sécurité. Available at: <https://www.interieur.gouv.fr/content/download/132022/1048507/file/Synth%C3%A8se%202021.xlsx> (accessed 10 March 2025).

31. Ezhegodnyi otchet MVD RF, *Federal'naiia sluzhba gosudarstvennoi statistiki*. Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Itog_migr_1990-2023.xlsx (accessed 10 March 2025).

32. China Statistical Yearbook, *National Bureau of Statistics of China*. Available at: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2023/indexeh.htm> (accessed 10 March 2025).

33. Annual Reports, *National Crime Records Bureau (NCRB)*. Available at: <https://www.ncrb.gov.in/crime-in-india.html> (accessed 10 March 2025).

34. Lakhman R. Passazhiry pervogo klassa na tonushchem korable. Politika elity i upadok velikikh derzhav [First-Class Passengers on a Sinking Ship. Elite Politics and the Decline of Great Powers]. Moscow, Izd-vo knizhnogo magazina Tsiolkovskii, 2022, 616 p. (In Russ.).

INEQUALITY, ELITES AND COUNTER-ELITES (VERIFICATION OF SOME PROVISIONS OF THE STRUCTURAL-DYNAMIC THEORY)

The structural-dynamic theory is a modern, rapidly evolving approach to the analysis of social and politico-economic processes. It is based on the idea of the interaction between three macro-social actors: the population, the elites, and the state. In an ideal state, economic growth is accompanied by the maintenance of certain proportions between the incomes of all these actors; however, in reality, such a state is rarely observed. Generally, an increase in income is accompanied by a rise in social differentiation and the “expansion” (overproduction) of the elite. Nevertheless, the number of elite socio-political positions in any society during any historical period is limited. As a result, some individuals who cannot occupy these positions, under certain conditions, transform into a counter-elite and attempt to radically change the political regime. In agrarian societies, the privileged layer of the nobility played the role of the elite and counter-elite, while in industrial societies, determining both the number of elite social positions and the number of contenders for them becomes much more complex. The study employs criteria proposed by P. Turchin and T. Piketty, examining the incomes of the upper decile – the top 1% and the top 9% (it is assumed that individuals from the top 9% are contenders who can become part of the counter-elite). The social distance metric is calculated – the number of annual incomes required to enter the top 1%. The functioning of the education system is analyzed, revealing that in the 21st century, it stops acting as a “social filter.” It is demonstrated that the greatest social distance occurs in Russia, while income differentiation in the USA is comparable to similar indicators in China. The conclusion is drawn that the indicators of social differentiation are insufficient grounds for predictions about the likelihood of revolutions, prompting the consideration of other factors identified by J. Goldstone. Social and economic indicators of Russia, China, India, USA, UK, Germany, and France are compared.

Keywords: structural-dynamic theory, elites and counter-elites, inequality, income, education, top 1%, top 9%, factors of socio-economic revolution, comparative analysis.

JEL: O15, P16

Дата поступления – 12.03.2025

Принята к печати – 28.04.2025

ОРЕХОВСКИЙ Петр Александрович

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник;
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт
экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 32,
г. Москва, 117218.

e-mail: orekhovskupa@mail.ru

КИСЛИЦЫНА Ольга Анатольевна

доктор экономических наук, главный научный сотрудник;
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт
экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 32,
г. Москва, 117218.

e-mail: olga.kislitsyna@gmail.com

OREKHOVSKY Petr A.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher;
Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the
Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218.
e-mail: orekhovskupa@mail.ru

KISLITSYNA Olga A.

Dr. Sc. (Econ.), Chief Researcher;
Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the
Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218.
e-mail: olga.kislitsyna@gmail.com

Для цитирования:

Ореховский П.А., Кислицына О.А. Неравенство, элиты и контрэлиты (проверка некоторых положений структурно-динамической теории) // Федерализм. 2025. Т. 30. № 2 (118). С. 5–34. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2025-2-5-34>

В.В. СИМОНОВ

РЕЛИГИОЗНЫЙ МОДЕРНИЗМ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ХРИСТИАНСТВЕ

Христианский модернизм как неофициальное идейное течение развивается в ответ на вызовы капитализма, существенно сокращающие социальную базу институционального христианства. С переходом капитализма в стадию глобализации ситуация осложняется формированием в обществе безрелигиозного стандарта мировоззрения. При этом организованные христианские институции реагируют на модернизм ситуативно, не принимая во внимание системного характера явления и его связи с динамикой капиталистических общественных отношений. Основной посыл статьи: христианский модернизм представляет собой не историческую случайность, но объективный феномен, социальные предпосылки которого сформированы развитием капитализма и переходом его в фазу глобализации¹.

Ключевые слова: богословский модернизм, христианский модернизм, церковь, глобализация, секулярный глобализм.

JEL: A12, F69, N33, N34, Z12

Религиозный модернизм, возникший под влиянием социальной секуляризации в эпоху капитализма, приобретает в последние десятилетия относительно широкий характер. Он становится актуальной проблемой многих институционально организованных, прежде всего христианских, объединений и оказывает обратное влияние на общество, в ряде случаев повышая социальную напряженность в слоях, внешне от религиозной сферы весьма далеких, но испытывающих внутренние мистические потребности. Но несмотря на это, в различных национальных и международных документах, посвященных социальной безопасности, эта проблема, как правило, не находит адекватного отражения.

---

¹ Трактовка глобализации дана автором в следующей книге: Общая история Церкви: учебное пособие: в 2 т. (4 кн.) / под ред. В.В. Симонова. Т. 2, кн. 2: Вызов религиозного синкретизма: проблема экуменизма. XX – начало XXI века. М.: Наука, 2017. С. 175–199.

Развитие капитализма и религиозный модернизм

Генезис и последующее развитие капитализма существенно изменяют не только социальную структуру общества, но и способы формирования и содержание идеологии общества. Если для предшествовавшего времени (даже для Позднего Средневековья) можно уверенно говорить о том, что основы общественного мировоззрения в Европе систематически и целенаправленно формировала Церковь², то с возникновением книгопечатания и особенно с началом эпохи Просвещения ситуация кардинально меняется. *Процесс формирования общественного сознания*, оставаясь не менее систематическим и целенаправленным, *стремительно секуляризуется*. Мировоззрение, формируемое системой школьного и университетского образования, становится все более материалистическим, расширяется влияние агностицизма и атеистических воззрений, возникает экономическая наука, для которой ранее не было социального заказа, под влиянием позитивизма кардинально меняется философия истории — апокалиптическая перспектива уступает место идее общественного прогресса, основанного на неких подлежащих наблюдению закономерностях (различных в разных школах). Сфера влияния религиозного мировоззрения *начинает сужаться*.

В отличие от Средневековья и начала Нового времени, когда в обществе господствовало религиозное мировоззрение, эпоха Просвещения положила начало не только идеологическому оформлению зарождающихся капиталистических отношений, но и длительному процессу нарастания в обществе секулярной мировоззренческой доминанты³, накладывающей отпечаток не только на отношения Церкви с внешним миром, но и на внутрицерковные процессы.

Институциональная Церковь, со своей стороны, не смогла сформулировать конкурентное в новых условиях видение мира. В итоге, если до XVIII в. Церковь как социально-экономическая подсистема в тенденции стремилась к превращению в универсальную⁴ систему, которая охватывала бы общество в целом, то с XVIII в. берет начало тенденция к поглощению Церкви внешней для нее политико-экономической и идеологической системой мира сего.

Просвещение выводит из-под влияния церковного института образованные и (под воздействием просветительских идей) аристократические слои общества. Возникает некая нецерковная (и даже антицерковная, как в революционной Франции) «духовность», основанная на желании

---

² Необходимая методологическая оговорка: если для целей анализа не требуется специальных уточнений касательно конфессиональных особенностей, термин «Церковь», применительно к теме нашей статьи, мы используем *расширительно* для обозначения общественной подсистемы, представляющей собой *неинтегрированный конгломерат* так или иначе организованных христианских социальных институций («институциональное христианство»).

³ Речь идет не столько об атеизме, сколько о различных формах деизма, материалистических суеверий и о религиозном индифферентизме.

⁴ От лат. *universum* — мировое целое, мир, вселенная.

имеющих деньги и власть освободиться от той общественной и личной морали, носителем которой воспринималась Церковь. При этом религиозная часть процесса (внешняя манифестация в ритуальной форме) не опротестовывается. Напротив, ритуальная сторона адаптируется, создаются собственные ритуальные модели (вроде культов Верховного Существа или Разума и т.п.). Основной объем отрицания концентрируется на *христианской вере*, прежде всего в ее морально-нравственной составляющей.

В период буржуазных революций данный социальный процесс расширяется за счет пошатнувшейся религиозности буржуазии. С переходом капитализма от стадии первоначального накопления в стадию промышленного капитализма из-под влияния Церкви выходят рабочий класс и часть мелкой буржуазии (включая крестьянство с его суеверной разновидностью христианства).

Таким образом, в течение достаточно короткого временного периода *падает религиозность общества в целом*, имеющая за плечами ряд тысячелетий истории; социальная база церковной институции существенно сжимается.

Переход капитализма на рубеже XX–XXI вв. в стадию «секулярной глобализации» (как это состояние общества определяется в современном церковном дискурсе с учетом превалирования в обществе секулярного, нерелигиозного, мировоззрения) переводит процесс в новую стадию: для последних 40–50 лет мы уверенно можем говорить о *кризисе институционального христианства*.

Глобализация привносит в процесс дополнительные факторы, обусловленные облегчением трансграничной миграции труда и капитала. Созданы уникальные условия для формирования единого социокультурного пространства, объединяемого, помимо экономики, особенностями мировоззрения. Из них для рассматриваемого процесса наиболее важны:

- становление моноидеологического мира с доминантой секулярного мировоззрения, реализуемого в десакрализации общественного пространства;
- своеобразный культурно-духовный синкретизм, не только расширяющий возможности доступа к научным, образовательным, культурным достижениям разных стран и народов, но и унифицирующий культурный фон на основе секулярного, безрелигиозного мировоззрения;
- социокультурная маргинализация целых национально-культурных блоков и дальнейшее их развитие по «усредненной» модели, обычно импортируемой извне вместе с потоками инвестиционного капитала, который сопровождается «программами развития».

Особенность развивающегося на этом фоне современного кризиса институционального христианства состоит в том, что его проявления, подтверждаемые статистикой и данными социологических обследований, захватывают те внутриинституциональные сферы деятельности,

которые ранее по определению не могли быть подвержены мировоззренческим деформациям. Неустойчивыми в общественном сознании становятся такие основополагающие предметы, как религиозное самоопределение (личное восприятие Церкви как Тела Христова и себя как части этого Тела), догматическое учение, внешние способы проявления религиозности и др.

Впервые в истории объективно сложилось сочетание стандартного для церковной истории внешнего социально-политического давления на институционализированное христианство и нового исторического фактора — внутренних системных деструктивных процессов.

Поиски соответствующего институционального ответа на этот новый исторический вызов в последние 40–50 лет ведутся в контексте религиозного модернизма, что, как показывает современная дискуссия, может стать еще одним фактором углубления кризиса.

«Классический» модернизм

Литература более или менее уверенно говорит о том, что богословский модернизм представляет собой некую реализацию на конфессиональной почве идей философского модернизма. Последний, в свою очередь, основан на конкретно-исторических исследованиях в области церковной истории и философских идеях XVIII в., нацеленных на реализацию в обществе радикальных мировоззренческих изменений.

Богословский модернизм как специфический социально-религиозный феномен формируется тогда, когда акцент социально-религиозного поиска смещается с попыток отыскать и восстановить «первоначальную чистоту» (чего угодно: веры, организационной системы и регулятивных принципов ее функционирования, обрядовой стороны и т.д.) на попытки осовременить вероучительные основы (а также способы и формы их трансляции вовне), привести их в соответствие со способом мировосприятия, господствующим в эпоху кардинальных перемен, современную проводникам «идей обновления». Богословское обоснование такого подхода усматривается в мнении, что евангельская и патристическая письменность ориентированы не только на религиозные, но и на жизненные проблемы, современные авторам соответствующих текстов. Поэтому речь идет не о том, чтобы уничтожить или опротестовать прошлое, а напротив, найти пути адаптации его к существующей социальной реальности.

Модернизм — попытка не столько «защитить» Церковь, сколько представить обществу христианскую альтернативу в существенной степени политизированным религиозным процессам, спровоцированным социальными верхами. Причем *представить в форме, адекватной изменившемуся общественному сознанию*. Главной своей задачей сторонники модернизма видят преодоление социального и личного непонимания церковной проповеди современным обществом и человеком, мир которого, в сравнении с I в. н.э., кардинально изменился.

Строго научного или строго богословского определения модернизма нет. Сам термин, характеризующий этот идеологический феномен, явился тоже ситуативно и потому описателен, аморфен и в целом мало-содержателен.

Историческая фабула известна. Термин, по случаю употребленный еще Руссо [1, с. 38–62], был возвращен в научный оборот в 1881 г. аббатом Переном, выделившим абсолютный модернизм, как «стремление полностью исключить Бога из социальной жизни», и умеренный модернизм, как «либерализм любого толка и оттенка» [2, с. 19–20]. Само же идеологическое течение продолжило свое развитие, особенно в Италии, а также во Франции и в менее радикальном виде в Англии, Германии и Бельгии. Появляется ряд модернистских периодических изданий. Как пишет папа Пий X, к концу 1900-х гг. «ядовитые учения» охватили как мирян, так, к глубокому прискорбию Святого Престола, и католический клир.

Уже на рубеже XIX–XX вв. становится явным несоответствие традиционного богословия и социально-экономических процессов, в рамках которых развивается миссия Церкви. Церковь оказывается *неспособной дать* адекватный общественным потребностям времени *ответ вызовам развивающегося монополистического капитализма*. В этих условиях внутри католической церкви возникают течения, ставящие перед собой задачу привести церковную проповедь в эффективное состояние, которое было бы адекватным для восприятия обществом в кардинально изменившихся условиях его существования и развития.

В рамках некоторых протестантских деноминаций начинается движение, пытающееся совместить различные догматические позиции в целях объединить усилия всех деноминаций в данном направлении. Его результатом стало институциональное оформление в 1948 г. экуменического движения в виде Всемирного совета церквей (ВСЦ) – одного из институциональных механизмов формирования идеологического базиса современной глобализации, охватывающей все сферы активности современного общества⁵. Эти события вполне можно рассматривать как некий *водораздел* между реформационными идеями и идеями модернистского направления.

Святой Престол реагирует на новое течение ситуативно и с определенным запозданием. Ряд папских и куриальных документов второй половины XIX – начала XX вв. явно связан с кризисом религиозного мирозерцания и институциональной структуры.

Однако в них мы не видим комплексной экспозиции проблемы. Анализируются и осуждаются отдельные проявления идейного кризиса: социальный либерализм, модернизм, отдельные научные концепции, в т.ч. марксизм, и проч. Кроме того, эти документы создают впечатление, что институциональное христианство и исторический процесс суще-

⁵ Нашу позицию касательно концепта глобализации, самого процесса и его влияния на институциональное христианство см.: Общая история Церкви: учебное пособие: в 2 т. (4 кн.). Т. 2, кн. 2. С. 175–199, 438–491.

ствуют в рамках различных пространственно-временных континуумов. Исторический процесс поступательно развивается вперед, а Церковь стабилизировалась в рамках социокультурной парадигмы если не I в. н.э., то поздней Античности и раннего Средневековья и в целях реализации своей универсалистской претензии использует в неизменном виде мировоззренческую модель, логический аппарат и организационно-управленческие принципы указанного времени.

Институциональная реакция

Конкретные проявления антимодернистской институциональной реакции вначале были локальными (циркуляры отдельных итальянских епископов) и относятся к 1905–1906 гг.

В 1907 г. появилась книга «Модернизм и модернисты» аббата Кавалланти [3], где автор предлагает свою дефиницию этого уже весьма не нового течения общественной мысли и практики. Дефиниция получилась более эмоционально-разъяснительной, чем научной. Модернизм, по Кавалланти, «соотносится с современностью, как капитализм с капиталом или милитаризм с армией... Модернизм науки и практики начинается с ложного критерия и фактически – это специфическая ошибка [Великой французской. – В.С.] революции – реализуется в обвинении и тотальном подавлении прошлого, потому что оно – прошлое, и одобрении и тотальном принятии нового, потому что оно – новое». Модернизм «представляет собой претензию духа современности определять, что верно, правильно и хорошо в свете его собственного опыта, даже если его индивидуальные заключения противоречат традиции... его интеллектуальная задача – критика традиции в более широком контексте исследований и опыта, с тем чтобы сформулировать и по-новому интерпретировать для того, чтобы они обслуживали потребности века сего». Это – «доктринальное движение, которое имело [первоначальной. – В.С.] целью гармонизировать с постулатами современного субъективизма фундаментальные догматические принципы христианства, но закончилось тем, что их компрометирует и разрушает в тех пунктах, которые Церковь считает основополагающими». Это – «ложно понятая современность, болезнь совести католиков, особенно молодых, которые исповедуют многообразие идеалов, мнений, течений. Время от времени эти течения вырастают в системы, которые призваны обновить базис и надстройку общества, политику, философию, теологию, саму Церковь и христианскую религию» [3, с. 7, 12–13, 25]. Цель движения – приспособить католицизм к интеллектуальным, моральным и социальным потребностям сегодняшнего дня, с тем чтобы быть единственными со всеми католиками, но жить в гармонии с духом времени [2, с. 5, прим. 1].

Как немногим позже отметила «Католическая энциклопедия», «модернизм имеет целью радикальный пересмотр человеческой мысли о Боге, человеке, мире и жизни, здесь и в будущем, подготовленный гу-

манизмом и философией XVIII в. и торжественно предложенный обществу Французской революцией» [4].

В том же году опубликован систематизированный до некоторой степени официальный ответ курии на вызов религиозного модернизма — известный декрет Конгрегации священной канцелярии *Lamentabili sane exitu* и энциклика Пия X *Pascendi Dominici gregis*. Однако и он сосредоточился на систематическом анализе отдельных доктрин, объединяемых в документах понятием «модернизм».

Попытка анализа существа явления была сведена к причинам исключительно субъективного свойства: с моральной точки зрения — к извращению ума, любопытству и гордыне, с интеллектуальной — к невежеству (*ignorantia*), вознамерившемуся составить систему из соединения веры и ложной философии [*Pascendi*, 41]. Никким образом не освещена роль развивающегося *капитализма как основного триггера* развития модернизаторских идей, исходящих из того, что изменение мира ввиду невозможности изменить его церковными средствами ведет к необходимости изменений в Церкви в соответствии с новыми потребностями и возможностями общества в плане абсорбции церковной проповеди.

Соответственно, и дефиниции не возникло — прежде всего с позиций выявления объективных причин и исторических предпосылок явления. Составился лишь некий открытый список, куда по желанию можно включить любое «новшество», которое курии покажется сомнительным или опасным.

Указанные документы Святого Престола имели институционально важное практическое значение, но с теоретических позиций их значение свелось лишь к закреплению термина «модернизм» за неопределенным конгломератом философских, исторических, политических и иных учений, так или иначе связанных с католической церковью.

В этой связи, однако, возникает принципиальный вопрос: почему традиционных форм воздействия Церкви на общество в виде средневекового и постоянно пополнявшегося *Index librorum prohibitorum* (1564; упразднен в 1966 г.) и изданной еще в 1864 г. энциклики Пия IX *Quanta cura* с сопровождавшим ее *Syllabus errorum*⁶ *оказалось недостаточно для предотвращения модернистского процесса? Почему форма и содержание новых вероучительных и канонических документов также оказались вполне традиционными и что от них ожидалось в сравнении с уже имеющимися запретами и пенитенциарными мерами?*

Дальнейший ряд событий — публикация ответа на *Pascendi* брошюры *Il Programma dei modernisti* [2], ряд папских и куриальных документов

---

⁶ Названная энциклика, не используя термин «модернизм», осуждает буржуазно-демократические, либеральные и секуляристские тенденции, подразумевающие принципы свободы совести и свободы вероисповедания. *Силлабус* ничего специфического в данном контексте не содержал: в нем осуждается пантеизм, натурализм, «абсолютный» и «умеренный» рационализм, религиозный индифферентизм и «ложная толерантность» в религиозной сфере, социализм, коммунизм, политический и клерикальный либерализм, секретные общества, Библейское общество, «ошибочный принцип» отделения Церкви от государства и др.

с суровыми угрозами, серия экскоммуникаций, наконец, введение в 1910 г. антимодернистской присяги — всем известен. Известен и результат: неудача как попыток противостояния теориям, поставленным в центр антимодернистской кампании Святого Престола, так и противодействия стремительно нарастающей секуляризации общественного сознания.

В итоге церковная реакция на модернизм *оказалась двойственной*. Согласно куриальным документам времени Пия X, это, с одной стороны, — подрывающее основы явление, приводящее к структурным и вероучительным изменениям. С другой стороны, не приводится никаких объяснений природы данного феномена, которые позволили бы определить его место в развитии общественной мысли.

Как реактивный ответ следует оценивать и попытки католической церкви создать некую логически организованную социально-экономическую теорию (как отрасль богословия). При этом церковная институция (и не только католическая, надо сказать) *устойчиво следует в фарватере буржуазной экономической мысли*, аккуратно приспособливая «социально-экономическое богословие» к содержанию господствующей в науке в конкретное историческое время теории. Начиная от тред-юнионизма Льва XIII, который первым озаботился проблемой лакуны в богословии касательно описания живых экономических реалий, и вплоть до попыток *облечь буржуазную политическую экономию* (в конкретном случае *economitics*) *в форму богословия*. В результате появилось «лоскутное одеяло» компилятивного «Компендиума социального учения Католической Церкви» [5, с. 318–345], собранного в основном из разрозненных папских цитат, систематизированных в соответствии с велениями времени, и исходившего на тот момент из неолиберальной экономической теории.

Основная задача, решавшаяся в названной области в течение всего XX в., свелась к тому, чтобы приспособить живого католика-работника *к потребностям живого капиталиста*. Не обязательно католика, но обязательно собственника средств производства и финансового капитала и организатора рынка (свободного, монополизированного, государственно регулируемого в зависимости от обстоятельств времени и места). Неудачи этого приспособления (включая меры, превратившие священника в социального работника, против чего неоднократно высказывались последние по времени папы) привели к формированию во время, определяемое как постмодерн, релятивистской идеологии и практики.

Проактивная реакция на модернизм реализовывалась в двух основных потоках: 1) первоначально, начиная с середины XX в., вне официальной поддержки (в католицизме — движение в латиноамериканских странах, известное как теология освобождения; европейское движение священников-рабочих; в иных конфессиях — варианты «неообновленчества» и др.); 2) после Второй мировой войны — на официальном уровне (начиная с документов II Ватиканского собора и реализуемой

в соответствии с ними в последние 50 лет церковной политики «продолжающегося [можно прочесть и как “непрерывное”. — В.С.] реформирования» (*reform in the continuity*)⁷.

В целом в наблюдаемой реальности проактивное движение развивается в двух основных системах координат:

- *законнической*, в которую чаще всего выливается традиционализм;
- *новаторской*, куда обычно ведут модернизаторские усилия, самолично берущие на себя функцию «творения нового».

Что касается проблемы определения сущности анализируемого феномена, то уже в начале XX в. в литературе модернизм понимается как *конгломерат движений в ряде сфер общественной активности*, возникших в Римской церкви в конце XIX в. спонтанно и совершенно независимо и вдохновленных стремлением «привести традицию христианской веры и практики в более тесное соответствие с интеллектуальными привычками и социальными устремлениями нашего времени». А само явление устойчиво считается проявлением *религиозного кризиса*, возникшего в последней декаде XIX в. [6, с. 7]⁸.

Все последующие попытки подойти к созданию научного определения модернизма вращаются именно в этой системе координат.

Дефиниция, казалось бы, достаточно объективная. Однако она не раскрывает объективные предпосылки наблюдаемого феномена, формирующиеся в рамках общественной системы, и поэтому не дает адекватного ответа на ряд основополагающих вопросов.

Во-первых, представляет ли собой модернизм, рассматриваемый в контексте исторического процесса, *сущностный* или *формальный* феномен. То есть, является ли он неким *новым качеством* — движением, имеющим единые теоретические основания и, возможно, сформировавшим с течением времени определенное организационное ядро, либо представляет собой исторически известное, вполне понятное, закономерно возникающее с апостольских времен и преходящее явление (*ересь* — т.е. организационно и идейно оформленный разрыв с ортодоксальным вероучением) с не менее понятными церковными способами его преодоления.

Во-вторых, следует ли рассматривать его как *социальное движение*, стимулированное определенными общественными интересами и потребностями, или как не взаимосвязанные *единичные выступления* отдельных «ересиархов» — *конгломерат частных учений*, не объединяющихся в единую учительную систему и никогда не оформившихся организационно, в состав которых по личному расположению можно включать все, что угодно.

В-третьих, следует ли трактовать модернизм как *историческую случайность*, ситуативное явление, ограниченное хронологически

---

⁷ Pentin E. Cardinal Sarah: Seeking media approval at price of Truth is work of Judas. URL: <https://www.ncregister.com/blog/cardinal-sarah-seeking-media-approval-at-price-of-truth-is-work-of-judas> (дата обращения: 26.05.2025).

⁸ Там же.

и конфессионально (рамками одной конфессии), или как *объективное историческое явление*, имеющее под собой объективные и субъективные основания в определенном сочетании, хронологически весьма широкое, общее для институционального христианства в целом и преследующее не только теоретические, но и экзистенциальные цели.

В-четвертых, рассматривать ли модернизм как попытку: а) *ревизии учения* в соответствии с изменениями динамического состояния общества; б) *исторической реконструкции* (возвращение к первоначальному христианству) как способа преодоления конфликта между новыми общественными отношениями и принципами церковного учения; в) *богословской рецепции* этих социально-экономических изменений в целях адаптации института в целом к ним и к возникшим в результате новым общественным потребностям.

Современный модернизм

Современный модернизм – результат недореализованных революций конца 1960-х гг. и «неолиберальной революции» в экономической теории, стимулированный *антиклерикализмом* 1960-х гг., получивший в литературе наименование «революции», выразившейся в освобождении общества от влияния Церкви. Это, пожалуй, главный момент в поставленной папой Иоанном XXIII проблеме церковного аджорнаменто (итал. *aggiornamento* – приведение в соответствие с потребностями текущего времени) и посвященном поиску ее богословском решении II Ватиканского собора.

В формировании предпосылок современной стадии модернизма особую роль играет *кризис неолиберализма* – размывание даже формальной демократии и углубляющиеся проблемы с частной собственностью.

Для Церкви в той мере, в которой неолиберальная идеология проникла в нее в послевоенный период в теории и на практике⁹, это одновременно и экономический (в силу организации церковного хозяйства на неолиберальных принципах, общих для всей системы организации капиталистической экономики, начиная с конца 80-х гг. XX в.), и идеологический кризис. На мой взгляд, *именно идеологический*, а не богословский. Богословие, основанное на Писании и Предании, остается в формальной неприкосновенности, меняются интерпретации в зависимости от текущей социальной конъюнктуры, хотя эта зависимость никем никогда не формулировалась и даже не признается [7]. Идеологический – настолько, насколько была реализована теория «догматического развития»¹⁰, связанная с гипертрофированным уча-

---

⁹ «Социальная доктрина Католической Церкви» и та литература, которая развилась в период ее подготовки и вокруг нее впоследствии – конкретный пример последовательного воплощения неолиберальной экономической теории в католическом богословии.

¹⁰ Для Католической церкви – признанный постулат, для Православной – в силу влияния на часть богословов итогов II Ватиканского собора, которого нельзя не замечать и у греков, особенно вселенских, и в национальных поместных церквях.

ствием всех видов «современности» в церковном дискурсе, и насколько неолиберальные идеи воплотились под видом «демократичности» в нравственной сфере и в литургической практике¹¹. И настолько, насколько данная идеологическая конструкция отвечает корпоративным интересам духовенства. Важная часть этой идеологии — *внедрение потребительских поведенческих стандартов и в отношении мирян к церковным практикам и клиру* (как к сфере услуг), и в отношении клира к церковным практикам (оперативное оказание платных услуг) и к мирянам (как к потребителям услуг).

Модернизм результирует в потребительское, не созидательное отношение и к миру, и к Церкви. Фактически происходит целенаправленная деисторизация общества, *направленная на разрыв традиции*, понимаемой не как попытка консервации давно забытых этнографических особенностей, быта и нравов определенных слоев населения и т.п., а как движение цивилизации во всей ее совокупности.

Современный религиозный модернизм можно рассматривать как производную *социальной усталости* общества от средневекового ригоризма католической церкви. Можно говорить о том, что особенности субъективного восприятия сформировались *в мощный объективный фактор*.

Один из факторов социальной усталости — усиление клерикального формализма. Даже церковная проповедь приобретает своеобразие. С некоторых пор институциональная Церковь начинает проповедовать *сама для себя*. Тексты пишутся богословами для богословов, ими же читаются и обсуждаются. Человеку, едва способному освоить катехизис, если вообще его читавшему, с этими текстами делать нечего.

За этими методами сокрытой остается сверхидея и сверхзадача спасения через соединение с Христом, только ради которой Церковь и создается [8; 9, с. 171]. Никакая другая, даже самая внешне благотворная для институции цель не имеет социально объединяющего значения. Отсюда — снижение общественного интереса к большинству институциональных церквей и их общественного авторитета.

Это можно объяснить:

- изменением социальной психологии (индивидуализация общества, утрата коллективизма и минимизация иных общественных связей, маргинализация в результате производимой капитализмом социальной неустойчивости, прочие результаты капиталистической экономики и порожденных ею форм социального воспитания);
- формированием общественной управляющей системой нового социального заказа (потребность социальной упорядоченности целенаправленно индивидуализированного общества);
- утратой личного и общественного интереса к религиозной прогностике — в условиях исторически повышающегося потребитель-

---

¹¹ От *novus ordo Missae* католиков до вольного обращения с Уставом, Требником и «Известием учительным» у нас.

ского стандарта и секуляризованного образования, которым в условиях всего общества формируется индивидуальное и социальное мировосприятие;

- исторической несостоятельностью в глазах общества предлагаемой интерпретации проповедуемого Евангелия Царства и методов проповеди – всегда реактивной и не успевающей за социальным развитием.

Главный вопрос в этом контексте – представляет ли собой современный модернизм логическое продолжение модернизма первой половины XX в. или это некое качественно новое явление общественно-религиозной мысли и практики? И более широкий вопрос – представляет ли собой современный модернизм фактор или результат «нарастающей маргинализации религии»¹², о которой заговорили в последние десятилетия высокие клерикальные круги?

Таким образом, в рамках институционального христианства адаптационный процесс развивается в разных направлениях. Формируется и развивается модернистское богословие с целью представить все более и более секулярному миру христианскую альтернативу социального развития, причем со временем (в особенности после образования ВСЦ) в нем все сильнее начинает чувствоваться влияние протестантизма. Создаются богословие и практика, связанные с миссией Церкви в рабочей среде, или, шире, в среде всех слоев, занимающих в капиталистической социально-экономической системе эксплуатируемое положение¹³.

Основным течением остается ортодоксальный *богословский традиционализм*. Однако и в нем также происходят определенные движения, связанные как с приспособлением к изменившемуся обществу с изменившимися познавательными и абсорбционными способностями и новыми социально-экономическими, политическими и культурными (в т.ч. религиозными) потребностями, так и с естественной необходимостью сохранения в неприкосновенности в этих условиях догматических оснований христианского вероучения.

---

¹² «Религия... – это не вопрос, требующий решения законодателей, а важный фактор национального диалога. В связи с этим я не могу не выразить свою обеспокоенность растущей маргинализацией религии, особенно христианства... в странах, которые уделяют большое внимание толерантности. Есть те, кто выступает за то, чтобы голос религии был заглушен или, по крайней мере, отнесен к сугубо частной сфере» (Benedict XVI. Address: Apostolic Journey to the United Kingdom (Sept. 16–19, 2010). Meeting with the representatives of British society, incl. the diplomatic corps, politicians, academics and business leaders. Sept. 17, 2010. URL: www.vatican.va).

¹³ Вначале это новаторское видение, предложенное энцикликой *Rerum novarum* (1888 г.), новаторское настолько, что его можно считать, в определенной степени, началом ряда богословско-практических тенденций, которые в перспективе станут составляющими аджорнаменто. Впоследствии возникают «теология освобождения», движение священников-рабочих и др. – своеобразный *левый модернизм* в богословии и организационной сфере. *Rerum novarum* для своего времени тоже может выглядеть как модернизм или вариант аджорнаменто, несмотря на свою реактивность: попытка довести до сознания Церкви, главным образом клира и имущих мирян, новое историческое место, куда общество с развитием капитализма уже пришло и сформировало массу проблем, а Церковь только еще пыталась рассмотреть это место сквозь дым средневекового ладана.

Местом встречи этих тенденций в католицизме стал II Ватиканский собор. Причем, как показывает современная практика, *модернистское крыло* оказывается более организованным, более вписанным в организационные и институциональные реалии современного глобализма. Оно начинает оказывать определяющее влияние не только на ряд процессов, происходящих в католической церкви (в богословии, литургике, институциональной и экономической сфере), но даже в определенной степени на православное богословие и религиозную практику.

В это же время в Константинопольском патриархате возникает и развивается (в сотрудничестве с ВСЦ) экуменическое богословие, в определенные периоды (60-е – 90-е гг. XX в.) оказавшее существенное влияние на формирование научно-богословских кадров и учебного процесса в духовных учебных заведениях Русской православной церкви.

На этой основе (особенно под влиянием идей II Ватиканского собора) сформировалась модернистская (либеральная) группа в православных Церквях, что породило различного рода конфликтные ситуации как в печати, так и в практике (в том числе богослужбной).

Реакция профанной части общества на идеологические построения модернистского богословия оказалась *непредсказуемой даже для него самого*. С одной стороны, на рубеже XX–XXI вв. статистика фиксирует существенное падение присутствия мирян на богослужениях. Наука предлагает объяснить это явление через прогресс социального гедонизма и потребительской идеологии. А молва использует понятия «церковь на диване» и, как апофеоз, «церковь на колесах» (*church on wheels*)¹⁴. С другой стороны, секулярное государство оставляет в общественном поле все меньше места для манифестации архаичных, с точки зрения секулярного общества, религиозных позиций¹⁵. Для элиты секулярного общества¹⁶ религиозное учение представляет собой анахронизм.

Это уже не вызов, а сформированное и сформулированное мировоззрение существенной части общества. По поводу сформированного мировоззрения конфликтовать бессмысленно, здесь нет места для миссии, не может быть обращения, поскольку в данном случае имеет место твердое убеждение, основанное на разуме, а разум, отрицающий веру, как утверждает богословская традиция, не имеет возможности мистического знания.

---

¹⁴ Когда человек попадает в церковь всего три раза в жизни (креститься, венчаться и на собственных похоронах) и все – на автомобиле.

¹⁵ *Jenkins S.* It is outrageous that religious faith is being brought into the assisted dying debate: Britain is a largely secular country. Those who oppose the bill before parliament should not be interfering with other people's right to choose for themselves. URL: <https://rmag.eu/its-outrageous-that-religious-faith-is-being-brought-into-the-assisted-dying-debate-simon-jenkins/> (дата обращения: 26.05.2025).

¹⁶ А также, можно предполагать, и для тех респондентов, которые не относят себя к практикующим христианам или самоопределяются в отрицательной части статистического спектра: атеистов, агностиков, безрелигиозных, неопределившихся.

* * *

Модернизм в наиболее общем виде можно понимать как попытку адаптации церковной институции к условиям, формируемым миром, основными тенденциями развития которого в эпоху капитализма становятся прогрессирующие индивидуализм и секуляризм. Эта попытка реализуется там и тогда, где и когда отсутствуют возможности институциональной мимикрии или богословской рецепции, которые дают возможность удерживать изменения на внутреннем уровне, не вынося их по большей части на суд общественности.

Таким образом, проблема модернизма:

- не частная, но общеинституциональная, поскольку со временем она охватывает не только католицизм, но и иные ветви институционального христианства;
- не случайно возникшая, но объективная, порожденная реализуемым внешним давлением социума, утратившего в течение XX в., в особенности с вступлением капитализма в фазу глобализации, религиозное мышление как основу мировоззрения;
- не теоретическая, но связанная если не с необходимостью повышения внешнего авторитета институции, то хотя бы с задачей ее самосохранения, потому что онтологическая Церковь неприкосновенна (см.: Мф. 16:18; Лк. 12:32; Рим. 9:27 и др.).

Как любая социальная проблема, созревшая настолько, что встала в повестку дня вполне ощутимо для широкой публики, проблема институциональной модернизации может решаться в рамках двух встречных социально-религиозных движений:

- 1) *официально*, на уровне институционального руководства — с минимальной степенью радикальности (хотя во времени официальный радикализм может нарастать с учетом провокативных влияний извне и изнутри института);
- 2) *маргинально* (снизу), спонтанными пассионарными усилиями отдельных лиц, со временем объединяющихся в научные или богословские школы или общественные движения¹⁷.

Согласно наблюдаемой исторической практике, в большинстве случаев процесс начинается снизу. Официальная позиция институции формируется реактивно, *ad hoc* и *post factum*, как попытка теоретического и организационного ответа на низовой реформизм (отношение к которому выражается, как правило, в положительной коннотации) или на модернизм (однозначно трактуемый отрицательно, как объект критики и искоренения).

¹⁷ Общее направление мысли в этих границах выразил еп. Георг Бэтцинг (Georg Bätzing), с 2020 г. — председатель Конференции немецких епископов: «Мы остаемся католиками, но хотим быть католиками по-другому (to be Catholics in a different way)» (см.: Pullella Ph. Women Priests, Homosexuality, not Closed Debates in Church, German Bishop Says. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/women-priests-homosexuality-not-closed-debate-church-german-bishop-says-2022-11-19/> (дата обращения: 26.05.2025).

Список литературы

1. Rousseau J.J. Lettre № 879, à M. de***, 15 Jan. 1769 // Œuvres complètes de J.J. Rousseau: Correspondance. T. VI. Paris, 1825. P. 38–62.
2. Buonaiuti E., Fracassini U. Il Programma dei modernisti: risposta all'enciclica di Pio X "Pascendi dominici gregis". Roma: Società internazionale scientifico-religiosa editrice, 1908. 237 p.
3. Cavallanti S.A. Modernismo e modernisti. Brescia, 2 ed., 1908. XXIX, 589 p.
4. Vermeersch A., SJ. Modernism // The Catholic Encyclopedia. New York: Robert Appleton Co., 1911. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/10415a.htm> (дата обращения: 26.05.2025).
5. Симонов В.В. Церковь – общество – хозяйство. М.: Наука, 2005. 702 с.
6. Rivière J. Le modernisme dans l'Église: Étude d'histoire religieuse contemporaine. Paris: Librairie Letouzey et Anê, 1929. 633 p.
7. Симонов В.В. Церковный универсализм и секулярный глобализм на перекрестке мирового кризиса // Российский журнал истории Церкви. 2020. Т. 1. № 2. С. 5–21.
8. Sarah R., Card. He gave us so much: A tribute to Benedict XVI. Ignatius Press, 2023. 209 p.
9. Lewis C.S. Mere Christianity. New York: Simon & Schuster Touchstone, 1996. 432 p.

References

1. Rousseau J.J. Lettre № 879, à M. de***, 15 Jan. 1769, Œuvres complètes de J.J. Rousseau: Correspondance, Vol. VI. Paris, 1825, pp. 38–62.
2. Buonaiuti E., Fracassini U. Il Programma dei modernisti: risposta all'enciclica di Pio X "Pascendi dominici gregis". Roma, Società internazionale scientifico-religiosa editrice, 1908, 237 p.
3. Cavallanti S.A. Modernismo e modernisti. Brescia. 2 ed., 1908, XXIX, 589 p.
4. Vermeersch A., SJ. Modernism, *The Catholic Encyclopedia*. New York, Robert Appleton Co., 1911. Available at: <http://www.newadvent.org/cathen/10415a.htm> (accessed 26 May 2025).
5. Simonov V.V. Tserkov' – obshchestvo – khoziaistvo [Church – Society – Economy]. Moscow, Nauka, 2005, 702 p. (In Russ.).
6. Rivière J. Le modernisme dans l'Église: Étude d'histoire religieuse contemporaine. Paris, Librairie Letouzey et Anê, 1929, 633 p.
7. Simonov V.V. Tserkovnyi universalizm i sekuliarnyi globalizm na perekrestke mirovogo krizisa [Church Universalism and Secular Globalism at the Crossroads of the World Crisis], *Rossiiskii zhurnal istorii Tserkvi* [Russian Journal of Church History], 2020, Vol. 1, No. 2, pp. 5–21. (In Russ.).
8. Sarah R., Card. He gave us so much: A tribute to Benedict XVI. Ignatius Press, 2023, 209 p.
9. Lewis C.S. Mere Christianity. New York, Simon & Schuster Touchstone, 1996, 432 p.

RELIGIOUS MODERNISM IN THE SYSTEM OF INSTITUTIONAL CHRISTIANITY

Christian modernism, as an unofficial ideological movement, is developed in response to the challenges of capitalism, which constrict significantly the social basis of institutional Christianity. With the transition of capitalism to the stage of globalization, the situation is complicated by formation within society of the irreligious worldview standard as a social dominant. At the same time, organized Christian institutions react to modernism situationally, without taking into account its systemic nature and its connection with the dynamics of capitalist socio-economic relations. The main message of the article is that Christian modernism is not an historical accident, but an objective phenomenon; its social prerequisites were formed by development of capitalism and its transition to the phase of globalization.

Keywords: theological modernism, Christian modernism, Church, globalisation, secular globalism.

JEL: A12, F69, N33, N34, Z12

Дата поступления – 28.03.2025

Принята к печати – 27.05.2025

СИМОНОВ Вениамин Владимирович

доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации, заведующий кафедрой истории Церкви исторического факультета;

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» / Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, г. Москва, 119234.

e-mail: ekklesia@hist.msu.ru

SIMONOV Veniamin V.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Honored Economist of the Russian Federation, Head of the Department of Church History, Faculty of History;

Federal State Educational Institution of Higher Professional Education Lomonosov Moscow State University / 27/4, Lomonosovsky Av., Moscow, 119234.

e-mail: ekklesia@hist.msu.ru

Для цитирования:

Симонов В.В. Религиозный модернизм в институциональном христианстве // Федерализм. 2025. Т. 30. № 2 (118). С. 35–50. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2025-2-35-50>

И.С. БУКИНА

БЮДЖЕТНОЕ ПРАВИЛО В ПЕРИОД ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Применение бюджетных правил в мировой практике насчитывает более 30 лет. Исследования доказывают их позитивное влияние на устойчивость бюджетной политики. В России бюджетное правило прошло несколько этапов трансформации. Вместе с тем проблема проциклическости бюджетно-налоговой политики остается. Проведенные оценки (включая расчеты циклических компонентов расходов и нефтегазовых доходов за 2011–2024 гг.) показывают, что действующая конструкция недостаточно гибка для нейтрализации внешних шоков, т.к. кризисы 2007–2009 гг. и 2020 г. требуют пересмотра распространенной модели бюджетных правил. Предлагается трансформировать бюджетное правило с учетом динамики валютного курса, ограничений на расходы и законодательного закрепления отступающих положений.

Ключевые слова: бюджетная устойчивость, бюджетное правило, бюджетно-налоговая политика, нефтегазовые доходы, правила второго поколения, Фонд национального благосостояния.

JEL: E32, H21, H61

Проведение экономической политики по правилам (*conventional policy*) стало новым ориентиром в практике бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики с 1990-х гг. Теоретический консенсус, основанный на современном макроэкономическом моделировании, сложился в пользу правил экономической политики. Эффекты от политики, проводимой по правилам, более устойчивы и выражаются, например, в долговременном снижении инфляции (для правила инфляционного таргетирования), контролируемом в установленных пределах дефицита бюджета и государственного долга (для бюджетных правил).

Эффективность бюджетных правил, как показывает практика, определяется их адаптивностью к изменению макроэкономических условий. В периоды кризисов, таких как мировой финансовый кризис 2007–2009 гг. и пандемия *COVID-19*, применение жестких правил ограничивало принятие антициклических мер бюджетно-налоговой политики, что потребовало разработки нового подхода. В России бюд-

жетное правило, привязанное к сырьевым доходам, также неоднократно трансформировалось или приостанавливалось в ответ на внешние шоки. В текущих условиях эффективность действующего правила существенно ограничена в силу структурных изменений экономики, что обуславливает необходимость его пересмотра.

Обзор литературы

Традиционно под бюджетными правилами понимают *институциональные ограничения на параметры бюджета* (дефицит, долг, уровень расходов и т.д.). Специалисты Международного валютного фонда (МВФ) определяют бюджетные правила как долгосрочные ограничения на проведение бюджетно-налоговой политики, выраженные в форме количественных лимитов для основных параметров бюджета и государственного долга [1; 2]. А. Шик подчеркивает, что в процессе бюджетирования и управления бюджетными средствами всегда использовались нормы, регламенты, стандарты и т.п. Однако бюджетные правила *представляют собой принципиально иной инструмент* бюджетно-налоговой политики. Традиционный подход к бюджетно-налоговой политике предполагал больше свободы в принятии решений и распределении ресурсов правительством. Бюджетные правила, напротив, ограничивают вольное использование государственных финансов, снижая риски принятия неосмотрительных решений [3].

Для отнесения ограничений к бюджетным правилам они должны обладать рядом характеристик [2]:

- таргетируемые параметры бюджета и их количественные ограничения должны быть установлены на длительный срок (не менее электорального цикла) и закреплены законодательно;
- к таргетируемым параметрам бюджета должны относиться только наиболее общие индикаторы бюджетно-налоговой политики (дефицит, долг, расходы и т.п.).

Наиболее распространены следующие количественные правила:

1. Правило долга: устанавливается предельный размер государственного долга, как правило, в процентах к ВВП. Цель подобного правила – сдерживать динамику государственного долга, не допуская превышения устойчивого уровня долговой нагрузки.

2. Правило дефицита: вводится ограничение на размер дефицита (фактического, первичного или скорректированного, например, с учетом колебаний деловой активности) относительно ВВП. Правительство может непосредственно влиять на размер дефицита, в особенности, на размер первичного дефицита бюджета (без учета процентных расходов). В свою очередь дефицит бюджета сказывается на уровне государственного долга, поэтому правило долга и правило дефицита обычно устанавливаются вместе.

3. Правило расходов: ограничение на размер расходов в абсолютном или относительном выражении (например, лимит темпов ро-

ста расходов или отношения к ВВП). В качестве целевого параметра может быть установлена итоговая сумма расходов либо часть расходов, например, только первичные или текущие расходы бюджета. Правила подобного рода обеспечивают бюджетную устойчивость в среднесрочной перспективе и служат дополнительным инструментом поддержки долговой стабильности, если дополняются правилом долга. Кроме того, ограничение расходов не препятствует проведению стабилизационной политики в периоды спада деловой активности, поскольку не требуют циклической корректировки в ответ на снижение налоговых доходов.

4. Правило доходов: вводятся лимиты (потолок или пол) на размер доходов бюджета, налоговые ставки или уровень фискальной нагрузки. Правило доходов используется для стабилизации фискальной нагрузки или контроля за использованием избыточных доходов бюджета.

Имплементация описанных выше бюджетных правил сопровождается рядом проблем. Так, уровень государственного долга относительно ВВП почти не поддается контролю со стороны финансовых властей, поскольку зависит от множества макроэкономических факторов – процентных ставок, темпов роста ВВП, динамики валютных курсов и т.д. Правило доходов сложно реализовать на практике, т.к. доходы больше подвержены циклическим колебаниям. Само использование ограничений по доходам приводит к проциклической бюджетной политике, потому что не учитывает действие автоматических стабилизаторов.

Количественные ограничения на параметры бюджета эффективны только в случае, когда они поддерживаются соответствующими изменениями бюджетного процесса, такими как:

- внедрение среднесрочного бюджетного планирования;
- прогнозирование базовых условий и основных параметров бюджета на среднесрочную перспективу;
- оценка влияния изменений экономической политики на состояние бюджета в плановом периоде;
- внедрение инструментов мониторинга бюджетных результатов и внесение необходимых корректировок в бюджет;
- внедрение механизмов, предотвращающих злоупотребление бюджетными правилами [3].

Эмпирические исследования подтверждают эффективность использования бюджетных правил в сравнении с проведением традиционной бюджетно-налоговой политики. Так, в исследованиях 1990-х – начала 2000 гг. на примере США было показано, что политика, проводимая по правилам, приводила к снижению дефицита и расходов бюджета [4; 5; 6; 7]. С увеличением числа стран, применяющих бюджетные правила, появились результаты межстрановых сравнений. В частности, на данных 126 стран было показано, что в 1985–2010 гг. использование бюджетных правил снижало проциклическость бюджетно-налоговой политики [8]. Бюджетные правила стабилизируют государственный долг, снижают процентные расходы правительства и способствуют экономическому ро-

сту в долгосрочной перспективе [9; 10]. Более жесткие правила снижают волатильность выпуска в долгосрочном периоде [11].

Активное введение бюджетных правил подверглось критическому пересмотру после мирового финансового кризиса 2007–2009 гг. Жесткие правила (правила первого поколения) *не могли смягчить последствия полномасштабного кризиса*. Поэтому требовалась разработка более гибких и эффективных правил, получивших название правил второго поколения [12].

Чрезмерная жесткость правил первого поколения в условиях кризиса могла приводить к проциклической бюджетной политике. Наличие правила дефицита в совокупности с правилом расходов приводило к чрезмерному сокращению расходов в период циклического спада, что усугубляло последствия кризиса. Еще одной проблемой, которая проявилась в результате долгового кризиса в ЕС, стала непрозрачность бюджетных правил и слабость мер принуждения к добросовестному соблюдению правил. Зачастую *политики шли на обход бюджетных правил*, например, увеличивая расходы «под чертой», которые не учитывались при расчете таргетируемого значения дефицита [12].

Правила второго поколения должны учесть проблемы и ограничения правил первого поколения. Выделены три основных принципа, на которых, как показывают межстрановые исследования, строятся «умные» бюджетные правила.

Во-первых, правила второго поколения предполагают целостный подход, учитывающий несколько существенных критериев. Этот подход предполагает отказ от создания индивидуальных правил с их пересмотром в периоды кризисов в пользу разработки комплекса бюджетных правил, которые учитывают как текущие условия, так и будущие тренды. Также правила должны содержать отступающие положения (*escape clauses*), вступающие в действие в периоды макроэкономических шоков. Набор бюджетных правил должен быть ограниченным для упрощения их мониторинга, они должны быть взаимно согласованы, чтобы не вступать в противоречие. В долгосрочном периоде комплекс бюджетных правил должен поддерживать долговую устойчивость страны.

Во-вторых, правила должны быть гибкими, но достаточно простыми и прозрачными. Гибкость бюджетных правил достигается, в частности, за счет учета действия автоматических стабилизаторов. Опыт Чили показывает, что лучшим правилом такого типа является таргетирование не фактического, а структурного (циклически скорректированного) дефицита бюджета [13]. Правила расходов также обеспечивают большую гибкость по сравнению с правилами доходов, которые подвержены более высокой волатильности в периоды колебаний деловой активности. Еще один способ обеспечить гибкость бюджетных правил заключается в том, чтобы устанавливать лимит не отдельного параметра бюджета, а комплексного аналитического показателя. Одним из вариантов, которым активно пользуется в аналитических записках МВФ, является оценка бюджетного пространства (*fiscal space*) — потенци-

ала бюджетной системы (в виде увеличения расходов или снижения налогов), который может быть использован без угрозы снижения бюджетной устойчивости.

Простота правил означает, что их формулировка и возможность внедрения не должны требовать дополнительных усилий по разъяснению и оценке результатов. Дополнительно к мерам государственного мониторинга прозрачность правил может быть обеспечена организацией специального бюджетного совета (*fiscal board*) – независимого органа, контролирующего проведение бюджетно-налоговой политики в рамках установленных правил.

В-третьих, бюджетные правила требуют имплементации ясных и достаточно жестких мер по их соблюдению. Эти меры должны предполагать как рост издержек, связанных с несоблюдением бюджетных правил, так и репутационные потери. В случае с правилами для субнациональных властей могут быть введены административные и финансовые санкции за несоблюдение. Однако для правил на национальном уровне сложно установить надежный механизм соблюдения, поскольку политики всегда имеют соблазн отменить или приостановить действие подобных мер. В этих условиях хорошей практикой является действие независимого бюджетного совета как подсистемы общественного контроля за государственными финансами.

Бюджетные правила в России

Идея введения бюджетного правила в России рассматривалась с начала 2000-х гг. Впервые в послании Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации в апреле 2001 г. прозвучало предложение *разделить бюджет на две части*, одна из которых должна формироваться за счет доходов от благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры¹. В 2002 г. Законом о Федеральном бюджете были внесены положения о создании резерва за счет накопленного профицита².

Первая версия бюджетного правила начала действовать с 2004 г., когда в Бюджетный кодекс были внесены положения о Стабилизационном фонде, куда направлялись дополнительные доходы, образующиеся за счет превышения цены нефти установленного базового уровня. Средства Стабилизационного фонда предназначались для финансирования выпадающих доходов федерального бюджета в периоды снижения цены нефти ниже базового уровня. Изначально базовый уровень был установлен в размере 20 долл. США за баррель, затем увеличен до 27 долл. США за баррель. С 1 января 2008 г. Стабилизационный фонд был упразднен, а вместо него созданы Резервный фонд и Фонд национального благо-

---

¹ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 3 апреля 2001 г. // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21216> (дата обращения: 01.06.2025).

² Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2002 год» от 30 декабря 2001 г. № 194-ФЗ.

состояния (ФНБ) [14]. Резервный фонд выполнял контрциклическую функцию — за счет его средств предполагалось финансировать дефицит федерального бюджета в периоды падения цен на нефть. Фонд национального благосостояния был создан как инвестиционный по примеру фондов будущих поколений в нефтедобывающих странах (Норвегия, ОАЭ).

Бюджетное правило заключалось в том, что Резервный фонд пополнялся за счет нефтегазовых доходов федерального бюджета, за исключением нефтегазового трансферта, направляемого на финансирование нефтегазового дефицита федерального бюджета. После достижения предельной величины Резервного фонда средства должны были направляться в Фонд национального благосостояния. Величина нефтегазового трансферта должна была определяться законом о федеральном бюджете на очередной период в установленных пределах (3,7% ВВП). Однако полноценно данные нормы так и не были реализованы. Уже в 2008 г. пришлось отказаться от отдельного планирования нефтегазовых и ненафтегазовых доходов, формирования и использования нефтегазового трансферта. Средства Резервного фонда были использованы для финансирования дефицита федерального бюджета, доходы которого резко сократились на фоне обвала цен на нефть. Резервный фонд был упразднен, остатки средств переведены в ФНБ [14].

В 2013 г. впервые было закреплено формальное бюджетное правило, согласно которому избыточные нефтегазовые доходы вновь стали определяться в зависимости от базовой цены нефти, рассчитывавшейся как средняя за последние 10 лет. Однако из-за ухудшения внешнеэкономической конъюнктуры и кризиса 2014–2016 гг. правило было приостановлено. Фактически в этой версии бюджетное правило так и не применялось [14].

Очередная конструкция бюджетного правила была принята в 2017 г. Она предусматривала формирование базового объема нефтегазовых доходов, рассчитываемого, исходя из базовой цены нефти в 40 долл. США за баррель в постоянных ценах 2017 г. (с ежегодной индексацией на 2%). Превышение нефтегазовых доходов над базовым объемом формировало средства, которые поступали в ФНБ. Контроль сбалансированности федерального бюджета обеспечивался за счет установления лимита на размер первичного структурного дефицита бюджета, который рассчитывался, исходя из базовой цены нефти. Предельный размер расходов ограничивался, если средства ФНБ опускались ниже 5% ВВП. В этом случае средства, направляемые на финансирование дефицита федерального бюджета и Пенсионного фонда России, не должны были превышать 1% ВВП [14].

Правило действовало с приостановкой в 2020 г. и некоторым смягчением в 2021 г. В 2022 г. вновь пришлось отказаться от реализации политики в рамках установленного бюджетного правила.

В настоящее время действие бюджетного правила *восстановлено с обновленными параметрами*. Базовая цена нефти составляет 60 долл. США за баррель и подлежит индексации на 2% ежегодно, начиная с 2027 г. Уточнены критерии использования средств ФНБ. Объемы финанси-

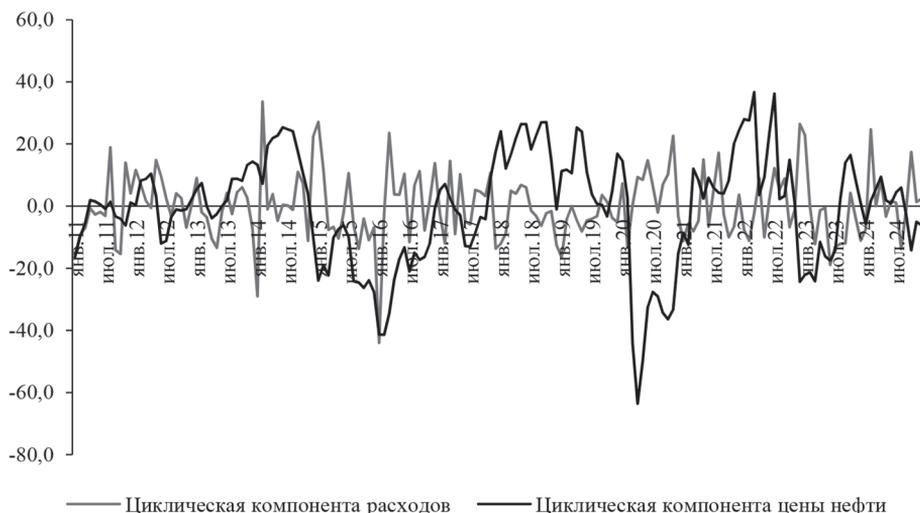
рования за счет средств Фонда теперь соотносятся также с объемом недополученных значений нефтегазовых доходов. Изменился порядок проведения операций со средствами фонда. Банк России проводит покупки (продажи) китайских юаней и золота. Одновременно возобновились операции по «зеркаливанию» покупок (продаж) валюты с целью балансировки валютного рынка [15].

Трансформация бюджетного правила

В различных исследованиях эффектов бюджетных правил на бюджетную сферу России показано, что правила действительно повышают бюджетную устойчивость и позволяют сглаживать проциклическое влияние нефтегазовых доходов на совокупный спрос и инфляцию [16; 17].

Бюджетное правило в России относится к правилу дефицита и правилу расходов. Накопление дополнительных нефтегазовых доходов в ФНБ обеспечивает долгосрочную сбалансированность бюджета и позволяет поддерживать необходимый уровень расходов федерального бюджета даже в периоды циклического падения доходов.

На *рисунке 1* отражена динамика расчетных показателей, характеризующих циклические колебания расходов федерального бюджета и цены нефти сорта «Юралс». Месячные значения расходов и цены нефти были скорректированы на инфляцию и сезонно сглажены. Затем был выделен тренд и циклическая компонента каждого временного ряда. Чем меньше процентное отклонение циклической компоненты от тренда, тем более сглажена динамика расходов и выше бюджетная устойчивость.

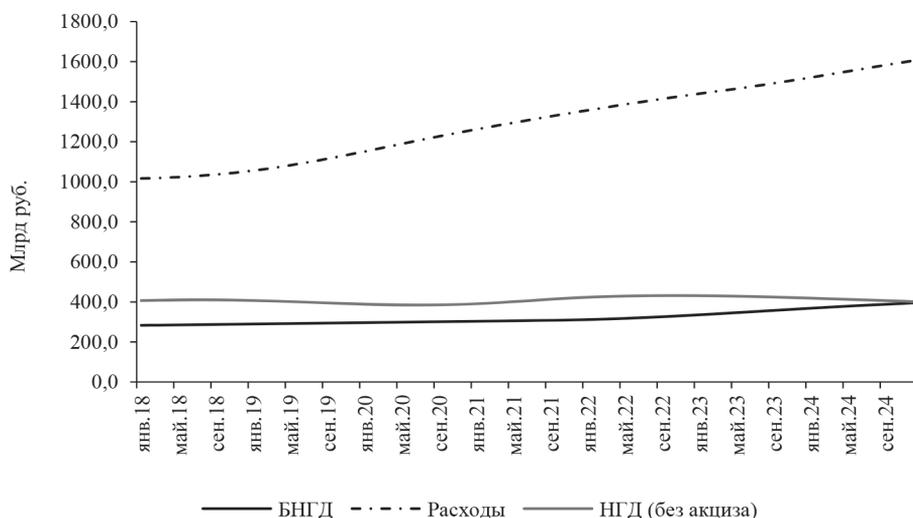

Рис. 1. Динамика отклонения циклической компоненты расходов федерального бюджета и цены нефти сорта «Юралс» в январе 2011 г. – декабре 2024 г., в % от тренда

Источник: рассчитано по: [18; 19; 20].

Рисунок 1 отчетливо показывает, что динамика циклических компонент расходов и цены нефти слабо связана друг с другом. Максимальное падение цены нефти в сравнении с ее трендом наблюдалось в апреле 2020 г., одновременно расходы федерального бюджета примерно на 9,0% превышали свой тренд. Оценка коэффициента корреляции показала, что нет статистической связи между циклическими колебаниями цены нефти и расходов федерального бюджета в 2011–2024 гг. Накопленные резервы позволяли властям сглаживать расходы как в периоды экспансии, так и в периоды обвала цен на нефть.

Тенденция к росту расходов федерального бюджета (в реальном выражении) обусловлена не только мерами по борьбе с пандемией *COVID-19* и антикризисными мерами 2022–2024 гг. — расходы начали расти с 2018 г. (см. рис. 2). Тренд нефтегазовых доходов (без учета акциза на нефтяное сырье, направляемое на переработку) в 2018–2024 гг. оставался стабильным — около 400,0 млрд руб. ежемесячно (в постоянных ценах декабря 2021 г.). Таким образом, отклонение от правила расходов началось до серии внешних шоков 2020 и 2022 гг. Как показано на рисунке 2, в рассматриваемый период *не было смены тренда* в нефтегазовых доходах. Таким образом, расходование средств федерального бюджета *перестало согласовываться с бюджетным потенциалом в части доходов от сырьевой ренты*.

Рис. 2. Тренды расходов, нефтегазовых доходов (без акциза) и базовых нефтегазовых доходов федерального бюджета в 2018–2024 гг., в млрд руб.

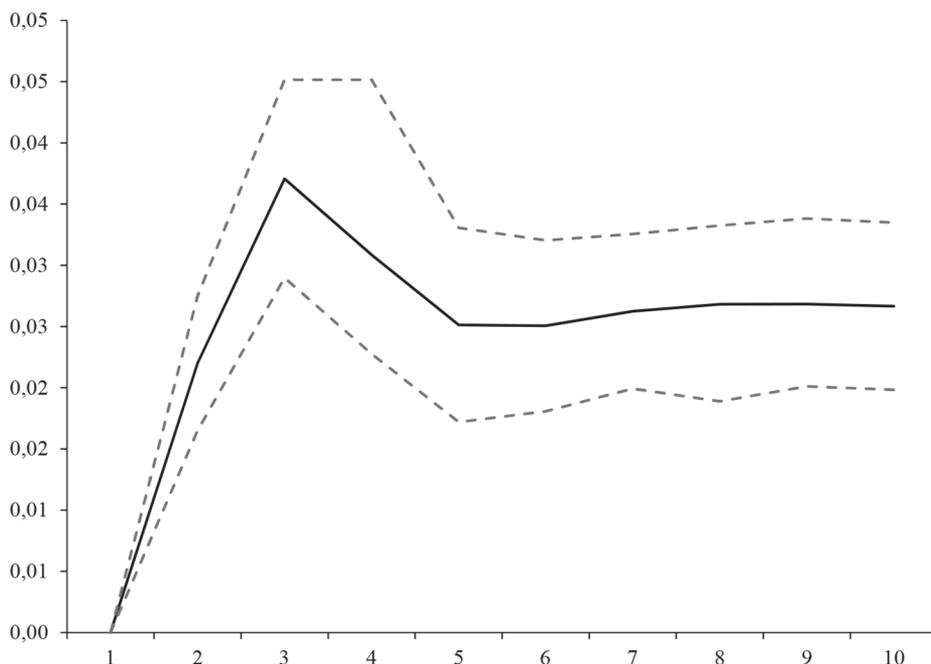
Источник: рассчитано по: [18; 19; 20; 21].

Базовые нефтегазовые доходы имели тенденцию к незначительному росту (см. рис. 2), несмотря на нисходящий тренд цены нефти в рассматриваемый период. Действие бюджетного правила в 2020–2022 гг. неоднократно приостанавливалось, *вновь была изменена конструк-*

ция бюджетного правила. В 2022 г. базовые нефтегазовые доходы определялись без учета фактических цен на нефть — на основе усредненных прошлых значений нефтегазовых доходов. Как следует из рисунка 2, дополнительные нефтегазовые доходы, пополнявшие ФНБ, имели тенденцию к сокращению, несмотря на устойчивый тренд нефтегазовых доходов федерального бюджета. Фактически бюджетное правило не оказывало влияния на бюджетную сферу России из-за приоритета операционных целей.

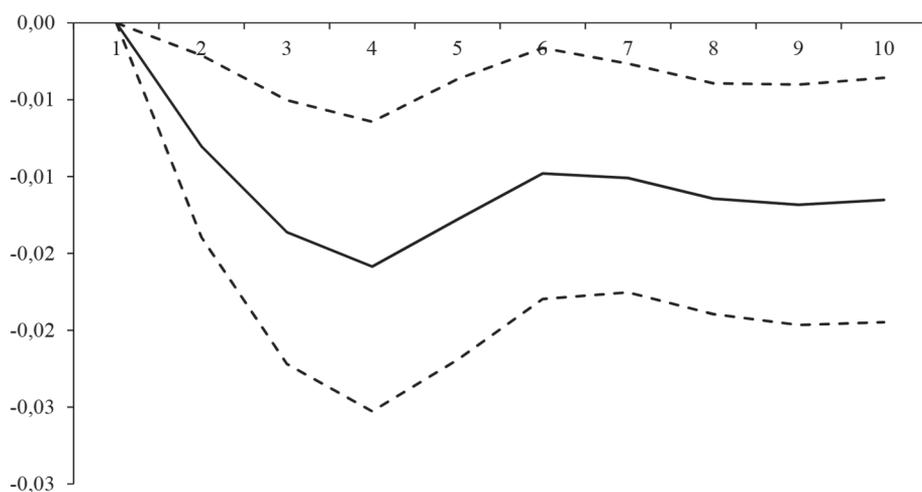
В 2018 и 2019 гг. доля нефтегазовых доходов, которая направлялась на покупку иностранной валюты в ФНБ, составляла соответственно 46,8 и 37,1% от общей суммы нефтегазовых доходов. В 2022–2024 гг. эта доля не превышала 11,0%, что связано как с изъятием части средств ФНБ на финансирование дефицита федерального бюджета, так и с приостановлением покупок иностранной валюты в рамках бюджетного правила.

Эконометрические оценки показывают [22], что в краткосрочной перспективе нефтегазовые доходы федерального бюджета *более чувствительны к изменению реального курса рубля*, чем к колебаниям цены нефти сорта «Юралс». В моделях векторной авторегрессии накопленный эффект от изменения цены нефти на величину одного стандартного отклонения вдвое больше, чем от изменения реального валютного курса (см. рис. 3, 4).

Рис. 3. Накопленный импульсный отклик нефтегазовых доходов в ответ на изменение цены нефти (первая разность логарифмированных значений), в млрд руб.

Источник: рассчитано по: [18; 19; 20; 21].

Рис. 4. Накопленный импульсный отклик нефтегазовых доходов в ответ на изменение реального валютного курса (первая разность логарифмированных значений), в млрд руб.

Источник: рассчитано по: [18; 19; 20; 21].

В 2022–2024 гг. бюджетно-налоговая политика носила выраженный стимулирующий характер и стала более проциклической. Действующее бюджетное правило остается жестким и не учитывает структурных изменений в экономике России, поэтому его действие регулярно приостанавливалось. Исходя из задачи долгосрочной сбалансированности бюджетной сферы России, применение бюджетных правил – разумная мера.

Направления улучшения бюджетного правила для России

По нашему мнению, трансформация бюджетного правила *должна учитывать лучшие практики зарубежных стран* в части перехода к правилам второго поколения. В первую очередь это касается создания комплексной непротиворечивой системы ограничений на параметры бюджета.

Новая конструкция бюджетного правила в части формирования дополнительных нефтегазовых доходов должна учитывать не только изменение цен на нефть, но и колебания курса рубля. Целесообразно вернуться к установлению базовой цены нефти как скользящей средней за несколько предыдущих периодов. Аналогично должен рассчитываться курс рубля. Такой подход обеспечит необходимую гибкость бюджетного правила и не потребует частых пересмотров базовой цены и курса.

В целях контроля расходов федерального бюджета следует рассмотреть установление предельных значений повышения расходов

на очередной плановый период (например, в процентном отношении к ВВП или в виде ограничений на темпы роста). Это предотвратит вынужденную бюджетную консолидацию после очередного бюджетного импульса, что способствует повышению бюджетной устойчивости в средне- и долгосрочной перспективе.

Необходимым элементом создания новой эффективной и гибкой системы бюджетных правил должны стать законодательно утвержденные критерии отступающих положений. Например, могут быть предусмотрены отклонения от действующих правил на 2–3 года, если отклонение фактического ВВП от долгосрочного тренда превышает определенный процент³. Также могут быть прописаны отклонения от правил в части отдельных приоритетных видов расходов федерального бюджета.

Полагаем также, что формула расчета базовых нефтегазовых доходов должна учитывать не только цену нефти, но и динамику валютного курса. Базовые параметры цены нефти и валютного курса предлагается рассчитывать как скользящее среднее за предыдущие периоды. Необходимо ввести механизмы контрциклического контроля расходов, предполагающие ограничение не только нижних, но и верхних границ расходов федерального бюджета. В целях повышения гибкости бюджетных правил при сохранении долговременного характера осмотрительной бюджетно-налоговой политики рекомендуется законодательно закрепить условия временного отклонения от правил в периоды кризисов.

Заключение

Бюджетные правила в мировой практике внедряются в целях повышения долгосрочной устойчивости государственных финансов. Эмпирические исследования показывают, что наличие нескольких бюджетных правил снижает процикличность бюджетно-налоговой политики, сдерживает чрезмерное накопление государственного долга, снижает расходы на обслуживание долга и может способствовать экономическому росту в долгосрочной перспективе.

В России бюджетно-налоговая политика, применяющая правила, начала проводиться с начала 2000-х гг. Конструкция бюджетного правила неоднократно изменялась, однако неизменной остается тесная привязка к цене нефти и нефтегазовым доходам. Сверхдоходы от добычи нефти и газа аккумулируются в суверенном фонде, который выполняет функцию автоматического стабилизатора в периоды колебаний внешнеэкономической конъюнктуры.

Проведенный анализ показывает, что действующая конструкция бюджетного правила *не отвечает вызовам структурной перестройки российской экономики*. В этой связи предлагается модернизировать подход к разработке конвенциональной политики с учетом

---

³ Жирнов Г., Грищенко В., Ткачев В. Бюджетное правило и его модификация при ограничениях на потоки капитала / Презентация. Банк России. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/145391/press_4.pdf

принципов правил второго поколения: большей гибкости, прозрачности и комплексного подхода к управлению бюджетными параметрами.

Предложенные меры требуют детальной разработки и эмпирической оценки. Представляется, что внедрение обоснованного целостного подхода к реализации бюджетных правил позволит укрепить доверие к бюджетной системе и создать условия для структурной перестройки и устойчивого экономического роста.

Список литературы

1. *Kopits G., Symansky S.* Fiscal Policy Rules. Washington: International Monetary Fund, 1998. 45 p.
2. *Davoodi H.R., Elger P., Fotiou A., Garcia-Macia D., Han X., Lagerborg A., Lam W.R., Medas P.A.* Fiscal Rules and Fiscal Councils: Recent Trends and Performance during the COVID-19 Pandemic. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4065432 (дата обращения: 01.06.2025).
3. *Schick A.* The Role of Fiscal Rules in Budgeting // OECD Journal on Budgeting. 2003. Vol. 3. N 3. P. 7–35.
4. *Von Hagen J.* A Note on the Empirical Effectiveness of Formal Fiscal Restraints // Journal of Public Economics. 1991. N 44 (2). P. 199–210.
5. *Von Hagen J., Harden I. J.* Budget Processes and Commitment to Fiscal Discipline // European Economic Review. 1995. N 39 (3-4). P. 771–779.
6. *Alt J. E., Lowry R. C.* Divided Government, Fiscal Institutions, and Budget Deficits: Evidence from the States // American Political Science Review. 1994. N 88 (4). P. 811–828.
7. *Poterba J. M.* Balanced Budget Rules and Fiscal Policy: Evidence from the States // National Tax Journal. 1995. N 48 (3). P. 329–336.
8. *Mandon P.* Evaluating Treatment Effect and Causal Effect of Fiscal Rules on Procyclicality. URL: <https://hal.science/hal-01015439/document> (дата обращения: 25.05.2025).
9. *Afonso A., Jalles, J. T.* Do Fiscal Rules Matter for Growth? // Applied Economics Letters. 2013. N 20 (1). P. 34–40.
10. *Afonso A., Jalles, J. T.* Fiscal Rules and Government Financing Costs // Fiscal Studies. 2019. N 40 (1). P. 71–90.
11. *Badinger H., Reuter W. H.* The Case for Fiscal Rules // Economic Modelling. 2017. N 60. P. 334–343.
12. *Eyraud L.* Second-Generation Fiscal Rules: From Stupid to Smart. URL: <https://voxeu.org/article/second-generation-fiscal-rules-stupid-too-smart> (дата обращения: 27.05.2025).
13. Macroeconomic Policy Frameworks for Resource Rich Developing Countries. URL: <https://www.imf.org/external/np/pp/eng/2012/082412.pdf> (дата обращения: 01.06.2025).
14. *Кудрин А.Л., Соколов И.А.* Бюджетные правила как инструмент сбалансированной бюджетной политики // Вопросы экономики. 2017. № 11. С. 5–32.
15. *Букина И.С.* Бюджетно-налоговая сфера России под воздействием внешних и внутренних факторов // Федерализм. 2025. № 30 (1). С. 127–147.
16. *Гурвич Е.Т., Соколов И.А.* Бюджетные правила: избыточное ограничение или неотъемлемый инструмент бюджетной устойчивости? // Вопросы экономики. 2016. № 4. С. 5–29.

17. Андреев М. Влияние бюджетного правила и модельных предпосылок на реакцию инфляции на шоки условий торговли. Серия докладов об экономических исследованиях. Банк России. № 107. Декабрь 2022. 61 с. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/142777/wp_107.pdf (дата обращения: 01.06.2025).

18. Краткая ежемесячная информация об исполнении федерального бюджета // Минфин России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute?id_57=80042-kratkaya_ezhemesyachnaya_informatsiya_ob_ishpolnenii_federalnogo_byudzheta_mlrd_rub_nakopleno_s_nachala_goda (дата обращения: 01.06.2025).

19. Данные, применяемые для расчета налога на добычу полезных ископаемых в отношении нефти и газового конденсата. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50642/7878e6986f9548d0256bdbb0a819ee666be93965/ (дата обращения: 01.06.2025).

20. Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации, месяцы (с 1991 г.) // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). 2025. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 01.06.2025).

21. Сведения о формировании и использовании дополнительных нефтегазовых доходов федерального бюджета в 2018–2025 годах // Минфин России. 2025. URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/oil?id_57=122094-svedeniya_o_formirovanii_i_ishpolzovanii_dopolnitelnykh_neftegazovykh_dokhoddo_federalnogo_byudzheta_v_2018-2025_godakh (дата обращения: 01.06.2025).

22. Букина И.С. Состояние российской экономики и бюджетно-налоговая политика // Россия и Таджикистан в условиях меняющейся мировой экономики: сборник научных трудов Международной российско-таджикской научно-практической конференции «Россия и Таджикистан в условиях меняющейся мировой экономики». М., 2024. С. 24–33.

References

1. Kopits G., Symansky S. Fiscal Policy Rules. Washington, International Monetary Fund, 1998, 45 p.

2. Davoodi H.R., Elger P., Fotiou A., Garcia-Macia D., Han X., Lagerborg A., Lam W.R., Medas P.A. Fiscal Rules and Fiscal Councils: Recent Trends and Performance during the COVID-19 Pandemic. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4065432 (accessed 01 June 2025).

3. Schick A. The Role of Fiscal Rules in Budgeting, *OECD Journal on Budgeting*, 2003, Vol. 3, No. 3, pp. 7–35.

4. Von Hagen J. A Note on the Empirical Effectiveness of Formal Fiscal Restraints, *Journal of Public Economics*, 1991, No. 44 (2), pp. 199–210.

5. Von Hagen J., Harden I. J. Budget Processes and Commitment to Fiscal Discipline, *European Economic Review*, 1995, No. 39 (3-4), pp. 771–779.

6. Alt J. E., Lowry R. C. Divided Government, Fiscal Institutions, and Budget Deficits: Evidence from the States, *American Political Science Review*, 1994, No. 88 (4), pp. 811–828.

7. Poterba J. M. Balanced Budget Rules and Fiscal Policy: Evidence from the States, *National Tax Journal*, 1995, No. 48 (3), pp. 329–336.

8. Mandon P. Evaluating Treatment Effect and Causal Effect of Fiscal Rules on Procyclicality. Available at: <https://hal.science/hal-01015439/document> (accessed 25 May 2025).

9. Afonso A., Jalles, J. T. Do Fiscal Rules Matter for Growth? *Applied Economics Letters*, 2013, No. 20 (1), pp. 34–40.

10. Afonso A., Jalles, J. T. Fiscal Rules and Government Financing Costs, *Fiscal Studies*, 2019, No. 40 (1), pp. 71–90.

11. Badinger H., Reuter W. H. The Case for Fiscal Rules, *Economic Modelling*, 2017, No. 60, pp. 334–343.

12. Eyraud L. Second-Generation Fiscal Rules: From Stupid to Smart. Available at: <https://voxeu.org/article/second-generation-fiscal-rules-stupid-too-smart> (accessed 27 May 2025).

13. Macroeconomic Policy Frameworks for Resource Rich Developing Countries. Available at: <https://www.imf.org/external/np/pp/eng/2012/082412.pdf> (accessed 01 June 2025).

14. Kudrin A.L., Sokolov I.A. Biudzhetyne pravila kak instrument sbalansirovannoi biudzhethnoi politiki [Budget Rules as an Instrument of Balanced Budget Policy], *Voprosy ekonomiki* [Voprosy Ekonomiki], 2017, No. 11, pp. 5–32. (In Russ.).

15. Bukina I.S. Biudzhethno-nalogovaia sfera Rossii pod vozdeistviem vneshnikh i vnutrennikh faktorov [Budget and Tax Sphere of Russia Under the Influence of External and Internal Factors], *Federalizm* [Federalism], 2025, No. 30 (1), pp. 127–147. (In Russ.).

16. Gurvich E.T., Sokolov I.A. Biudzhetyne pravila: izbytochnoe ogranichenie ili neot’emlemyi instrument biudzhethnoi ustoichivosti? [Budget Rules: Excessive Constraint or an Integral Instrument of Budget Stability?], *Voprosy ekonomiki* [Voprosy Ekonomiki], 2016, No. 4, pp. 5–29. (In Russ.).

17. Andreev M. Vliianie biudzhethnogo pravila i model’nykh predposylok na reaktssiiu inflatsii na shoki uslovii torgovli. Seriya dokladov ob ekonomicheskikh issledovaniiaxh. Bank Rossii [The Impact of the Fiscal Rule and Model Assumptions on the Response of Inflation to Terms of Trade Shocks. Series of Reports on Economic Research. Bank of Russia], No. 107, December 2022, 61 p. (In Russ.). Available at: https://cbr.ru/StaticHtml/File/142777/wp_107.pdf (accessed 01 June 2025).

18. Kratkaiia ezchemesiachnaia informatsiia ob ispolnenii federal’nogo biudzheta [Brief Monthly Information on the Execution of the Federal Budget], *Minfin Rossii* [Ministry of Finance of Russia]. (In Russ.). Available at: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute?id_57=80042-kratkaya_ezchemesyachnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_federalnogo_byudzheta_mlr_d_rub._nakopleno_s_nachala_goda (accessed 01 June 2025).

19. Dannye, primeniaemye dlia rascheta naloga na dobychu poleznykh iskopaemykh v otnoshenii nefi i gazovogo kondensata [Data Used to Calculate the Mineral Extraction Tax for Oil and Gas Condensate]. (In Russ.). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50642/7878e6986f9548d0256bdbb0a819ee666be93965/ (accessed 01 June 2025).

20. Indeksy potrebitel’skikh tsen na tovary i uslugi po Rossiiskoi Federatsii, mesiaty (s 1991 g.) [Consumer Price Indices for Goods and Services in the Russian Federation, Months (since 1991)], *Federal’naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki (Rosstat)* [Federal State Statistics Service (Rosstat)], 2025. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (accessed 01 June 2025).

21. Svedeniia o formirovanii i ispol’zovanii dopolnitel’nykh neftegazovykh dokhodov federal’nogo biudzheta v 2018–2025 godakh [Information on the Formation and Use of Additional Oil and Gas Revenues of the Federal Budget in 2018–2025], *Minfin Rossii* [Ministry of Finance of the Russian Federation], 2025. (In Russ.). Available at: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/oil?id_57=122094-svedeniya_o_formirovanii_i_ispolzovanii_dopolnitelnykh_neftegazovykh_dokhodov_federalnogo_byudzheta_v_2018-2025_godakh (accessed 01 June 2025).

22. Bukina I.S. Sostoianie rossiiskoi ekonomiki i biudzhethno-nalogoivaia politika [The State of the Russian Economy and Fiscal Policy], *Rossia i Tadjikistan v usloviakh meniaiushcheisia mirovoi ekonomiki. Sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoi rossiisko-tadjikskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Russia and Tajikistan in the Context of a Changing World Economy. Collection of Scientific Papers of the International Russian-Tajik Scientific and Practical Conference]. Moscow, 2024, pp. 24–33. (In Russ.).

FISCAL RULE IN THE PERIOD OF THE RUSSIAN ECONOMY TRANSFORMATION

Fiscal rules have been used in global practice for over 30 years. Research proves their positive impact on the sustainability of budget policy. In Russia, the budget rule has gone through several stages of transformation. However, the problem of procyclicality of the fiscal policy remains. The assessments (including calculations of cyclical components of expenditures and oil and gas revenues for 2011–2024) show that the current design is not flexible enough to neutralize external shocks, since the crises of 2007–2009 and 2020 require a revision of the widespread model of fiscal rules. It is proposed to transform the fiscal rule considering the dynamics of the exchange rate, restrictions on expenditures, and the legislative consolidation of «escape clauses».

Keywords: fiscal sustainability, fiscal rule, fiscal policy, oil and gas revenues, second-generation rules, National Welfare Fund.

JEL: E32, H21, H61

Дата поступления – 02.06.2025

Принята к печати – 18.06.2025

БУКИНА Ирина Сергеевна

кандидат экономических наук, ведущий научных сотрудник;
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, 117218.
e-mail: bis.email@gmail.com

BUKINA Irina S.

Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher;
Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218.
e-mail: bis.email@gmail.com

Для цитирования:

Букина И.С. Бюджетное правило в период трансформации российской экономики // Федерализм. 2025. Т. 30. № 2 (118). С. 51–65. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2025-2-51-65>

А.В. ШИШКИН, Е.Н. МЖЕЛЬСКИЙ

МАРКЕТИНГОВЫЙ АНАЛИЗ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЖИТЕЛЕЙ МОСКВЫ В ВЫБОРЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

В статье представлен маркетинговый анализ предпочтений жителей Москвы в выборе альтернативных способов передвижения на фоне роста автомобилизации и увеличения дорожных заторов. Исследование основано на данных опросов 2021–2024 гг. и официальной статистике Департамента транспорта Москвы, что позволяет оценить текущую ситуацию с распределением пассажиропотока между личным и общественным транспортом. Опрос показал, что большинство москвичей не планируют приобретать автомобиль, а некоторые автовладельцы готовы ограничить его использование или полностью отказаться от личного транспорта. Ключевыми факторами при выборе альтернативных способов передвижения жители называют безопасность, стоимость, комфорт и скорость поездки, при этом метро и МЦК остаются наиболее популярными видами транспорта благодаря их надежности и скорости, а такси и МЦД набирают популярность из-за повышенного комфорта. Особый интерес для приложения маркетинговых усилий представляют две группы населения: молодежь 18–30 лет, которая изначально более склонна к использованию общественного транспорта, и люди среднего возраста 30–50 лет, использующие автомобиль нерегулярно, но готовые к переходу на альтернативные варианты. Полученные результаты демонстрируют потенциал для реализации городских транспортных стратегий, направленных на снижение нагрузки на дорожную сеть, и подчеркивают важность учета поведенческих и демографических особенностей населения при разработке маркетинговых программ и инфраструктурных решений.

Ключевые слова: Москва, маркетинг, маркетинговые исследования, транспортный маркетинг, общественный транспорт, альтернативные виды транспорта.

JEL: M31, M38, L92

В настоящее время многие крупные города мира сталкиваются с проблемой роста автомобилизации жителей, пробки на дорогах встречаются все чаще. Власти и транспортные департаменты лидирующих городов мира обеспокоены данной проблемой и принимают различные меры

для снижения заторов на дорогах. При этом глобально существуют два способа снижения пробок. Первый – принятие уровня автомобилизации как данность и работа над снижением заторов различными методами. Второй – стимулирование жителей к использованию альтернативных способов перемещения. Власти большинства развитых мегаполисов в сфере транспорта, понимая, что *невозможно адаптироваться к бесконечно растущему количеству транспортных средств* на улично-дорожной сети, уже закладывают в свои долгосрочные стратегии развития меры по пересадке людей с личного транспорта на альтернативные способы перемещения (второй способ решения проблемы).

Под альтернативными способами передвижения, как правило, понимается перемещение любым способом, кроме личного автомобиля. Это может быть перемещение пешком, на средствах индивидуальной мобильности (велосипеды и самокаты), на общественном транспорте (метро, трамвай, автобус), на такси и каршеринге. Решение проблемы пробок данным способом (стимулирования пересадки на альтернативные виды транспорта) главным образом направлено на изменение поведения, привычек жителей и соответственно должно учитывать характеристики аудитории, их взгляды, мнения и т.д. Москва, как и другие крупные мегаполисы, сталкивается с подобной проблемой, и первым шагом (при реализации второго способа решения проблемы) к ее решению должно стать именно понимание текущей ситуации в части настроений, мнения людей и их отношения к переходу на альтернативные способы перемещения.

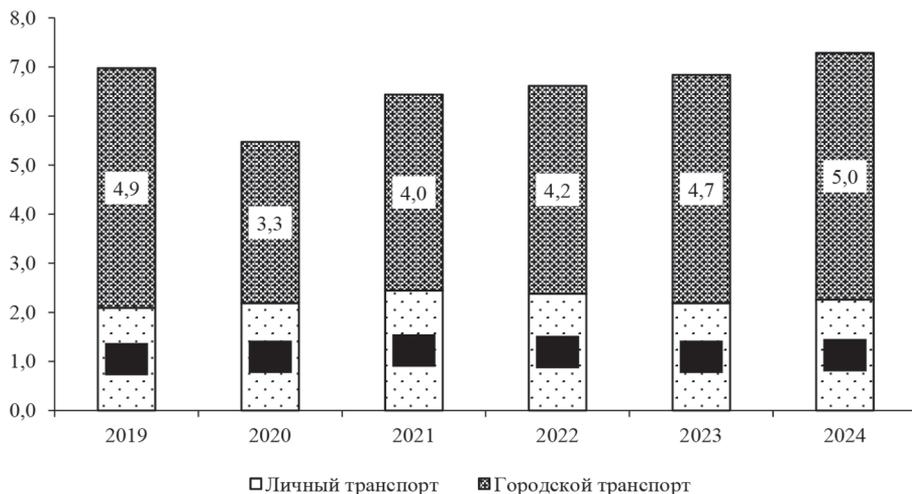
Текущий уровень автомобилизации и распределение поездок в Москве по видам транспорта

На текущий момент ситуация с пробками в Москве не критична, но требует внимания. По состоянию на 2023 г. среднесуточное количество машин на улично-дорожной сети города в 2,8 млн создает загруженность в 7–8 баллов. Принимая во внимание рост населения города, Департамент транспорта Москвы оценивает к 2030 г. увеличение количества транспортных средств на дорогах до 3,3 млн (при отсутствии мер, направленных на их снижение), что приведет к пробкам в 9–10 баллов. Для комфортного передвижения жителей власти города ориентируются на достижение средней загруженности в 5–6 баллов, что эквивалентно 2,5 млн машин в сутки на улично-дорожной сети¹.

Однако наиболее интересным для целей исследования будет изучение не только общих значений поездок на автомобилях, но и *распределения пассажиропотока между личным транспортом и альтернативными видами транспорта* [1]. Рисунок 1 показывает данное распределение с 2019 г.

---

¹ Комплексная программа развития транспортного комплекса города Москвы до 2030 года // ГУП «Московский метрополитен». URL: https://mosmetro.ru/static/etp-new/docs/moscow_transport_complex_development_program_2030.pdf (дата обращения: 05.05.2025).

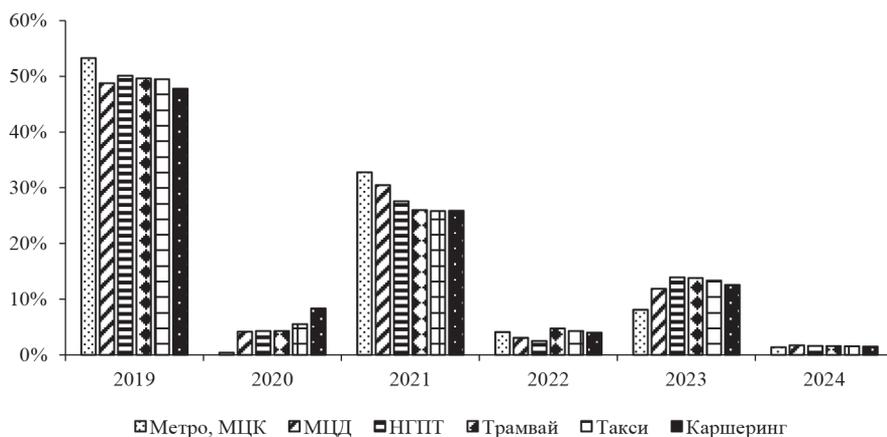

Рис. 1. Количество поездок в Москве по типам транспорта, млрд

Источник: составлено по: [1].

Как можно заметить из диаграммы, общее число поездок снизилось в 2020 г. в связи с эпидемиологическими ограничениями и превысило уровень 2019 г. лишь в 2024 г. Что касается динамики соотношения личного и городского транспорта, наивысшая доля городского транспорта наблюдается в 2019 г. (70% от общего числа поездок). В 2020 г. произошло резкое снижение доли городского транспорта до 60%. В последующие годы наблюдалось плавное увеличение доли (по 2–4 п.п. ежегодно), в 2024 г. приблизившееся к показателям 2019 г. (69%).

Рассмотрим более подробно *структуру поездок на городском транспорте*, а также обобщенные и обработанные данные по количеству поездок в динамике за период 2019–2024 гг. (см. рис. 2).

Рис. 2. Доля поездок по видам городского транспорта в Москве, в % от общего количества поездок на городском транспорте

Источник: составлено по: [1].

Сравнивая доли количества поездок на различных видах транспорта от общего количества поездок, можно сделать выводы о наибольшей популярности:

- 1) метрополитена и МЦК с долей от всех поездок около 50%;
- 2) автобусов и электробусов (НГПТ – наземный городской пассажирский транспорт) с долей более 25%;
- 3) такси, поездки на котором составляют более 10%.

Трамвай, каршеринг и МЦД занимают меньшую долю (менее 10% от общего числа поездок на городском транспорте).

Оценивая изменения в структуре поездок городского транспорта, можно сделать вывод, что наиболее динамично развивающимся способом передвижения становится МЦД (рост с 20 млн поездок до 419 млн за 6 лет). Несмотря на колебания в количестве поездок (размах вариации – 5%), метро и МЦК во все годы остаются наиболее популярным городским транспортом. Что касается НГПТ, наблюдается снижение в 2019–2021 гг. Однако в 2022–2024 гг. доля поездок зафиксировалась на 26%. Доля каршеринга практически стабильна во все годы, и составляет около 1,5%. Доля такси росла до 2021 г., а затем стабилизировалась на уровне 13–14%. Доля трамваев также относительно стабильна и составляет от 3 до 5%.

Описание данных, используемых в исследовании

Изучение *общественного мнения жителей* по вопросу сокращения использования личного транспорта главным образом основывалось на вторичных данных², а именно на опросах Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Так, источники [2–5] основаны на единой методологии опроса, принятой в организации. В рамках опроса опрашиваются 1 600 россиян в возрасте от 18 лет методом телефонного интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров. Выборка извлечена из полного списка телефонных номеров, задействованных на территории Российской Федерации. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Для данной выборки максимальный размер ошибки с вероятностью 95% не превышает 2,5%. Далее авторами из общей выборки россиян были выделены ответы жителей Москвы, которые в дальнейшем использовались для анализа.

Помимо опросов ВЦИОМ, использовался анкетный опрос [6], проведенный на онлайн-сервисе «Яндекс.Взгляд» с условиями таргетинга 18-24 и 25-34, географическое положение – Москва, в рамках которого было получено 178 ответов.

---

² Сафронова Н.Б., Корнеева И.Е. Маркетинговые исследования: учебное пособие. 5-е изд., стер. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2023. С. 30.

**Анализ предпочтений жителей Москвы в выборе
способов передвижения**

Глобально при анализе предпочтений жителей и ответа на вопрос о способах передвижений стоит рассмотреть три направления:

- описание сегментов аудиторий, пользующихся личным транспортом;
- отношение жителей к переходу с личного транспорта на альтернативные виды транспорта;
- отношение жителей к альтернативным видам транспорта.

Сегменты, использующие личный транспорт. Первым этапом при описании решения проблемы с переходом жителей с личного транспорта (ЛТ) на общественный может служить описание текущей ситуации в части отношения и использования жителями личного транспорта, т.е. *сегментов аудитории, на которые впоследствии будут направлены маркетинговые усилия*. База данных опроса от 2021 г. [5] обусловила информацию по количеству аудитории и ее характеристикам. Данные представлены в *таблице 1*.

Т а б л и ц а 1

Описание сегментов, использующих личный транспорт, %

Ответ респондента	Количество респондентов по частоте использования	Изменения в частоте использования ЛТ за последний год	По возрастным категориям (с наибольшей долей)
Не пользуюсь	46	—	30–40 лет – 25, 50–60 лет – 19, 18–30 лет и 70+ – по 16
Несколько раз в месяц / эпизодически	19	Так же – 48, реже – 48, чаще – 4	40–50 лет – 26, 50–60 лет – 22, 70+ лет – 17
Несколько раз в неделю	13	Так же – 44, реже – 38, чаще – 19	40–50 лет – 38, 60–70 и 70+ лет – по 19, 50–60 лет – 13
Практически ежедневно	22	Так же – 70, реже – 11, чаще – 19	30–40 лет – 41, 40–50 – 22, 50–60 лет – 19

Источник: составлено по: [5].

Из *таблицы 1* видно, что количество регулярных пользователей личным транспортом составляет лишь 22% от всего населения Москвы, 32% – используют личный транспорт для нерегулярных поездок, а 46% – не используют вовсе. При этом постоянные пользователи личного транспорта в меньшей мере склонны изменять своим привычкам в части

выбора способа перемещения. При этом нерегулярные пользователи личного транспорта в большей мере склонны к сокращению количества поездок на автомобилях.

В части демографических характеристик можно заметить, что *наиболее часто личный транспорт эксплуатируется людьми в среднем возрасте (30–50 лет)*. Возрастное население (старше 50 лет) также составляет значительную долю.

Для понимания будущих тенденций автомобилизации также целесообразно рассмотреть *запросы граждан в части покупки личного транспорта*. Результаты опроса, проведенного в 2023 г. [2], представлены в таблице 2.

Т а б л и ц а 2

Мнение жителей о покупке личного автомобиля, %

Возраст	Да, в ближайшие 2–3 года	Да, в течение ближайшего месяца	Да, в течение года	Да, в течение полугода	Затрудняюсь ответить	Нет
18–30	10	5	5	5	0	75
30–40	20	0	9	0	0	71
40–50	24	0	4	4	0	68
50–60	8	0	0	4	4	85
60–70	0	0	4	0	0	96
70+	5	0	0	0	0	95
Все возрастные группы	12	1	4	2	1	81

Источник: составлено по: [2].

Из представленной таблицы можно сделать следующие выводы:

1. Большинство населения Москвы (81%) не планирует покупать автомобиль.

2. Группа, наиболее расположенная к покупке автомобиля, – в возрасте 40–50 лет, наименее – в возрасте 60+ лет; группа в возрасте 18–40 лет купит автомобиль со средней вероятностью.

3. Группа, наиболее склонная к покупке автомобиля в ближайшее время, – в возрасте 30–40 лет.

Отношение жителей к отказу от личного транспорта. Для комплексного рассмотрения вопроса по отказу жителей от личного транспорта требуется проанализировать, во-первых, готовность людей в принципе отказаться от использования личного транспорта. Во-вторых, необходимо понять основные барьеры, препятствующие переходу на альтерна-

тивные виды транспорта. В-третьих, нужно выявить факторы, которые принимаются во внимание при переходе с личного транспорта.

В 2022 г. в рамках дня отказа от автомобиля был проведен опрос [3], в котором 47% жителей на вопрос о возможности отказа от личного автомобиля или ограничения пользования им ответили отрицательно. При этом 28% допустили ограничение, а 14% допустили полный отказ. Однако эти результаты сложно оценить без их сопоставления с наличием у респондентов автомобиля. Уточненная аналитика приведена в таблице 3.

Т а б л и ц а 3

Мнение жителей о об ограничении и отказе от личного транспорта, %

Ответ респондента	Есть больше одного автомобиля	Есть один автомобиль	Нет автомобиля
Допускаю ограничение	42,31	33,33	14,29
Допускаю полный отказ	0,00	10,00	26,53
Затрудняюсь ответить	0,00	5,00	24,49
Не допускаю ни ограничение, ни отказ от личного авто	57,69	51,67	34,69

Источник: составлено по: [3].

Как можно заметить, 43% респондентов, имеющих один автомобиль, допускают отказ (10% от сегмента имеющих один автомобиль) или ограничение личного транспорта (33% от сегмента имеющих один автомобиль). При этом водители, имеющие два и более автомобиля, допускают лишь ограничения в использовании (42% от группы имеющих более одного автомобиля). Сегмент, не имеющий автомобиля, в меньшей степени не допускает ни ограничение, ни отказ от личного авто. Однако мнение данного сегмента менее важно для целей исследования, поскольку *работа с ним не приведет к решению проблемы* снижения количества личного транспорта на дорогах города.

Наиболее интересна для анализа группа, допускающая отказ или ограничения и имеющая автомобиль, т.к. *именно она изначально наиболее расположена к переходу* и способна сократить количество личных транспортных средств на улично-дорожной сети города. Большинство этой группы – молодежь (20–30 лет), ее доля составляет 27% от общей выборки. Второй по популярности диапазон – 40–50 лет с долей в 22%. Население в возрастах 30–40 лет и 50–60 лет составляет по 14% от опрошенных. Большинство группы имеет средний доход (59%) и 32% оценивают свое финансовое состояние как хорошее. Население, готовое к отказу, на 46% состоит из сотрудников, работающих в найме, 35% составляют пенсионеры (работающие и неработающие).

Далее рассмотрим *основные барьеры, препятствующие отказу от личного транспорта* или снижению его использования. Если говорить о полном отказе, жители, имеющие один автомобиль и более, на вопрос «Назовите, пожалуйста, причины, по которым Вы не допускаете полный отказ от личного авто» (можно было указать до трех причин) наиболее часто отмечали комфорт, удобство и простоту использования этого вида транспорта (23% ответов). Второй по популярности ответ связан с рекреационными поездками на дачу или за город (10% ответов). Суммированная доля по ответам, связанным с объективной необходимостью, составила 28%³. Подобная группировка была проведена по барьерам, связанным с работой общественного транспорта; доля от ответов составила 8%⁴ [3].

Принимая во внимание то, что часть жителей готова сократить поездки на личном транспорте, попытаемся определить, *по каким критериям население выбирает альтернативные способы перемещения*. Ответы жителей на вопрос «На какие критерии Вы будете обращать внимание в первую очередь при выборе альтернативы личному автомобилю?» приведен в *таблице 4* (в рамках опроса допускался ответ не более чем на 3 критерия одновременно) [4].

Т а б л и ц а 4

Критерии выбора альтернативного вида транспорта, %

Ответ респондента	Все опрошенные	Нет детей	Есть дети до 6 лет	Есть дети от 7 до 12 лет	Есть дети от 13 до 17 лет
Безопасность	41	36	46	46	40
Стоимость поездки	39	43	39	35	38
Комфорт поездки в целом	38	42	35	35	36
Скорость поездки	38	43	37	35	25
Удобство маршрута	29	32	24	33	27
Удобство передвижения с детьми	22	9	38	30	26

Источник: составлено по: [4].

³ В категорию были включены ответы, связанные с перевозкой детей, поездками на работу с водителем, жизнью респондента за городом, проблемами со здоровьем у респондента, его детей или родственников, экстренными ситуациями.

⁴ В группировку были включены причины, связанные с плохой работой общественного транспорта, его отсутствием и большей стоимостью поездки в сравнении с личным транспортом.

Таким образом, главным критерием для всех опрошенных является *безопасность*. Стоимость, комфорт и скорость поездки также занимают большую долю среди ответов респондентов. При этом также важно обратить внимание на различное соотношение важности критериев в зависимости от наличия детей. Так, для более молодого поколения наиболее важны стоимость и скорость поездки. В то же время для жителей с детьми наиважнейший критерий – безопасность. Инфраструктура для комфорта перемещения с детьми играет важную роль при возрасте ребенка до 6 лет, в других категориях значимость критерия ниже.

Как уже было указано выше, молодежь – одна из наиболее предпочтительных аудиторий, на которую могут быть направлены мероприятия по переходу на альтернативные виды транспорта. В силу этих причин целесообразно рассмотреть ее поподробнее.

Опрос, проведенный в 2022 г., выявил, что большинство жителей от 18 до 34 лет пользуются личным транспортом для поездок за город и за покупками. Жители отвечали на вопрос о главных преимуществах личного транспорта; одной из наиболее частых причин назывался комфорт передвижения с максимальной приватностью. В противовес этому главным недостатком использования общественного транспорта называется низкий уровень комфорта при передвижениях в час пик. В качестве недостатков владения автомобилем отмечаются сложности с поиском парковочного места, стоимость содержания и обслуживания, а также необходимость получения водительского удостоверения [6].

Отношение жителей к альтернативным видам транспорта. В качестве наиболее общего показателя отношения москвичей к транспорту можно отнести уровень удовлетворенности (степень соответствия ожидаемых и реальных качеств приобретенного продукта/услуги)⁵. Так, по данным Департамента транспорта Москвы, в 2023 г. *91% жителей положительно оценили развитие транспорта в городе за 10 лет*. Что касается более детальной аналитики, в среднем удовлетворенность пассажиров МЦК составила 98%, метро – 94%, МЦД – 90%, трамваями – 88%, электробусами и автобусами – 84%, электричками – 58%⁶.

Для конкретизации *выводов, на основе которых могут быть приняты управленческие решения*, рассмотрим ключевые преимущества, которые ценят жители при выборе общественного транспорта. В рамках опроса, проведенного в 2021 г. [5], жителей попросили указать основной вид транспорта, используемый для перемещений по городу, затем были уточнены причины, почему москвичи считают его таковым. Обработанные результаты представлены в *таблице 5*⁷.

⁵ Маркетинг: создание и донесение потребительской ценности: учебник / под общ. ред. И.И. Скоробогатых, Р.Р. Сидорчука, С.Н. Андреева. М.: ИНФРА-М, 2025. С. 126.

⁶ Комплексная программа развития транспортного комплекса города Москвы до 2030 года // ГУП «Московский метрополитен». URL: https://mosmetro.ru/static/etp-new/docs/moscow_transport_complex_development_program_2030.pdf (дата обращения: 05.05.2025).

⁷ В рамках ответа на вопрос, возможно было выбрать до двух причин, в таблице указана доля отдельных причин от суммы всех ответов по виду транспорта.

Т а б л и ц а 5

Причины выбора альтернативного вида транспорта по видам, %

Ответ респондента	Метро	МЦК, МЦД	НГПТ	Такси
Удобное расположение остановки, станции	17	13	23	4
Надежность транспортного средства	10	0	5	0
Комфорт совершения поездки	0	38	10	25
Скорость совершения поездки (время в пути)	33	25	3	21
Удобное расписание	6	0	8	4
Наличие льгот на проезд	6	25	13	0
Безопасность совершения поездки	8	0	5	4
Отсутствие необходимости искать и (или) оплачивать парковку	5	0	5	4
Подходящая цена	5	0	8	4
Защита от заражения коронавирусной инфекцией	1	0	3	21
Нет альтернативных видов транспорта	2	0	10	4
Прочие причины	5	0	5	8

Источник: составлено по: [5].

Результаты опроса позволили сделать следующие выводы.

В метро жители наиболее ценят скорость совершения поездки, количество станций рельсового каркаса (что позволяет быстро добираться до станции), надежность транспортного средства.

При поездках на МЦК и МЦД люди отмечают комфорт передвижения, скорость перемещения, наличие льгот (скорее респонденты подразумевают программу, позволяющую бесплатно пересеживаться между метро, МЦК и МЦД). В отличие от метро, удобство расположения станций, хоть и указывается респондентами как плюс, однако в меньшем количестве, что также подтверждается результатами глубинных интервью [7, с. 86].

Удобство расположения остановки отмечается как наиболее популярное преимущество НГПТ. При этом данный вид транспорта также может выбираться в силу льгот на проезд, отсутствия альтернатив и из-за комфорта.

Основные плюсы такси по мнению жителей – скорость и комфорт поездки.

Заключение

Результаты анализа данных общественного мнения о вопросах использования альтернативных видов транспорта *подтверждают возможность снижения количества личных транспортных средств* на улично-дорожной сети города (к отказу от личного транспорта или его ограничению готовы ~ 43% жителей города).

При этом у Москвы существуют реальные предпосылки к достижению поставленных целей, т.к. значительная часть населения не имеет и не планирует покупать автомобиль. Также стоит учесть, что часть населения, имеющая личный транспорт, уже снижает частотность поездок.

По итогам анализа мнений жителей можно выделить два наиболее перспективных сегмента для приложения маркетинговых усилий.

Первый сегмент – молодежь, работа с которой должна вестись в рамках пропаганды отказа от личного транспорта. Выбор этого сегмента обусловлен наибольшей вероятностью достижения положительного результата (сегмент и так не только готов отказаться от личного транспорта, но и использует его реже в целом), а также более долгим влиянием на загруженность улично-дорожной сети города (в силу большего оставшегося времени жизни).

Второй сегмент – жители города среднего возраста, использующие личный транспорт для нерегулярных поездок. Данный сегмент также имеет высокую вероятность отказа от автомобиля, при этом оказывает значительное влияние на загруженность на дорогах в настоящий момент.

При разработке и улучшении текущих услуг по транспортировке пассажиров следует учитывать основные критерии их выбора: комфорт, безопасность, стоимость, скорость перемещения. При этом каждый из видов городского транспорта может ориентироваться на один-два критерия из списка наиболее желанных жителями, принимая во внимание также качество каждого способа перемещения, высоко оцениваемого пассажирами.

Список литературы

1. Открытые данные: департамент транспорта г. Москвы // Московский транспорт. URL: https://transport.mos.ru/mostrans/for_journs/data (дата обращения: 05.05.2025).

2. Автомобилизация России: мониторинг – 2023 // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/avtomobilizacija-rossii-monitoring> (дата обращения: 05.05.2025).

3. День без автомобиля – 2022 // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-bez-avtomobilja-2022> (дата обращения: 05.05.2025).

4. Личное авто: отказаться нельзя оставить // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/lichnoe-avto-otkazatsya-nelzya-ostavit> (дата обращения: 05.05.2025).

5. Тренды в городском транспорте – 2021 // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trendy-v-gorodskom-transporte-2021> (дата обращения: 05.05.2025).

6. Качарова Г.Г. Личный транспорт против общественного: транспортное поведение молодежи Москвы при новой модели городской мобильности. URL: <https://olymp.hse.ru/mirror/pubs/share/841501189.pdf> (дата обращения: 05.05.2025).

7. Аспекты маркетингового управления деятельностью и развитием предпринимательских структур на общественном транспорте: монография / под общ. ред. И.И. Скоробогатых, Р.Р. Сидорчука. М.: ИНФРА-М, 2019. 195 с.

References

1. Otkrytye dannye: departament transporta g. Moskvy [Open Data: Moscow Department of Transport], *Moskovskii transport* [Moscow Transport]. Available at: https://transport.mos.ru/mostrans/for_journs/data (accessed 05 May 2025).

2. Avtomobilizatsiia Rossii: monitoring – 2023 [Motorization of Russia: Monitoring – 2023], *VTsIOM* [VTsIOM]. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/avtomobilizaciya-rossii-monitoring> (accessed 05 May 2025).

3. Den' bez avtomobilia – 2022 [Day Without a Car – 2022], *VTsIOM* [VTsIOM]. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-bez-avtomobilja-2022> (accessed 05 May 2025).

4. Lichnoe avto: otkazat'sia nel'zia ostavit' [Personal Car: You Can't Refuse It, You Can't Leave It], *VTsIOM* [VTsIOM]. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/lichnoe-avto-otkazatsya-nelzya-ostavit> (accessed 05 May 2025).

5. Trendy v gorodskom transporte – 2021 [Trends in Urban Transport – 2021], *VTsIOM* [VTsIOM]. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trendy-v-gorodskom-transporte-2021> (accessed 05 May 2025).

6. Kacharava G.G. Lichnyi transport protiv obshchestvennogo: transportnoe povedenie molodezhi Moskvy pri novoi modeli gorodskoi mobil'nosti [Personal Versus Public Transport: Transport Behavior of Moscow Youth Under the New Model of Urban Mobility]. Available at: <https://olymp.hse.ru/mirror/pubs/share/841501189.pdf> (accessed 05 May 2025).

7. Aspekty marketingovogo upravleniia deiatel'nost'iu i razvitiem predprinimatel'skikh struktur na obshche-stvennom transporte, monografiia [Aspects of Marketing Management of Activities and Development of Entrepreneurial Structures in Public Transport. Monograph], edited by I.I. Skorobogatykh, R.R. Sidorchuk. Moscow, INFRA-M, 2019, 195 p.

MARKETING ANALYSIS OF MOSCOW RESIDENTS' PREFERENCES IN CHOOSING ALTERNATIVE MODES OF TRANSPORTATION

The article presents a marketing analysis of Moscow residents' preferences in choosing alternative modes of transportation against the backdrop of increasing car ownership and growing traffic congestion. The study is based on survey data from 2021–2024 and official statistics from the Moscow Department of Transport, allowing for an assessment of the current distribution of passenger traffic between private and public transport. The survey revealed that most Muscovites do not plan to purchase a car, while some car owners are willing to limit or completely abandon private vehicle use. Key factors influencing the choice of alternative

transportation include safety, cost, comfort, and travel speed, with the metro and the Moscow Central Circle (MCC) remaining the most popular options due to their reliability and speed, while taxis and the Moscow Central Diameters (MCD) are gaining popularity due to increased comfort. Two demographic groups are of particular interest for marketing efforts: young people aged 18–30, who are initially more inclined to use public transport, and middle-aged individuals (30–50), who use cars irregularly but are open to switching to alternatives. The findings demonstrate the potential for implementing urban transport strategies aimed at reducing road network congestion and highlight the importance of considering behavioral and demographic factors when developing marketing programs and infrastructure solutions.

Keywords: Moscow, marketing, marketing research, transport marketing, public transport, alternative modes of transportation.

JEL: M31, M38, L92

Дата поступления – 08.05.2025

Принята к печати – 09.06.2025

ШИШКИН Анатолий Викторович

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры маркетинга, заведующий научно-исследовательской лабораторией «Маркетинговые исследования транспортного комплекса»;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 109992.

e-mail: shishkin.av@rea.ru

МЖЕЛЬСКИЙ Евгений Николаевич

главный специалист Отдела стратегических проектов Инновационного центра службы безопасности;

ГУП «Московский метрополитен» / проспект Мира, д. 41 стр. 2, г. Москва, 129110.

e-mail: jough@bk.ru

SHISHKIN Anatoly V.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Professor of the Department of Marketing, Head of the Research Laboratory “Marketing Research in Transport Complex”;

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “Plekhanov Russian University of Economics” / 36, Stremyanny lane, Moscow, 109992.

e-mail: shishkin.av@rea.ru

MZHELSKIY Evgeniy N.

Lead Specialist of the Strategic Projects Department of Innovation Center of the Security Service;

State Unitary Enterprise “Moscow Metro” / 41, Mira Av., Building 2, Moscow, 129110.

e-mail: jough@bk.ru

Для цитирования:

Шишкин А.В., Мжельский Е.Н. Маркетинговый анализ предпочтений жителей Москвы в выборе альтернативных способов передвижения // Федерализм. 2025. Т. 30. № 2 (118). С. 66–78. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2025-2-66-78>

А.Г. ДРУЖИНИН, О.В. КУЗНЕЦОВА

РАЙОНИРОВАНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Утверждение в конце 2024 г. новой Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. и с прогнозом до 2036 г., в которой произошел отказ от представленной в предшествующем аналогичном документе сетки макрорегионов в пользу федеральных округов, вновь актуализирует проблематику экономического (социально-экономического) районирования России. В статье обосновывается понимание районирования как значимой российской интеллектуальной традиции и впервые в отечественной литературе показаны причины и проявления кризиса районирования (в т.ч. методологического) еще в позднесоветский, а отнюдь не постсоветский период, когда этот кризис лишь усугубился. Приводятся аргументы в пользу необходимости возрождения отечественного районирования в современных условиях, но с его модернизацией, отражающей нынешний постиндустриальный характер экономики и расселения. Предлагается отказаться от универсальной сетки экономических районов, перейти к множественности и разномасштабности таких сеток, формируемых под решение конкретных управленческих и исследовательских задач. Признается возможность сохранения в качестве базовой на общегосударственном уровне сетки федеральных округов и одновременно идентификации крупных, наслаивающихся друг на друга социально-экономико-культурных макрорегионов (таких как Большой Юг России, Большой Урал, Сибирь в широком ее понимании). Утверждается, что одна из ключевых задач районирования на современном этапе — его увязка с Единым перечнем опорных населенных пунктов, разработка схем районирования разного иерархического уровня, исходя прежде всего из оценки роли опорных населенных пунктов в предоставлении разных по сложности социальных услуг населению при одновременном решении задачи формирования стандартов предоставления социальных услуг.

Ключевые слова: районирование, экономические районы, федеральные округа, макрорегионы, стратегия пространственного развития, опорные населенные пункты.

JEL: J11, R12, R53, R58

Постановка проблемы

Исторически сложившееся в России весьма дробное политико-территориальное деление (в настоящее время в стране 89 субъектов Федерации) неизбежно порождает стремление и исследователей, и управленцев-практиков включить в объекты своей деятельности (для формирования понятной картины пространственных различий, оптимизации управления и т.д.) более укрупненные территориальные единицы, основными инвариантами которых выступают унаследованные с советских времен экономические районы и федеральные округа. Появление последних в 2000 г. научное сообщество, кстати, в целом восприняло без явного позитива [1; 2], констатируя их несоответствие реальным экономическим районам (границы федеральных округов повторили существовавшие на тот момент границы военных округов), и последующие трансформации сетки федеральных округов *ситуацию не изменили*. Неудивительно поэтому, что не только многие современные учебники по экономической географии¹, но и регионоведческие исследования продолжают, к сожалению, выполняться в соответствии с сеткой советских экономических районов, хотя таковые по прошествии нескольких десятилетий активных социально-экономических преобразований заведомо не смогли полноформатно сохранить ни свои границы, ни былые народнохозяйственные функции, ни параметры целостности.

Симптоматично, что становление во второй половине 2000-х гг. федерального стратегического планирования регионального/пространственного развития инициировало попытки предложить новую сетку экономических районов [1]. В этом же тренде в принятом в 2014 г. Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации» закреплено очень близкое к «экономическому району» понятие «макрорегион» (с. 12). А в утвержденной в начале 2019 г. Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. (далее – Стратегия 1) была предложена сетка макрорегионов (Приложение № 2, с. 1–3). Однако за все годы реализации Стратегии 1 в реальную практику госуправления макрорегионы так и не были инкорпорированы, а из Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. и с прогнозом до 2036 г.² (далее – Стратегия 2) они и вовсе исчезли. В Стратегии 2 определены приоритетные направления социально-экономического развития федеральных округов и Арктической зоны Российской Федерации.

В этой связи вновь озвучивается потребность в районировании, акцентируется его сохраняющаяся существенная востребованность [1; 2; 3; 4; 5; 6] и, параллельно, актуализируются вопросы:

---

¹ Одним из примеров является учебник МГУ имени М.В. Ломоносова (Экономическая и социальная география России: География экономических районов России: учебник / под ред. В.Л. Бабурина, М.П. Ратановой. М.: ЛЕНАНД, 2017. 640 с.).

² Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р.

- почему идея с макрорегионами оказалась нежизнеспособной;
- можно и нужно ли в России сформировать новую сетку экономических районов для целей федеральной пространственной политики;
- в какой мере в этом целесообразно опираться на накопленный в стране опыт экономического районирования;
- как его можно оценивать и развивать с современных позиций?

Попытка предложить соответствующие ответы является основной целью данной статьи.

Районирование как российская интеллектуальная традиция

Как не без основания полагал антрополог Клод Леви-Стросс, основное предназначение мышления человека состоит в непрерывных попытках классификации (структурирования) элементов Хаоса и формировании Порядка (Космоса) [7]. В многоаспектной и поистине всеохватной сфере *пространственных явлений, процессов и отношений* основным способом подобного структурирования выступает *районирование*, понимаемое как «метод выявления и/или выделения на территории районов»³, либо в еще более широком толковании — «выделение, разграничение любых ареалов в любой среде» [8, с. 13].

Отражая и одновременно конституируя неоднородность пространства (в т.ч. селитебную, хозяйственную, социокультурную), районирование предстает также логическим следствием его континуальности, консолидации, интеграции и, вне сомнения, централизации (ибо верно сказано — «район — это то, что обязательно вычлняется из целостного объекта» [9, с. 38]). Обширность российской территории с неизбежными в подобных условиях и все более четко проявлявшимися⁴ различиями от места к месту породила *устойчивый запрос на районирование*, ставшее, в итоге, «визитной карточкой» [6] российской географии.

Историография российского районирования (а здесь и далее речь пойдет исключительно об обществоведческих его аспектах, о районировании экономическом и в осовремененном формате — социально-экономическом) только в досоветский период вмещает сведения о шестнадцати самостоятельных его альтернативных сетках [10; 11], ретроспективной чередой презентуемых, начиная с последней четверти XVIII в. Лишь частично (в пределах европейской части) покрывая страну и устаревая уже практически к моменту своей публикации, в совокупности они последовательно создавали *национальную культуру районирования*, когда «ни одно сколько-нибудь серьезное описание России не обходилось без по-районного обзора» [10, с. 196]. Фокус районирования постепенно смещался с фиксации существенной для агросферы и сельского расселения

---

³ Социально-экономическая география: понятия и термины: словарь-справочник / отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск: Ойкумена. 2013. С. 202.

⁴ По мере многовекового расширения рубежей страны, роста масштаба внутренних миграций, повышения степени заселенности и экономической освоенности как центральных зон, так и периферии.

природной зональности на становящиеся все более многочисленными и крупными городские центры, на положение по отношению к ним, равно как и морским побережьям, путям сообщения, территориям с этнической спецификой и т.п.

Столь же трендово первоначальный, логичный именно для больших государств [12] учет в районировании лишь макроструктур уже к рубежу XX столетия⁵ был дополнен структурированием территории на мезоуровне. Наиболее масштабно – с вычленением 1 065 микрорайонов – подобная задача оказалась реализована В.П. Семеновым-Тян-Шанским в духе мировоззренческих установок модерна, полагавшем [9], что «районы живут и видоизменяются в пространстве подобно всему существующему на земной поверхности» [14, с. 16].

Укорененность районирования (как метода и целевого ориентира) в инструментарии отечественной науки того периода противоречиво сочеталась с превалирующим пониманием [15; 16] принципиальной нерешенности главной задачи – создания «правильной» сетки районов. Подобная задача (по Н.Н. Баранскому, «первостепенной важности государственного вопроса» [17, с. 15]) масштабно решалась уже в советскую эпоху, когда районирование (советская школа экономического районирования) виделось самоценным, оригинальным, существенно более продвинутым в сопоставлении с предшествующими аналогами, но при этом принципиально немислимым вне заложенной ранее колеи.

О советском районировании, его методологических установках⁶, обширнейших прикладных наработках много написано как в 1920-е гг., ставшие, вне сомнения, наиболее продуктивными и с точки зрения теории, и с практических, управленческих позиций [19; 20; 21; 22], так и в последующие периоды, включая постсоветский [6; 18; 23; 24]. Здесь же укажем лишь на наиболее характерное и поныне существенное: сохраняя приверженность идеям позитивизма, *советское экономическое районирование* изначально форматировалось под решение *преобразовательных, нацеленных на перспективу задач*, включающих не только поиск районов либо их «открытие», но и (что явилось новацией) конструирование в тесной увязке с административно-территориальным делением, в свою очередь учитывающим экономические резоны, этнический (национально-политический) фактор и, отчасти, социальные приоритеты.

«Районы Госплана, – подчеркивал в 1927 г. Н.Н. Баранский, – это не рубрики для разверстки статистических данных, а производственные комбинаты – будущие административно-хозяйственные единицы» [17, с. 15]. «Последовательно развитым производственным комбинатом» [22, с. 14] виделся крупный экономический район и Н.Н. Колосовскому. Концептуальное значение имело и культивируемое в тот период понимание, что «структура организационно-территориального устройства,

---

⁵ Идентифицируемому, подчас, в качестве «золотого века» отечественного районирования [13], что, полагаем, верно, лишь отчасти.

⁶ К числу которых относятся принципы специализации, комплексности, перспективы, энергетический и др. [18].

предусматриваемого районированием, представляет из себя объединение связанных между собой общностью экономических интересов и единством политики более мелких хозяйственных организмов в более крупные, в целом составляющие государство» [25, с. 10]. Районирование виделось, соответственно, не столько инструментом децентрализации, сколько наоборот, «одним из важных методов концентрации сил...» [25, с. 11]. Став драйвером государственностроительства и обретя широкие возможности для имплементации, советское районирование, испытав беспрецедентный взлет, одновременно оказалось во власти присущих стране, ее экономике, разнонаправленных метаморфоз. Наряду с экзогенными факторами (включая эволюцию понимания районов, районирования и в целом феномена пространства, имевшую место за пределами СССР [24; 26]), такие метаформозы предопределили *вступление советского районирования в многоаспектный кризис*. Его научно-теоретические и институциональные последствия не только не преодолены до сих пор, но и в должной мере не осмыслены.

Кризис советского экономического районирования и его постсоветская проекция

«Все, что однажды считалось абсолютным, — отмечал социолог и философ Анри Лефевр, — становится относительным» [27, с. 37]. Не избежало подобной участи и советское районирование, его базовые постулаты и в еще большей мере выстроенные на их основе схемы и сетки.

Концептуальная стройность инструментария советского районирования 1920-х гг. (и поныне для нас во многом модельного, сохраняющего потенциал своей аппликации) изначально сочеталась с *разночтением в числе обособляемых экономических районов* и их границах⁷, а также с учетом при размежевании территорий ситуативных сугубо политических резонов. Так, к примеру, в состав Северо-Кавказского края был включен «индустриально-пролетарский» Ростов-на-Дону [29], а наряду с ним и весь Восточный Донбасс, что явно не соответствовало территориально-хозяйственным (специализация, зоны тяготения и др.) обоснованиям. Впрочем, как подмечают П.А. Минакир и его соавторы, в нашей стране «критерий “административности” всегда превалировал над принципом хозяйственной (рыночной) системности» [12, с. 72]. Со временем это привело к забвению базовой установки: «границы района строятся на основе детальной проработки данных об экономическом тяготении» [22, с. 11]. И если изначально предполагалось, что обособленные на строго научных основаниях и отчасти спроектированные, ориентированные на перспективу экономические районы будут наделены и административными полномочиями, то уже в 1930-е гг. баланс властных функций сместился и на страновом, и на местном уровне в пользу

---

⁷ Достаточно сопоставить экономическое районирование по плану ГОЭЛРО и разработки КЕПС, в равной мере относящиеся к рубежу 1920–1921 гг. [28].

отраслей и ведомств. В итоге резоны и возможности тщательного отслеживания изменений в районообразовании утрачивались, а свойствами территориально-экономической целостности стали по умолчанию наделяться любого рода административно-территориальные образования. Апофеозом данного подхода (как и последней реализованной попыткой совместить административно-территориальное деление и экономическое районирование) явилось создание в СССР в 1957 г. 105 «экономических административных районов» с советами народного хозяйства, в т.ч. в РСФСР – 70 [28]. Их упразднение в 1965 г., кстати, также нанесло ощутимый удар и по экономическому районированию, и по соответствующим исследованиям в рамках экономической географии.

В этом же тренде еще в канун Великой Отечественной войны в среде экономистов возникла *теория макрорайонов*, рассматриваемых в качестве некой альтернативы госплановскому районированию [18]. Дальнейший методологический сдвиг, выводящий районирование на периферию научно-практической повестки, оказался сопряжен с провозглашением на рубеже 1970-х гг. особой ветви экономического знания – «*региональной экономики*» [30]. А поскольку «любой район является регионом, но не любой регион является районом» [6, с. 24], смещение хозяйственно-управленческого фокуса на априори идентифицированные, четко делимитированные и обеспеченные статистикой «регионы» привело к фактическому свертыванию любого рода значимых содержательных работ по собственно экономическому районированию.

Характерно в этой связи, что кульминацию интереса отечественного научного сообщества к вопросам районирования относят [31] именно к 1960 г., когда состоялся Симпозиум по экономическому районированию в рамках 3-го Съезда Географического общества СССР. Симптоматична и статья О.А. Константинова, одного из ведущих советских экономико-географов периода 1950–1960-х гг., показавшего утрату в серьезных исследованиях представлений об объективности экономических районов после кончины Н.Н. Баранского (1963 г.) [31]. Ключевой в советском районировании принцип его увязки с административно-территориальным делением оказался в итоге своеобразной ахиллесовой пятой, спустя десятилетия упростившей и обесценившей само членение территории на экономические районы. «Возникла длительная пауза, и многое из ценных методологических и теоретических результатов было просто забыто» [32, с. 394].

Акцент на единство с административным делением (управляемость) придавал экономическому районированию не только заданность, но и косность⁸, неспособность адекватно реагировать на текущие изменения в территориальной организации общества. Последняя сетка экономических районов страны утверждена была еще в 1963 г. Парадоксальным образом она же (с незначительной коррекцией), игнорируя все политико-

---

⁸ Еще в 1955 г. озвучивалось мнение о непригодности методологии районирования, выработанной в 1921 г. к реалиям 1940-х гг. [18].

экономические метаморфозы и геополитические сдвиги постсоветского периода, де-юре считается действующей в современной Российской Федерации⁹. Эта же схема экономического районирования (все в большей мере демонстрирующая отставание от новых потребностей хозяйства [33]) вступала и в явное противоречие с попыткой осмыслить ареалы с теми или иными крупными народнохозяйственными либо эколого-экономическими проблемами (проблемными регионами наподобие Нечерноземья, зоны БАМ, Прикаспия и др.). «Не подрывает ли их возникновение теорию районирования вообще?» [34, с. 48]. Подобный озвученный в позднесоветские времена Б.С. Хоревым вопрос и в наше время представляется симптоматичным и вполне резонным.

Становясь все более ретроградным, утрачивая стимулы и потенциал для обновления своего инструментария и испытывающее частичную примитивизацию, советское районирование было обречено развиваться главным образом *вширь* на путях обретения новых и новых своих инвариантов: природно-хозяйственного, эколого-экономического, историко-культурного, Мирового океана и др. Видов районирования (в русле социологизации и экономизации географии), как и их сеток становилось все больше (в т.ч. на мезоуровне), но пропорционально этому сужались и возможности их практического применения, что еще ощутимее понижало планку соответствующих подходов и наработок, множа, если воспользоваться оценкой В.Л. Каганского, «чрезвычайно простые районирования» [35]. Заметим, что в предъявлявшей к районированию еще меньший спрос и запрос постсоветской России отсутствие внятного экономического обоснования выделяемых регионов выражено особенно четко [1].

С конца 1980-х г. доминантой для отечественного социально-экономического знания, равно как и менеджмента в сфере пространственного развития, стало массивованное, подчас некритическое восприятие зарубежных (в основном западных) постулатов, установок, опыта и, соответственно, частичный отход от советской интеллектуальной традиции. В этой связи в русле глобального тренда [36] усилился крен в пользу неэкономических видов районирования, что в свою очередь вело к его *инструментальной какофонии*, усугубляемой неоправданным возрастанием [6] субъективного фактора в вопросах районирования.

Значимые постсоветские новации оказались связаны и с привнесением на российскую почву *идей постмодерна*, феноменологических подходов к пространственному анализу (блестяще презентованных Л.В. Смирнягиным [26]). Ранее незыблемые, абсолютно превалирующие представления об «объективно существующих» и иерархически выстроенных районах с четко и однозначно фиксируемыми границами [37] трансформировались, приобретая черты архаичности контексте пред-

---

⁹ Общероссийский классификатор экономических регионов. ОК 024-95 (утв. Постановлением Госстандарта России от 27 декабря 1995 г. № 640) (ред. от 21 июня 2023 г.) (дата введения 1 января 1997 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115583/0ea00b4142e612de60c5290a5a547b654573e76d/ (дата обращения: 05.03.2025).

лагаемой современной методологией «игры с бесконечно отражающими друг друга зеркалами» [38, с. 288]. Одновременно приходило понимание фактической множественности (альтернативности, конкурентности) географических образов, картин, концептов, что в сфере районирования воплощалось в инвариантности его парадигм¹⁰, включая поиск «вернакулярных районов», попытки примирить традицию и новации в «безграничном районировании», проведении дифференциации территории с учетом различного рода «плавающих признаков» и т.п.

Новые мировоззренческие реалии конца XX – начала XXI вв. таким образом *усугубляли* проявившийся еще в советский период *кризис отечественного районирования*, приумножая его грани. Убедительное проявление этого – возрастающее безразличие к тематике районирования профильного исследовательского сообщества¹¹, лишь оттеняемое сравнительно немногочисленными и разрозненными, практически лишенными какого-либо внешнего резонанса попытками дифференциации российской территории по тем или иным социально-экономическим и природно-хозяйственным основаниям [3; 33; 41; 42; 43; 44].

Яркой иллюстрацией кризиса явилась и уже упомянутая в самом начале статьи фактически провальная попытка инкорпорировать сетку макрорегионов в стратегирование пространственного развития России с последующим отказом от какого-либо специального районирования в пользу действующей структуры федеральных округов. В 2019 г. на страницах «Федерализма» мы уже рассматривали проблемы макрорегионов [45], и сказанное тогда не потеряло своей актуальности. За прошедшие 6 лет реализации Стратегии 1 так и не было определено, какая федеральная структура призвана заниматься макрорегионами (полпреды Президента Российской Федерации в федеральных округах, Минэкономразвития России, какой-либо иной орган власти). Не были утверждены и стратегии социально-экономического развития макрорегионов, поскольку так и осталась неочевидной необходимость таких документов¹². Напротив, роль федеральных округов в системе федерального управления усилилась, поскольку летом 2021 г. введен институт кураторства вопросов социально-экономического развития регионов, входящих в состав отдельных округов, вице-премьерами российского правительства. Тем самым была снята значимая проблема федеральных округов – недостаточность их роли в экономике территорий в силу того, что полпреды Президента Российской Федерации и их аппараты входят в систему Администрации Президента, а не федеральных органов исполнительной власти.

¹⁰ Такой инвариантности посвящены специальные обзорные публикации [35; 39].

¹¹ Единственная в современной России крупная конференция по экономическому районированию была проведена географами-обществоведами в 2004 г. в Ростове-на-Дону [40].

¹² Мы предлагали сделать процесс разработки стратегий развития макрорегионов основной для дальнейшего развития межрегионального сотрудничества, но эта идея без очевидных объективных причин не получила поддержки на практике.

***О перспективах районирования в интересах стратегирования
пространственного развития Российской Федерации***

Рассмотренные выше проблемы, если не сказать кризисное положение, районирования, тем не менее вовсе не означают целесообразность отказа от него. Для современной России районирование актуализировано хотя бы потому, что сами *районы, по-прежнему присутствуют в общественном сознании в качестве неких сложившихся стереотипов* [23]. Они в любом случае выступают объективной данностью пространственного развития, предполагающей определенные договоренности относительно своей сопряженности, иерархии, центров, границ и т.п. как в системе государственного управления, так и в регионоведческих исследованиях.

Более того, именно необходимость решения крайне актуализированных в современном геополитическом контексте [46] вопросов стратегирования пространственного развития формирует *запрос на возрождение отечественного районирования*, модернизацию его инструментария. И здесь мы, с одной стороны, согласно В.И. Вернадскому, «ограничены в наших научных представлениях научной работой прошлых поколений, в рамках которой мы неизбежно идем» [47, с. 419], с другой стороны, опираясь на богатейшую национальную традицию, должны искать и обретать новые подходы и решения: современные, адаптивные, обладающие потенциалом инкорпорирования в систему государственного управления. Представляются целесообразными следующие подходы.

Прежде всего *районирование способно и должно быть множественным и разномасштабным*: для различных управленческих целей и задач могут разрабатываться разные сетки социально-экономических районов — макро-, мезо-, микроуровня. При этом надо понимать, что такие сетки в подавляющем большинстве случаев *будут иметь сугубо аналитический характер*, т.е. использоваться для разработки и реализации стратегических документов, различных программ, решения отдельных прикладных задач, но не предполагать создание специальных органов власти, отвечающих за развитие выделенных районов. При этом в качестве макрорегионов (районов макроуровня), имеющих свои органы власти, *могут продолжить свое существование федеральные округа*. Единственно верную, абсолютную систему районирования создать невозможно [28], а институт федеральных округов вполне сложился, да и наличие накопленных рядов статистических данных именно по федеральным округам тоже значимо.

Важно также отметить, что на макрорегиональном уровне в России фактически сложились и *большие взаимно пересекающиеся, наслаивающиеся друг на друга пространства* — в отличие от фактического политико-географического членения территории, равно как и традиционных схем экономического районирования. Делимитация таких пространств происходит как в рамках геополитических и культурно-географических подходов, так и в практике государственного управления.

Так, Арктическая зона Российской Федерации как особый объект федеральной пространственной политики включает в себя регионы из четырех федеральных округов. Взаимно накладываются друг на друга Большой Урал и Сибирь в широком ее понимании, Сибирь и Дальний Восток. В Большой Юг России целесообразно включать регионы не только Южного и Северо-Кавказского федерального округов, но и Черноземья, Нижнего Поволжья [48]. Такой подход – отказ от превращения районирования в «нарезку пирога» – соответствует принципам мягких методик районирования¹³, о которых подробнейшим образом писал Л.В. Смирнягин [49].

Представляется, что начавший формироваться еще в советский период и усугубившийся в постсоветский кризис районирования связан во многом с тем, что основы советской школы районирования закладывались в период масштабной индустриализации. Тогда «большие» энергорайоны Н.Н. Колосовского были тем ключевым звеном, которое, по выражению В.И. Ленина, «способно вытянуть всю цепочку» советской индустриализации [5, с. 37], система расселения динамично менялась под требования организации крупного индустриального производства, экономические мотивы принимаемых решений существенно перевешивали социальные, а в промышленности доминировали тяжелые отрасли.

Современное районирование – это районирование *постиндустриальной эпохи*, разумеется, учитывающее приоритеты реиндустриализации, но с гораздо большим структурным разнообразием и сложностью экономики, конечной нацеленностью экономической политики на повышение качества жизни населения, требующей, в частности, учета и экологической проблематики. Это в итоге и породило множественность подходов к районированию и его схем.

Само по себе это не является проблемой. Проблема скорее в том, что *от районирования традиционно ожидается его универсальность*. Подчас районирование осуществляется ради районирования, тогда как необходима изначальная его нацеленность на решение конкретных задач в разных сферах экономики и более широко – жизни общества. Фактически такая множественность уже существует: наряду с федеральными округами происходила независимая трансформация сетки военных округов. Имеется опыт формирования образовательных округов. Своя логика деления страны на макрорегионы есть у государственных инфраструктурных компаний (один из примеров – территориальные железные дороги в структуре ОАО «РЖД»).

Множественность целей районирования в свою очередь будет содействовать выделению районов разных масштабов (включая районы в пределах отдельно взятых субъектов Российской Федерации). При этом в экономическом (именно экономическом) районировании,

¹³ В числе таких принципов: опора на «плавающие признаки», признание наличия «лакун» – невозможности районировать всю территорию, «примата ядра над границей района», значимости «вернакулярных районов».

по сравнению с индустриальной эпохой, компактность и мобильность современных технологий неизбежно ведут к *уменьшению размеров новых экономических районов*, на смену прежним «большим» районам Н.Н. Колосовского приходят «малые» экономические районы (известные в научной литературе как промышленные округа Дж. Бекаттини) как основные драйверы современных инновационных преобразований в пространстве [5].

Разнообразие схем районирования, однако, не исключает выделения среди них *ключевых*. На наш взгляд, в числе таковых должно быть в первую очередь районирование, основанное на анализе системы расселения, точнее, центр-периферийных отношений.

О возможности опоры на дистанционный признак, или признак расстояния от местных культурно-исторических центров, говорилось еще в начале 1920-х гг. [20], но тогда эта идея не стала мейнстримом. В настоящее время она приобретает особое значение в связи с тем, что в утвержденной Стратегии 2 одним из основных механизмов ее реализации назван *Единый перечень опорных населенных пунктов (ОНП)*¹⁴. Перечень таких ОНП уже утвержден¹⁵, в нем 2 160 населенных пунктов, разительно отличающихся по своим размерам — от сельских до Москвы.

При этом Стратегия 2, к сожалению, не предусматривает какой-либо иерархии ОНП с точки зрения их дифференциации по сложности предоставляемых населению социальных услуг. Не ведется речь и о том, что предоставление услуг населению должны обеспечивать не только локальные центры, но и макрорегиональные. Ведь в роли ОНП в подавляющем большинстве случаев выступают центры муниципальных районов/округов, в которых заведомо не может быть вузов, узкоспециализированных высокотехнологичных медицинских учреждений. При этом, например, статус федеральных университетов, наряду с Московским и Санкт-Петербургским государственными университетами, в России имеют только 10 вузов. Центрами предоставления услуг мезоуровня могут выступать как административные центры субъектов Федерации, так и при значительных размерах регионов другие ключевые их города. Поэтому вполне логично было бы приступить к разработке *многоуровневого районирования России в увязке с Единым перечнем опорных населенных пунктов*. Одновременно с этим могла бы быть решена и другая, давно назревшая проблема — разработки стандартов предоставления социальных услуг населению.

---

¹⁴ В соответствии со Стратегией 2, ОНП — «населенный пункт, приоритетное развитие которого способствует достижению национальных целей и обеспечению национальной безопасности, в т.ч. за счет обеспечения доступности образования, медицинской помощи, услуг в сфере культуры и реализации иных потребностей для жителей прилегающей территории» (с. 4).

¹⁵ Решением Президиума (штаба) Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации, протокол от 16 декабря 2024 г. № 143пр.

* * *

Таким образом, районирование России является на сегодняшний день одним из важнейших и перспективных направлений как в профильных научных дисциплинах (социально-экономической географии, пространственной экономике, в целом регионалистике), так и в практике государственного управления пространственным развитием. Это в свою очередь актуализирует дальнейшее широкое и продуктивное обсуждение вопросов теории и практики районирования в исследовательском сообществе.

Список литературы

1. Кузнецова О.В. Система макрорегионов в экономическом пространстве России // Региональные исследования. 2012. № 3. С. 33–43.
2. Романов М.Т. Проблемы экономического районирования и административно-территориального устройства России в новых условиях // Вестник Дальневосточной государственной академии экономики и управления. 2004. № 2. С. 28–46.
3. Бакланов П.Я. Новые факторы и предпосылки экономического районирования России // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2024. Т. 79. № 2. С. 5–18.
4. Демьяненко А.Н. Районирование в контексте стратегий регионального развития // Вестник ДВО РАН. 2006. № 3. С. 11–17.
5. Пилясов А.Н. Контуры новой теории экономического районирования России (основные элементы) // Современная регионалистика: структура, проблемы, перспективы. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2013. С. 31–44.
6. Шувалов В.Е. Районирование в российской социально-экономической географии: современное состояние и направления развития // Региональные исследования. 2015. № 3. С. 19–29.
7. Леви-Строс К. Первобытное мышление / пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. М.: Республика, 1994. 384 с.
8. Родман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена. 1999. 256 с.
9. Костинский Г.Д. Идея пространственности в географии // Известия РАН. Серия географическая. 1992. № 6. С.31–40.
10. Вальская Б.А. Обзор опытов районирования России с конца XVIII в. по 1861 г. // История географических знаний. Вопросы географии. Сб. 17. М.: Государственное издательство географической литературы, 1950. С. 139–201.
11. Калашникова Т.М. Экономическое районирование. М.: МГУ. 1982. 216 с.
12. Минакир П.А., Исаев А.Г., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М. Экономические макрорегионы: интеграционный феномен или политико-географическая целесообразность? Случай Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 1. С. 66–99.
13. Титков А.С. Проблема социально-экономического районирования Европейской России в начале XX века // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2009. № 2. С. 13–19.
14. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна. 2-е изд., стереотип. М.: Пеликан, 2017. 314 с.

15. *Никитин Н.П.* Исторический опыт разделения Европейской России на хозяйственные районы // Народное хозяйство. 1920. № 13-14. С. 12–18.
16. *Рихтер Д.И.* Опыт разделения Европейской России на районы по естественным и экономическим признакам // Труды Вольного экономического общества. Т. II. 1898. № 4. 26–43.
17. *Баранский Н.Н.* Экономическая география СССР. Обзор по областям госплана. Издание 3-е стереотипное. М.-Л.: Государственное издательство, 1927. 327 с.
18. *Кибальчич О.А., Степанов М.Н.* К современным проблемам экономического районирования СССР // Известия Всесоюзного географического общества. 1955. № 4. С. 354–360.
19. *Александров И.Г.* Экономическое районирование России. М.: Госплан, 1921. 15 с.
20. *Бернштейн-Коган С.Н.* К вопросу о программе и методах составления порайонных обзоров и хозяйственных планов // Экономическое районирование России. М., 1921. С. 23–26.
21. *Книпович Б.Н.* К методологии районирования / РСФСР, Нар. комиссариат земледелия. М.: Гос. изд-во, 1921. 48 с.
22. *Колосовский Н.Н.* Основы экономического районирования. М.: Госполитиздат. 1958. 198 с.
23. *Лейзерович Е.Е.* Экономическое районирование и формирование земель Российской Федерации // Известия РГО. 1992. Вып. 5. С. 447–451.
24. *Пилясов А.Н., Поляченко А.Е.* Районный эффект: проблемные вопросы теории и практики // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2021. № 4. С. 25–37.
25. Районирование СССР. 1917–1925. М.; Л.: Плановое хозяйство. 1926. 307 с.
26. *Смирнягин Л.В.* Судьба географического пространства в социальных науках // Известия РАН. Серия географическая. 2016. № 4. С. 7–19.
27. *Lefebvre H.* Urban revolution. Minneapolis: Minnesota University Press, 2003. 224 p.
28. *Алампов П.М.* Экономическое районирование СССР. М.: Госпланиздат, 1959. 263 с.
29. *Гозулов А.И.* Экономическая география Северного Кавказа. Ростов н/Д.: Севкавказкнига. 1927. 164 с.
30. *Некрасов Н.Н.* Региональная экономика. М.: Экономика. 1978. 343 с.
31. *Константинов О.А.* Новое направление географических исследований // Известия Всесоюзного географического общества. 1979. № 4. С. 293–298.
32. *Агафонов А.Т., Алаев Э.Б., Лавров С.Б., Межевич М.Н., Хорев Б.С.* О современном состоянии и перспективных возможностях экономической и социальной географии // Известия Всесоюзного географического общества. 1988. № 5. С. 393–403.
33. *Горбанев В.А.* К вопросу о новом географическом районировании России // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 4 (37). С. 187–196.
34. *Хорев Б.С.* Вопросы совершенствования организационной структуры управления экономикой в региональном аспекте // Известия Всесоюзного географического общества. 1988. № 1. С. 43–50.
35. *Каганский В.Л.* Основные практики и парадигмы районирования // Региональные исследования. 2003. № 2. С. 17–30.
36. *Блануца В.И.* Социально-экономическое районирование: постсоветские тренды и альтернативная перспектива // Известия РАН. Серия географическая. 2018. № 6. С. 7–16.

37. Агафонов Н.Т., Чистобаев А.И. Экономическое районирование и территориально-производственное комплексобразование в СССР // Советская география. Л.: Наука, Ленинградское отделение. 1984. С.117–130.
38. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2004. 368 с.
39. Замятин Д.Н. Наукометрический анализ истории развития экономического районирования России и СССР (1761–1941) // Известия РАН. Серия географическая. 1993. № 4. С. 116–124.
40. Районирование в современной экономической, социальной и политической географии: потенциал, теория, методы, практика: сборник тезисов докладов Всероссийской научной конференции с международным участием / под ред. А.Г. Дружинина и В.Е. Шувалова. Ростов н/Д.: ИнфоСервис. 2004. 247 с.
41. Вампилова Л.Б., Манаков А.Г. Районирование России: историко-географический подход // Псковский регионологический журнал. 2012. № 13. С. 26–36.
42. Калуцков В.Н. Культурно-географическое районирование России: гео-концептуальный подход // Псковский регионологический журнал. 2015. № 22. С. 85–94.
43. Корытный Л.М. Бассейновая концепция: от гидрологии к природопользованию // География и природные ресурсы. 2017. № 2. С. 5–16.
44. Максимов Д.В. О туристском районировании территории России // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Естественные науки. 2019. № 1. С. 76–85.
45. Кузнецова О.В. Альтернативные подходы к определению роли макро-регионов России в системе государственного управления // Федерализм. 2019. № 4. С. 112–125.
46. Дружинин А.Г. Геополитические ориентиры стратегии пространственного развития России // Федерализм. 2024. Т. 29. № 4. С. 5–22.
47. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с.
48. Дружинин А.Г. Актуальные проблемы систематизации и унификации географической терминологии в исследованиях южнороссийского регионогенеза // Научная мысль Кавказа. 2023. № 1. С. 5–15.
49. Смирнягин Л.В. Узловые вопросы районирования // Известия РАН. Серия географическая. 2005. № 1. С. 5–11.

References

1. Kuznetsova O.V. Sistema makroregionov v ekonomicheskom prostranstve Rossii [System of Macro Regions in Russian Economic Space], *Regional'nye issledovaniia* [Regional Research], 2012, No. 3, pp. 33–43. (In Russ.).
2. Romanov M.T. Problemy ekonomicheskogo raionirovaniia i administrativno-territorial'nogo ustroistva Rossii v novykh usloviakh [Problems of Economic Zoning and Administrative-Territorial Structure of Russia in New Conditions], *Vestnik Dal'nevostochnoi gosudarstvennoi akademii ekonomiki i upravleniia* [Bulletin of the Far Eastern State Academy of Economics and Management], 2004, No. 2, pp. 28–46. (In Russ.).
3. Baklanov P.Ia. Noveye faktory i predposylki ekonomicheskogo raionirovaniia Rossii [New Factors and Prerequisites for the Economic Zoning of Russia], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 5: Geografiia* [Bulletin of the Moscow University. Series 5: Geography], 2024. Vol. 79, No. 2, pp. 5–18. (In Russ.).

4. Dem'ianenko A.N. Raionirovanie v kontekste strategii regional'nogo razvitiia [Regionalization and Elaboration of Regional Development Strategies], *Vestnik DVO RAN* [Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences], 2006, No. 3, pp. 11–17. (In Russ.).

5. Piliiasov A.N. Kontury novoi teorii ekonomicheskogo raionirovaniia Rossii (osnovnye elementy) [Contours of the New Theory of Economic Zoning of Russia (Main Elements)], *Sovremennaya regionalistika: struktura, problemy, perspektivy* [Modern Regionalism: Structure, Problems, Prospects]. St. Petersburg, Izd-vo SPbGEU, 2013, pp. 31–44. (In Russ.).

6. Shuvalov V.E. Raionirovanie v rossiiskoi sotsial'no-ekonomicheskoi geografii: sovremennoe sostoianie i napravleniia razvitiia [Regionalization in Russian Socio-Economic Geography: Development Direction], *Regional'nye issledovaniia* [Regional Research], 2015, No. 3, pp. 19–29. (In Russ.).

7. Levi-Stros K. Pervobytnoe myshlenie [Primitive thinking], translated by A.B. Ostrovskogo. Moscow, Respublika, 1994, 384 p. (In Russ.).

8. Rodoman B.B. Territorial'nye arealy i seti. Ocherki teoreticheskoi geografii [Territorial Areas and Networks. Essays on Theoretical Geography]. Smolensk, Oikumena, 1999, 256 p. (In Russ.).

9. Kostinskii G.D. Ideia prostranstvennosti v geografii [The Idea of Spatiality in Geography], *Izvestiia RAN. Serii geograficheskaiia* [Izvestiya RAS. The series is geographical], 1992, No. 6, pp. 31–40. (In Russ.).

10. Val'skaia B.A. Obzor opytov raionirovaniia Rossii s kontsa XVIII v. po 1861 g. [Review of Russian Zoning Experiments from the End of the XVIII Century to 1861], *Istoriia geograficheskikh znanii. Voprosy geografii. Sb. 17.* [History of Geographical Knowledge. Questions of Geography. Collection 17]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury, 1950, pp. 139–201. (In Russ.).

11. Kalashnikova T.M. Ekonomicheskoe raionirovanie [Economic Zoning]. Moscow, Moscow State University, 1982, 216 p. (In Russ.).

12. Minakir P.A., Isaev A.G., Dem'ianenko A.N., Prokapalo O.M. Ekonomicheskie makroregiony: integratsionnyi fenomen ili politiko-geograficheskaiia tselesoobraznost'? Sluchai Dal'nego Vostoka [Economic Macroregions: An Integration Phenomenon or a Political Geographic Rationale? Far Eastern Russia Case], *Prostranstvennaia ekonomika* [Spatial Economics], 2020, Vol. 16, No. 1, pp. 66–99. (In Russ.).

13. Titkov A.C. Problema sotsial'no-ekonomicheskogo raionirovaniia Evropeiskoi Rossii v nachale XX veka [Social Economic Regionalization of European Russia in the Beginning of the 20th Century], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 5: Geografiia* [Bulletin of the Moscow University. Series 5: Geography], 2009, No. 2, pp. 13–19. (In Russ.).

14. Semenov-Tian'-Shanskii V.P. Raion i strana [District and Country]. 2nd ed., stereotip. Moscow, Pelikan, 2017, 314 p. (In Russ.).

15. Nikitin N.P. Istoricheskii opyt razdeleniia Evropeiskoi Rossii na khoziaistvennye raiony [The Historical Experience of the Division of European Russia into Economic Regions], *Narodnoe khoziaistvo* [National Economy], 1920, No. 13-14, pp. 12–18. (In Russ.).

16. Rikhter D.I. Opyt razdeleniia Evropeiskoi Rossii na raiony po estestvennym i ekonomicheskim priznakam [The Experience of Dividing European Russia into Regions according to Natural and Economic Characteristics], *Trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society]. Vol. II. 1898, No. 4, pp. 26–43. (In Russ.).

17. Baranskii N.N. Ekonomicheskaiia geografiia SSSR. Obzor po oblastiam gosplana [Economic Geography of the USSR. An Overview of the Areas of the State Planning

Committee]. 3rd ed., stereotype. Moscow-Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1927, 327 p. (In Russ.).

18. Kibal'chich O.A., Stepanov M.N. K sovremennym problemam ekonomicheskogo raionirovaniia SSSR [On Modern Problems of Economic Zoning of the USSR], *Izvestiia Vsesoiuznogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the All-Union Geographical Society], 1955, No. 4, pp. 354–360. (In Russ.).

19. Aleksandrov I.G. Ekonomicheskoe raionirovanie Rossii [Economic Zoning of Russia]. Moscow, Gosplan, 1921, 15 p. (In Russ.).

20. Bernshtein-Kogan S.N. K voprosu o programme i metodakh sostavleniia poraionnykh obzorov i khoziaistvennykh planov [On the Issue of the Program and Methods of Drawing up District Reviews and Economic Plans], *Ekonomicheskoe raionirovanie Rossii* [Economic Zoning of Russia]. M., 1921, pp. 23–26. (In Russ.).

21. Knipovich B.N. K metodologii raionirovaniia [On the Methodology of Zoning], RSFSR, Nar. komissariat zemledeliia. Moscow, Gos. izd-vo, 1921, 48 p. (In Russ.).

22. Kolosovskii N.N. Osnovy ekonomicheskogo raionirovaniia [Fundamentals of Economic Zoning]. Moscow, Gospolitizdat, 1958, 198 p. (In Russ.).

23. Leizerovich E.E. Ekonomicheskoe raionirovanie i formirovanie zemel' Rossiiskoi Federatsii [Economic Zoning and Formation of the Lands of the Russian Federation], *Izvestiia RGO* [Izvestiya RGO], 1992, No. 5, pp. 447–451. (In Russ.).

24. Piliashov A.N., Poliachenko A.E. Raionnyi effekt: problemnye voprosy teorii i praktiki [Regionary Effect: Problematic Issues of Theory and Practice], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiia* [Bulletin of the Moscow University. Series 5: Geography], 2021, No. 4, pp. 25–37. (In Russ.).

25. Raionirovanie SSSR. 1917–1925 [Zoning of the USSR. 1917–1925]. Moscow, Leningrad, Planovoe khoziaistvo, 1926, 307 p. (In Russ.).

26. Smirniagin L.V. Sud'ba geograficheskogo prostranstva v sotsial'nykh naukakh [The Future of Geographical Space in Social Sciences], *Izvestiia RAN. Seriya geograficheskaiia* [Izvestiya RAS. The Series is Geographical], 2016, No. 4, pp. 7–19. (In Russ.).

27. Lefebvre H. Urban Revolution. Minneapolis, Minnesota University Press, 2003, 224 p.

28. Alampiev P.M. Ekonomicheskoe raionirovanie SSSR [Economic Zoning of the USSR]. Moscow, Gosplanizdat, 1959, 263 p. (In Russ.).

29. Gozulov A.I. Ekonomicheskaiia geografiia Severnogo Kavkaza [Economic Geography of the North Caucasus]. Rostov-na-Donu, Sevkvkniga, 1927, 164 p. (In Russ.).

30. Nekrasov N.N. Regional'naia ekonomika [Regional Economics]. Moscow, Ekonomika, 1978, 343 p. (In Russ.).

31. Konstantinov O.A. Novoe napravlenie geograficheskikh issledovaniia [A New Direction of Geographical Research], *Izvestiia Vsesoiuznogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the All-Union Geographical Society], 1979, No. 4, pp. 293–298. (In Russ.).

32. Agafonov A.T., Alaev E.B., Lavrov S.B., Mezhevich M.N., Khorev B.S. O sovremennom sostoianii i perspektivnykh vozmozhnostiakh ekonomicheskoi i sotsial'noi geografii [On the Current State and Promising Opportunities of Economic and Social Geography], *Izvestiia Vsesoiuznogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the All-Union Geographical Society], 1988, No. 5, pp. 393–403. (In Russ.).

33. Gorbanev V.A. K voprosu o novom geograficheskome raionirovanii Rossii [New Geographical Regionalization of Russia], *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO University], 2014, No. 4 (37), pp. 187–196. (In Russ.).

34. Khorev B.S. Voprosy sovershenstvovaniia organizatsionnoi struktury upravleniia ekonomikoi v regional'nom aspekte [Issues of Improving the Organizational Structure of

Economic Management in the Regional Aspect], *Izvestiia Vsesoiuznogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the All-Union Geographical Society], 1988, No. 1, pp. 43–50. (In Russ.).

35. Kaganskii V.L. Osnovnye praktiki i paradigmy raionirovaniia [Basic Practices and Paradigms of Zoning], *Regional'nye issledovaniia* [Regional Research], 2003, No. 2, pp. 17–30. (In Russ.).

36. Blanutsa V.I. Sotsial'no-ekonomicheskoe raionirovanie: postsovetskie trendy i al'ternativnaia perspektiva [Socio-economic Regionalization: Post-Soviet Trends and Alternative Perspective], *Izvestiia RAN. Seriiia geograficheskaiia* [Izvestiya RAS. The Series is Geographical], 2018, No. 6, pp. 7–16. (In Russ.).

37. Agafonov N.T., Chistobaev A.I. Ekonomicheskoe raionirovanie i territorial'no-proizvodstvennoe kompleksoobrazovanie v SSSR [Economic Zoning and Territorial-Industrial Complex Formation in the USSR], *Sovetskaia geografiia* [Soviet Geography]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1984, pp. 117–130. (In Russ.).

38. Vallerstain I. Konets znakomogo mira: Sotsiologiia XXI veka [The End of a Familiar World: Sociology of the XXI Century]. Moscow, Logos, 2004, 368 p. (In Russ.).

39. Zamiatin D.N. Naukometricheskii analiz istorii razvitiia ekonomicheskogo raionirovaniia Rossii i SSSR (1761–1941) [Scientometric Analysis of the History of the Development of Economic Zoning of Russia and the USSR (1761–1941)], *Izvestiia RAN. Seriiia geograficheskaiia* [Izvestiya RAS. The Series is Geographical], 1993, No. 4, pp. 116–124. (In Russ.).

40. Raionirovanie v sovremennoi ekonomicheskoi, sotsial'noi i politicheskoi geografii: potentsial, teoriia, metody, praktika. Sbornik tezisov dokladov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [Zoning in Modern Economic, Social and Political Geography: Potential, Theory, Methods, Practice. Collection of Abstracts of the All-Russian Scientific Conference with International Participation], edited by A.G. Druzhinin, V.E. Shuvalov. Rostov-na-Donu, InfoServis, 2004, 247 p. (In Russ.).

41. Vampilova L.B., Manakov A.G. Raionirovanie Rossii: istoriko-geograficheskii podkhod [Zoning of Russia: A Historical-Geographical Approach], *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov Regionological Journal], 2012, No. 13, pp. 26–36. (In Russ.).

42. Kalutskov V.N. Kul'turno-geograficheskoe raionirovanie Rossii: geokontseptual'nyi podkhod [Cultural and Geographical Zoning of Russia: a Geo-Conceptual Approach], *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov Regionological Journal], 2015, No. 22, pp. 85–94. (In Russ.).

43. Korytnyi L.M. Basseinovaia kontseptsiiia: ot gidrologii k prirodopol'zovaniiu [The Basin Concept: from Hydrology to Nature Management], *Geografiia i prirodnye resursy* [Geography and Natural Resources], 2017, No. 2, pp. 5–16. (In Russ.).

44. Maksimov D.V. O turistskom raionirovanii territorii Rossii [About the Tourist Division of the Territory of Russia], *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Seriiia: Estestvennye nauki* [News of Higher Educational Institutions. The North Caucasus Region. Series: Natural Sciences], 2019, No. 1, pp. 76–85. (In Russ.).

45. Kuznetsova O.V. Al'ternativnye podkhody k opredeleniiu roli makroregionov Rossii v sisteme gosudarstvennogo upravleniia [Alternative Approaches to Specify the Role Macro-Regions of Russia in the System of Public Administration], *Federalizm* [Federalism], 2019, No. 4, pp. 112–125. (In Russ.).

46. Druzhinin A.G. Geopoliticheskie orientiry strategii prostranstvennogo razvitiia Rossii [Geopolitical Guidelines of Russia's Spatial Development Strategy], *Federalizm* [2024, Vol. 29, No. 4, pp. 5–22. (In Russ.).

47. Vernadskii V.I. Filosofskie mysli naturalista [Philosophical Thoughts of a Naturalist]. Moscow, Nauka, 1988, 520 p. (In Russ.).

48. Druzhinin A.G. Aktual'nye problemy sistematizatsii i unifikatsii geograficheskoi terminologii v issledovaniiax iuzhnorossiiskogo regionogeneza [Actual Problems of Systematization and Unification of Geographical Terminology in the Research of South Russian Regionogenesis], *Nauchnaia mysl' Kavkaza* [Scientific Thought of the Caucasus], 2023, No. 1, pp. 5–15. (In Russ.).

49. Smirniagin L.V. Uzlovye voprosy raionirovaniia [Key Issues of Regionalization], *Izvestiia RAN. Seriya geograficheskaiia* [Izvestiya RAS. The Series is Geographical], 2005, No. 1, pp. 5–11. (In Russ.).

ZONING IN THE SPATIAL DEVELOPMENT OF MODERN RUSSIA: PROBLEMATIC ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

The approval at the end of 2024 of the new Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030 and with a forecast up to 2036, which rejected the grid of macroregions presented in the previous similar document in favor of federal districts, once again actualizes the problems of economic (socio-economic) zoning of Russia. The article substantiates the understanding of zoning as a significant Russian intellectual tradition and, for the first time in Russian literature, shows the causes and manifestations of the zoning crisis (including methodological ones) back in the late Soviet, and by no means the post-Soviet period, when this crisis only worsened. Arguments are given in favor of the need to revive national zoning in modern conditions, but with its modernization reflecting the current post-industrial nature of the economy and settlement. It is proposed to abandon the universal grid of economic regions, to switch to the multiplicity and diversity of such grids, formed to solve specific management and research tasks. It is recognized that it is possible to preserve the grid of federal districts as a base at the national level and, at the same time, identify large overlapping socio-economic and cultural macroregions (such as the Great South of Russia, the Great Urals, Siberia in its broad sense). It is argued that one of the key tasks of zoning at the present stage is its alignment with the Overall list of main settlements, the development of zoning schemes at different hierarchical levels, based primarily on the assessment of the role of main settlements in providing social services of varying complexity to the population while solving the problem of forming standards for the provision of social services.

Keywords: zoning, economic regions, federal districts, macroregions, spatial development strategy, main settlements.

JEL: J11, R12, R53, R58

Дата поступления – 12.04.2025

Принята к печати – 06.05.2025

ДРУЖИНИН Александр Георгиевич

доктор географических наук, профессор, директор;

Северо-Кавказский научно-исследовательский институт экономических и социальных проблем Южного федерального университета / ул. Большая Садовая, д. 105/42, г. Ростов-на-Дону, 344006;

ведущий научный сотрудник;

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт географии Российской академии наук / Старомонетный пер., д. 29, стр. 4, г. Москва, 119017.

e-mail: alexdru9@mail.ru

КУЗНЕЦОВА Ольга Владимировна

доктор экономических наук, профессор, профессор РАН, заместитель директора по научной работе;

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 47, г. Москва, 117418.

e-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

DRUZHININ Alexander G.

Dr. Sc. (Geography), Professor, Director;

North Caucasus Institute for Economic and Social Research of Southern Federal University / 105/42, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006;

Leading Researcher;

Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences / 29, Building 4, Staromonetny Lane, Moscow, 119017.

e-mail: alexdru9@mail.ru

KUZNETSOVA Olga V.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Professor of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director for Scientific Work;

Federal State Budgetary Institution of Science Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences / Nakhimovsky Av., 47, Moscow, 117418.

e-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

Для цитирования:

Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. Районирование в пространственном развитии современной России: проблемные вопросы теории и практики // Федерализм. 2025. Т. 30. № 2 (118). С. 79–97. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2025-2-79-97>

С.Д. ВАЛЕНТЕЙ, А.Р. БАХТИЗИН, С.В. БОРИСОВА,
А.В. КОЛЬЧУГИНА, Л.Н. ЛЫКОВА

ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ ПОСЛЕ COVID-19 И В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ*

На протяжении ряда лет авторами статьи анализируются особенности социально-экономического развития субъектов Российской Федерации. В основе анализа лежит попытка выйти на взаимосвязи между качеством социальной среды субъектов Федерации, осуществляемой на их территории хозяйственной и инвестиционной деятельностью, а также источниками финансирования развития социальной составляющей экономического пространства регионов. В статье рассматривается временной отрезок 2019–2024 гг., охватывающий два наиболее сложных для отечественной экономики кризисных периода: кризис 2020 г., связанный с COVID-19, и кризис, вызванный введением санкций. Временной отрезок интересен не только тем, что выпадает из общей логики развития экономики (воздействие на нее COVID-19 и столь масштабных санкций, несомненно, уникальны для мировой экономической истории), но и беспрецедентностью наложения друг на друга различных по природе причин двух кризисов. Эта уникальность порождает далеко неоднозначные и трудно просчитываемые последствия. Причем особенно сложно их определить на региональном уровне по причине высоких значений дифференциации социально-экономического развития субъектов Российской Федерации

Ключевые слова: регион, региональная экономика, санкции, кризис, тренды развития, индексы.

JEL: H11, O20, R10, R11, R22

---

* Статья подготовлена в рамках совместной деятельности ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», ФГБУН «Институт экономики РАН» и ФГБУН «Центральный экономико-математический институт РАН» в соответствии с планом реализации мероприятий программы развития, в рамках ПСАЛ «Приоритет – 2030».

В последние годы в отечественной литературе активно обсуждается влияние кризиса, вызванного COVID-19, и кризиса, порожденного введением санкций, на социально-экономическую ситуацию в стране и регионах. Факт наличия такого влияния всем очевиден, но трактовки его последствий и глубины остаются предметом дискуссий. При этом общий взгляд на проблему не может считаться удовлетворительным, поскольку, как известно, при оценке ситуации на региональном уровне усредненные показатели не являются достаточными.

Пытаясь решить эту задачу, авторы статьи, как и в предшествующих публикациях [1–4] сгруппировали субъекты Российской Федерации (далее – субъекты РФ) в соответствии с разработанной ранее методикой (см. табл. 1), позволяющей, по нашему мнению, (естественно, до известной степени) более корректно отразить реальную картину особенностей пространственного развития отечественной экономики в рассматриваемый период.

Т а б л и ц а 1

Группировка субъектов РФ

Группы	Характеристика	Значение индекса
Группа I	Стабильно высокие значения индексов	0,5
Группа II	Средние значения индексов	0,4–0,5
Группа III	Низкие значения индексов	ниже 0,4
Группа I-м	Мигрирующие по годам между группами с высокими и средними значениями индексов	–
Группа II-м	Мигрирующие по годам между группами со средними и низкими значениями индексов	–
Группа III-м	Мигрирующие по годам между группами с высокими, средними и низкими значениями индексов	–

Источник: составлено по: [5–8].

При этом в исследовании этого года была осуществлена некоторая корректировка в порядке нормирования показателей, измеряемых в абсолютных значениях. Данные значения были пересчитаны в ценах 2019 г., что обеспечило корректную сопоставимость значений Индекса социального развития и Индекса хозяйственного развития. Это позволило, во-первых, выявить различия региональных реакций на кризисы и особенности выхода из них, а во-вторых, определить тренды возможного социально-экономического развития субъектов РФ.

Индекс социального развития

Результаты исследования показывают, что и в 2020 г., и в 2022 г. произошло резкое снижение числа регионов, имеющих высокое и среднее значение Индекса социального развития¹, и возросло количество субъектов РФ с его низким значением.

Однако данную общность дополняют две особенности.

Первая. Более выраженное падение Индекса социального развития при тотальном введении санкций в 2022 г.

Вторая. Различия выхода регионов из двух кризисов.

Так, если из кризиса, вызванного *COVID-19*, выход был замедленным, и в 2021 г. негативная динамика продолжилась (хотя и не столь выражено), то выход из кризиса, вызванного усилением санкционного давления, был быстрым и эффективным. Достаточно сказать, что в 2023 и 2024 гг. получены самые высокие результаты за рассматриваемый период: только 12 субъектов РФ в 2023 г. и 10 регионов в 2024 г. имели низкие значения Индекса социального развития, в то время как в 2020–2021 гг. таковых было около 50 (см. табл. 2).

*Т а б л и ц а 2**Распределение групп с высоким, средним и низким значением
Индекса социального развития*

Группы регионов	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Регионы с высоким значением индекса	14	10	7	5	15	15
Регионы со средним значением индекса	51	28	25	22	58	60
Регионы с низким значением индекса	20	47	53	58	12	10

Источник: рассчитано по: [5; 6].

Анализ первичных статистических данных позволяет говорить о значительном вкладе в восстановление значения Индекса социального развития в первую очередь *роста зарплат и социальных пособий*.

Обратимся к **группе I**, которую формируют 5 регионов (6% субъектов РФ), демонстрировавших стабильно высокие показатели индекса социального развития. Это основные нефтегазовые регионы и Московский регион (Москва и Московская область). Причем кризис

¹ В предшествующих публикациях нами использовались словосочетания «социальный блок», «Индекс социального развития». Как представляется, введение словосочетания «Индекс социального развития» упрощает понимание позиции авторов, в соответствии с которой он рассчитывается как среднее арифметическое нормированных значений 15 показателей, характеризующих трудовые ресурсы, доходы населения и потребление, качество жизни и социальные услуги. При вычислении всех индексов используется минимаксная нормализация показателей с выбором единых наибольших и наименьших значений (с исключением аномальных) для всего периода 2019–2024 гг.

2020 г. более негативно отразился на столичном регионе, а нефтедобывающие субъекты РФ показали не столь выраженное снижение его значения или даже его некоторое повышение (Ямало-Ненецкий АО). Однако в дальнейшем в них продолжилось некоторое снижение индекса, в то время как Московский регион показал рост значения Индекса социального развития.

В 2022 г., связанном с ужесточением санкций, разрывом экономических связей с западными партнерами, уходом многих иностранных компаний с российского рынка, динамика в регионах группы была разнонаправленной. Снижение индекса имело место в Сахалинской и Московской областях. В Москве, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском АО наблюдалось его некоторое повышение.

В 2023 г. всем регионам группы удалось преодолеть кризисные явления и практически достичь, а большинству и превысить значения индекса докризисного 2019 г. (см. рис. 1).

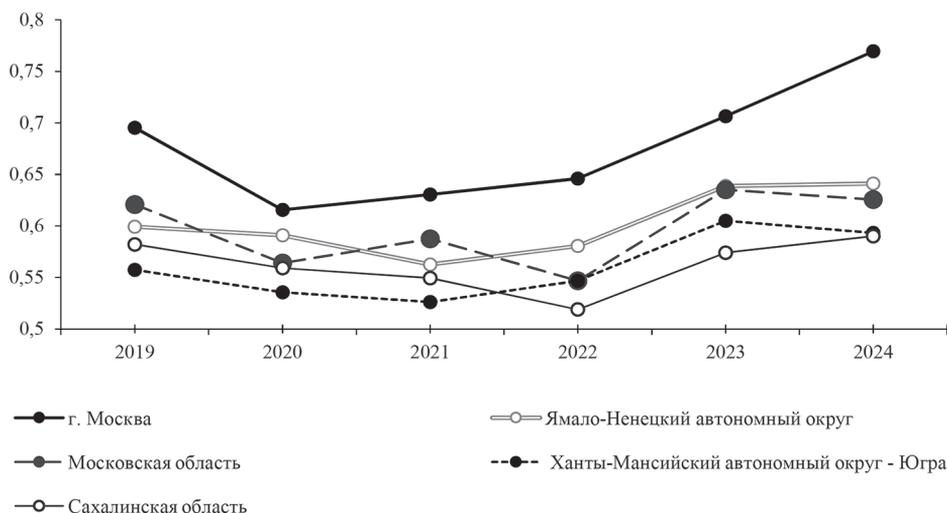

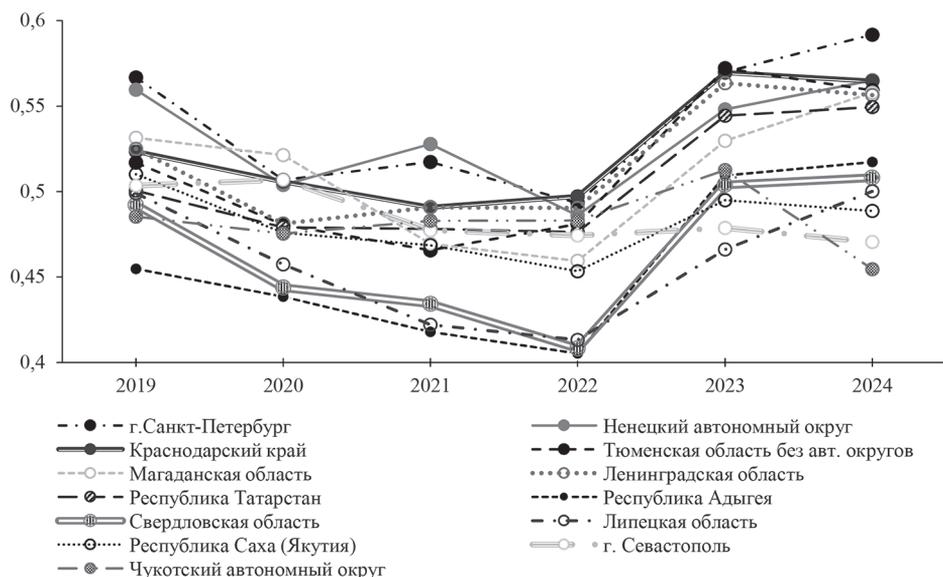
Рис. 1. Динамика Индекса социального развития регионов группы I

Источник: рассчитано по: [5; 6].

В 2024 г. тенденции динамики индекса были неоднородными. Продолжился некоторый рост его значения в Сахалинской области и Ямало-Ненецком АО. Выражено он вырос только в Москве.

Группу I-м формируют 13 регионов (15% субъектов РФ), мигрирующих между группами с высокими и средними значениями Индекса социального развития.

В группу вошли крупные промышленные, сельскохозяйственные и ряд сырьевых субъектов РФ – Санкт-Петербургская агломерация, Тюменская, Свердловская, Липецкая области, республики Татарстан и Адыгея, Краснодарский край, Республика Саха (Якутия), Магаданская область, Чукотский АО, Севастополь (см. рис. 2).

Рис. 2. Динамика Индекса социального развития регионов группы I-м

Источник: рассчитано по: [5; 6].

В 2020 г. практически во всех регионах группы отмечалось снижение индекса. В большинстве регионов группы незначительное снижение продолжилось и в 2021 г.

2022 г. демонстрирует более пеструю картину. Если сравнивать ситуацию с трендами в базовом 2019 г., то все регионы группы I-м, в отличие от субъектов РФ группы I, в большей или меньшей степени показали резкое снижение значения Индекса социального развития. Но если проводить сравнение с 2021 г., то в группе обнаруживаются регионы, у которых индекс повысился, и субъекты РФ с резким его снижением до среднего уровня (Санкт-Петербург и Ненецкий АО). Необходимо отметить, что эти два субъекта РФ только в 2022 г. выпали из группы с высокими значениями Индекса социального развития и уже в следующем году восстановили его уровень.

Повышение Индекса социального развития в 2023 г. имело место в большинстве регионов группы кроме Липецкой области, Республики Саха (Якутия) и Севастополя. В 2024 г. высокие результаты показала и Липецкая область.

В группу II со стабильными средними значениями Индекса социального развития вошло 6 регионов (около 7% субъектов РФ). В кризис 2020 г. они показали снижение значения индекса. Причем оно либо продолжилось в 2021 г., либо демонстрировало минимальное повышение.

В 2022 г. по сравнению с кризисом 2020 г. отмечалось более выраженное снижение значения Индекса социального развития во всех субъектах РФ группы, кроме Чеченской Республики, где отмечается некоторое повышение.

В 2023 г. почти во всех регионах, кроме Белгородской и Воронежской областей, резко выросли значения индекса, практически везде превысившие значения докризисного 2019 г.

В 2024 г. прирост значений индекса приостановился, а в Чеченской Республике, Новосибирской и Воронежской областях отмечалось некоторое его снижение (см. рис. 3).

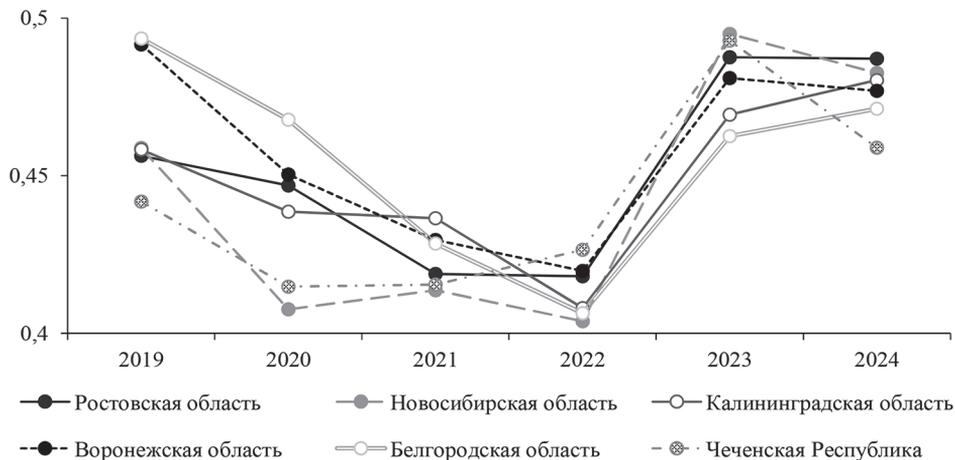

Рис. 3. Динамика Индекса социального развития регионов группы II

Источник: рассчитано по: [5; 6].

Группа II-м включает 55 регионов (более 64% субъектов РФ)², мигрирующих между группой II со средним значением Индекса социального развития и группой III с низким значением индекса (менее 0,4).

Это самая многочисленная группа рейтинга. В 2020 г. большая часть регионов снизила значения индекса, и только 14 удалось сохранить индекс на среднем уровне значений. В 2021 г. некоторое снижение продолжилось и только 8 субъектам РФ удалось сохранить значения на среднем уровне.

В 2022 г. ситуация в группе продолжала ухудшаться, и среднее значение индекса продемонстрировали только республики Башкортостан, Дагестан и Кабардино-Балкарская Республика. Но в дальнейшем практически во всех регионах отмечался значительный рост Индекса социального развития (отчасти здесь может сказываться эффект низкой базы предшествующего года). Низкий уровень показали в 2023 г. только 6 субъектов РФ (республики Коми и Карелия, Забайкальский край, Еврейская автономная область, Костромская и Вологодская области), а в 2024 г. — только 4 (Республика Марий Эл, Орловская, Кемеровская и Вологодская области).

В целом данная группа в неоднородна. 10 субъектов РФ только 1 раз имели низкий индекса социального развития, 5 — только 2 раза.

² По этой причине в статье было технически невозможно разместить рисунок с позиционированием их трендов развития (см. приложение 1).

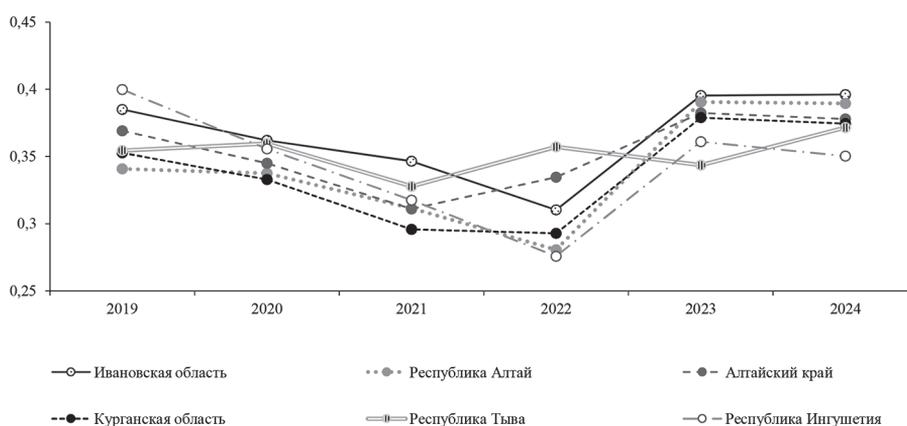
В остальные годы демонстрировались средние значения. Снижение значения индекса приходилось на 2021 и 2022 гг.

К субъектам РФ с повышательной тенденцией относятся Хабаровский, Камчатский, Приморский, Красноярский, Пермский и Ставропольский края, республики Башкортостан и Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Мурманская, Нижегородская, Курская, Калужская, Тамбовская области, Архангельская область без автономного округа.

Вместе с тем 17 субъектов РФ большую часть рассматриваемого периода (4 или 5 лет из 6) имеют только низкие значения индекса. К ним относятся Забайкальский край, республики Коми, Бурятия, Калмыкия, Хакасия, Марий Эл, Карелия, Северная Осетия-Алания и Карачаево-Черкесская Республика, Новгородская, Омская, Иркутская, Костромская, Кемеровская, Вологодская и Орловская области, Еврейская автономная область.

В **группу III** вошли 6 (7% субъектов РФ) стабильно неблагополучных регионов (низкое, ниже 0,4, значение Индекса социального развития в течение всего рассматриваемого периода). Это – Ивановская и Курганская области, республики Алтай, Ингушетия, Тыва, Алтайский край. В 2020 г. все они продемонстрировали существенное снижение индекса. В 2021 г. этот тренд сохранился.

Дальнейшее снижение отмечалось и в 2022 г. у всех субъектов РФ группы, кроме Республики Тыва. Она отсрочено снизила индекс в 2023 г., в то время как остальные регионы, наоборот, повысили, порой демонстрируя самые высокие для себя значения за рассматриваемый период. В 2024 г. не просматривается выраженной динамики Индекса социального развития в регионах группы за исключением Республики Тыва, где вновь отмечалось выраженное повышение, и Республики Ингушетии, где было невыраженное снижение (см. рис. 4).

Рис. 4. Динамика Индекса социального развития регионов группы III

Источник: рассчитано по: [5; 6].

Подводя итог анализу трендов изменения показателей Индекса социального развития на региональном уровне, выделим три особенности его динамики.

Большинство субъектов РФ отреагировали снижением значения Индекса социального развития на кризис 2022 г. *более выражено, чем на кризис 2020 г.*

В 2023 г. большинство регионов повысило значение, порой достигнув или даже превысив уровень 2019 г. Этот выраженный рост вызван такими макроэкономическими факторами: снижение после 2020 г. практически во всех регионах уровня безработицы; рост численности занятых и среднедушевых доходов населения; рост средней начисленной заработной платы; в целом позитивная динамика розничного товарооборота (хотя и не везде она была реальной). Учет этих изменений, наряду с включением в расчеты других показателей, не имеющих столь выраженной изменчивости³ в границах рассматриваемого временного интервала, позволил выйти *на региональные отличия* изменений при построении Индекса социального развития.

В 2024 г. отмеченная положительная динамика замедлилась. В большинстве регионов значения Индекса социального развития *остались на уровне 2023 г.* Падение индекса в 2022 г. отчасти может быть связано с ориентацией первичных мер государственной поддержки бизнеса. Меры поддержки населения по времени отставали от мер поддержки хозяйственной активности и стали более выраженными к концу 2022 г. Соответственно, их результат стал проявляться лишь в следующем году. Именно к началу 2023 г. оформилась проблема дефицита рабочей силы, с которой столкнулся реальный сектор экономики в процессе наращивания производства и выполнения требований государственных закупок и контрактов. Эта проблема, подстегнутая инфляцией (и поддерживающая инфляционный рост цен), *вылилась и в рост средней заработной платы, и в рост реальных доходов населения*, что отразилось на повышении Индекса социального развития за 2023 г.

Индекс хозяйственного развития

Ситуация с Индексом хозяйственного развития⁴ в субъектах РФ существенно отличается от ситуации с Индексом социального развития.

В 2022 г. максимальное число регионов повысило экономическую активность до высокого значения индекса и показало результаты, *практически равные докризисному 2019 г.* Аналогичная ситуация с количеством субъектов РФ со средним значением индекса. Фиксируется так-

³ Уровень младенческой смертности, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, естественный прирост населения и некоторые др.

⁴ В предшествующих публикациях нами использовались словосочетания «хозяйственный блок», «Индекс хозяйственного блока». Полагаем, что введение словосочетания «Индекс хозяйственного развития» упрощает понимание позиции авторов, этот индекс рассчитывается как среднее арифметическое нормированных значений 10 показателей, характеризующих инвестиции и степень хозяйственной активности в регионах.

же минимальное количество субъектов РФ с его низким значением по сравнению с предшествующими периодами.

Большую роль в столь устойчивом положении региональных экономик сыграли внедрение системы платежей, независимой от западной системы, а также сформированные ранее предпосылки для разворота экономических связей с Западом на Восток, в частности, введение в действие газопровода «Сила Сибири» (см. табл. 3). Существенную роль в повышении в целом устойчивости региональных экономик к санкционному давлению и провоцируемому им кризису сыграли меры поддержки бизнеса, наращивания государственных закупок, а также поддержка и инициирование роста инвестиций. Определенную позитивную роль сыграло замещение рыночных ниш, освобождавшихся из-за ухода западных компаний российскими производителями. Этот процесс наряду с импортозамещением привел к выраженной активизации бизнеса и росту его доходов.

Однако поскольку действие этих факторов в значительной мере определялось *отраслевой специализацией региональных экономик*, динамика темпов роста инвестиций (в некоторых регионах только бюджетных, где-то преимущественно частных), динамика финансового результата и кредиторской задолженности, темпы роста грузооборота и цен производителей имели *существенные региональные различия*. Как результат, различались по субъектам РФ и итоговые значения Индекса хозяйственного развития.

Т а б л и ц а 3

**Распределение групп с высоким, средним и низким значением
Индекса хозяйственного развития**

Группы регионов	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Регионы с высоким значением индекса	12	7	12	17	12	15
Регионы со средним значением индекса	51	26	45	49	43	60
Регионы с низким значением индекса	22	52	28	19	30	10

Источник: рассчитано по: [5; 6].

Анализ первичных статистических данных позволяет говорить том, что в 2022 г. *возросла помощь со стороны государства*, направленная на развитие промышленного производства. Это позволило интенсифицировать процесс инвестирования в основные фонды, увеличить долю привлеченных средств с 43,5% в 2021 г. до 45,8% в 2022 г. При этом доля бюджетных средств увеличилась с 17,8 до 20,2%. Из них в большей степени возросла доля федерального бюджета (с 7,7 до 9,6%). Но также увеличилась и доля региональных бюджетов (с 8,9 до 9,3%) [9].

В 2023 г., однако, *положение ряда региональных экономик ослабло*. Это проявилось в некотором уменьшении числа субъектов РФ с вы-

сокими и средними значениями Индекса хозяйственного развития и в существенном росте числа регионов с низкими значениями. Одна из причин этого — ужесточение санкционного давления в отношении импорта высокотехнологичной продукции и экспорта отечественных сырьевых продуктов. Еще одним фактором, повлиявшим на снижение хозяйственной активности, стали меры, нацеленные на снижение темпов инфляции: повышение Банком России ключевой ставки с 8,5% 14 августа 2023 г. до 12 и 15% до конца года.

В 2024 г. ситуация в региональных экономиках в целом улучшилась. Возросло число регионов с высоким значением Индекса хозяйственного развития и максимальным стало число регионов со средним значением индекса за рассматриваемый период. В условиях роста санкционного давления и роста ключевой ставки Банка России минимальным оказалось число регионов с низким индексом. Однако рост значений индекса во многих регионах, как будет показано ниже, замедлился⁵.

Обратимся к анализу ситуации в группах субъектов РФ.

Группу I сформировали 4 добывающих региона (Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский АО, Сахалинская область). Как показано на рисунке 5, если в 2020 и 2021 гг. эти субъекты РФ демонстрировали несколько разнонаправленные результаты, то в 2022 г. у всех отмечено повышение значения Индекса хозяйственного развития. В 2023 г. у всех, кроме Сахалинской области, отмечается его снижение. Но в 2024 г. все регионы (за исключением Чукотского АО), показали повышение значения индекса, превышая докризисный уровень 2019 г.

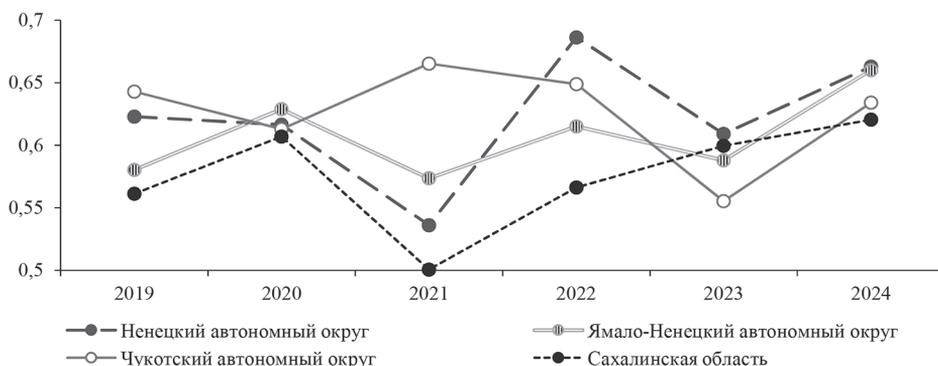

Рис. 5. Динамика Индекса хозяйственного развития регионов группы I

Источник: рассчитано по: [5; 6].

⁵ По данным Росстата и Минэкономразвития России индекс промышленного роста в 2022 г. составил 0,7%; в 2023 г. — 4,3%, при этом I кв. — -0,5%, II кв. — 6,2%, III кв. — 6,4%, IV кв. — 5,1%; в 2024 г. — 4,6%, при этом I кв. — 5,4%, II кв. — 4,2%, III кв. — 2,9%, IV кв. — 5,7%. Прогноз Минэкономразвития на 2025 г. с учетом данных за I квартал 2025 г. — 2,6%. Инфляция на фоне повышения ключевой ставки понизилась с 11,94% в 2022 г. до 7,9% в 2023 г., но в 2024 г., когда ключевую ставку повысили уже до 21%, инфляция продемонстрировала рост и составила 9,52%. На 2025 г. на основании дополнительных данных за январь — апрель 2025 г. Минэкономразвития годовую инфляцию оценивает в 7,8% [10; 11].

Примечательно, что позитивный тренд демонстрируют регионы, против которых были направлены одни из самых массированных санкций, – сырьедобывающие.

В группе I-м 13 регионов, мигрирующих между группами с высокими и средними с высокими значениями Индекса хозяйственного развития. При этом 9 субъектов РФ в 2024 г. показали высокие значения индекса. В 2024 г. большая часть регионов (9 из 13) показала его высокие значения (см. рис. б).

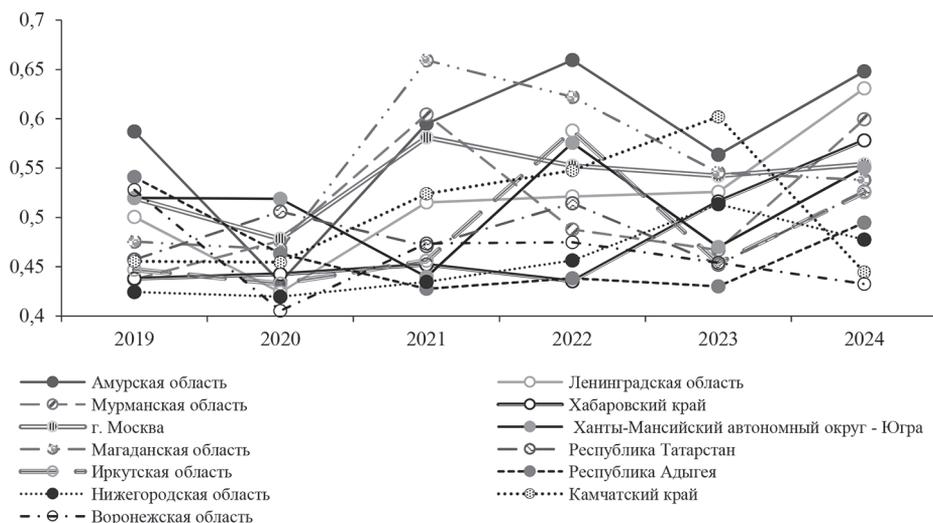

Рис. 6. Динамика Индекса хозяйственного развития регионов группы I-м

Источник: рассчитано по: [5; 6].

При этом группа неоднородна. 5 субъектов РФ только 1 или 2 года из 6 имели средние, а не высокие результаты (Ханты-Мансийский АО, Москва, Магаданская, Амурская, Ленинградская области), причем в большей степени – в кризис 2020 г. Только единожды или дважды высокие значения показали 6 субъектов РФ (Хабаровский край, Республика Адыгея, Мурманская, Иркутская, Нижегородская и Воронежская области). Республика Татарстан и Камчатский край входили в обе группы по 3 года из 6.

Реакция формирующих группу I-м субъектов РФ на кризис 2020 г. была достаточно выраженной. Только Республика Татарстан и Ханты-Мансийский АО сохранили высокие значения Индекса хозяйственного развития. Но в следующем году почти половина регионов восстановили высокие значения индекса.

Реакция на кризис 2022 г. была менее выражена. 6 из 9 субъектов РФ группы, несмотря на беспрецедентные санкции, показали высокие значения индекса, а Москва, Амурская, Магаданская области и Камчатский край с 2021 по 2023 г. – стабильно высокие результаты.

В 2022 г. большая часть (8) субъектов РФ сохранили высокие значения Индекса хозяйственного развития, превысив его значения по срав-

нению с докризисным 2019 г. На фоне усиливающихся санкций в 2023 г. не смогли сохранить высокие значения индекса Ханты-Мансийский АО, Республика Татарстан и Иркутская область. Но в 2024 г. они восстановили свои значения.

Республика Адыгея, Камчатский край, Нижегородская и Воронежская области в 2024 г. показали только средние значения индекса. Это закономерно – они демонстрировали неустойчивость Индекса хозяйственного развития в течение всего рассматриваемого периода.

Обращает на себя внимание то, что большинство регионов, для которых характерны стабильно высокие или слабо неустойчивые высокие значения данного индекса, относятся к аналогичным группам по Индексу социального развития. Исключение – Амурская область. Она по Индексу хозяйственного развития лишь в 2020 г. показала средние результаты, а в остальные годы – высокие; по Индексу социального развития – только средние результаты, а в кризисные 2020 и 2022 гг. – низкие. Отчасти это может объясняться тем, что активное хозяйственное развитие региона началось относительно недавно и в значительной мере было связано со строительством космодрома и географической переориентацией хозяйственных связей. При этом динамика социальной составляющей пока не успевает за развитием хозяйственной сферы.

Также обращает на себя внимание Иркутская область, в основном показывавшая средние результаты по Индексу хозяйственного развития, но в основном низкие – по Индексу социального развития.

В группе II со стабильно средними значениями всего 3 промышленно развитых региона – Республика Башкортостан, Красноярский край, Свердловская область. На кризис 2020 г. их экономики практически одинаково отреагировали снижением Индекса хозяйственного развития.

На кризис 2022 г. регионы группы, напротив, отреагировали повышением индекса. В 2023 г. в Свердловской области его рост продолжился, а в остальных – отмечалось его снижение. В 2024 г. все регионы показали рост, докризисные значения были превышены (см. рис. 7).

Рис. 7. Динамика Индекса хозяйственного развития регионов группы II

Источник: рассчитано по: [5; 6].

Группа II-м – субъекты РФ, мигрирующие между группой II со средним значением и группой III с низким значением Индекса хозяйственного развития (менее 0,4). Как и в Индексе социального развития, это самая многочисленная группа регионов (56 субъектов РФ)⁶, которую характеризует неоднородность.

27 субъектов РФ имели низкие значения индекса только 1–2 раза в течение рассматриваемого периода, а в остальные годы показывали средние значения. 16 регионов 3 года из 6 лет демонстрировали низкие значения и 3 года за рассматриваемый период – средние значения Индекса хозяйственного развития. 13 субъектов РФ большую часть лет периода имели низкие значения.

Как и в предыдущей группе, наблюдается существенная однотипность реакции на кризис 2020 г. Только 9 регионов (Санкт-Петербург, республики Хакасия и Коми, Забайкальский край, Ростовская, Ульяновская, Омская, Архангельская и Новосибирская области) показали средние результаты по Индексу хозяйственного развития. Остальные – переместились в группу с низкими значениями. В 2021 г. большая часть субъектов РФ (31) смогли восстановить свои средние значения, 22 региона – нет, 3 – отсрочено показали низкие значения индекса.

В условиях роста санкционного давления и несмотря на активизацию мер поддержки бизнеса большинство регионов группы показали средние значения Индекса хозяйственного развития. Можно предположить, что санкции, с одной стороны, и меры поддержки, с другой – *не сказались существенно на уровне рассматриваемого показателя*. Возможно потому, что эти меры при усилении санкций оказали лишь стабилизирующее воздействие.

Только 18 субъектов РФ из 56 показали низкие значения в 2022 г. При этом у половины из них отмечены низкие результаты и в 2020 г., что может указывать на их системную низкую стрессоустойчивость. А с учетом того, что иногда снижение значения индекса имеет отсроченный характер, к таковым можно отнести 20 регионов из группы. Это Брянская, Оренбургская, Рязанская, Тверская, Псковская, Курская, Самарская, Челябинская, Смоленская, Томская, Кировская, Костромская, Курганская, Калининградская, Астраханская, Кемеровская области, республики Ингушетия, Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарская республика, Алтайский край, Еврейская автономная область.

В 2023 г. на фоне расширения санкционного давления низкие значения Индекса хозяйственного развития показали только 26 регионов. Причем половина из них в 2022 г. показывали средние значения. И снижение индекса носило отсроченный характер. Несколько большая часть (30 субъектов РФ) показали средние значения.

Однако в 2024 г., несмотря на продолжающиеся санкции и еще более возросшую ключевую ставку, картина значительно изменилась.

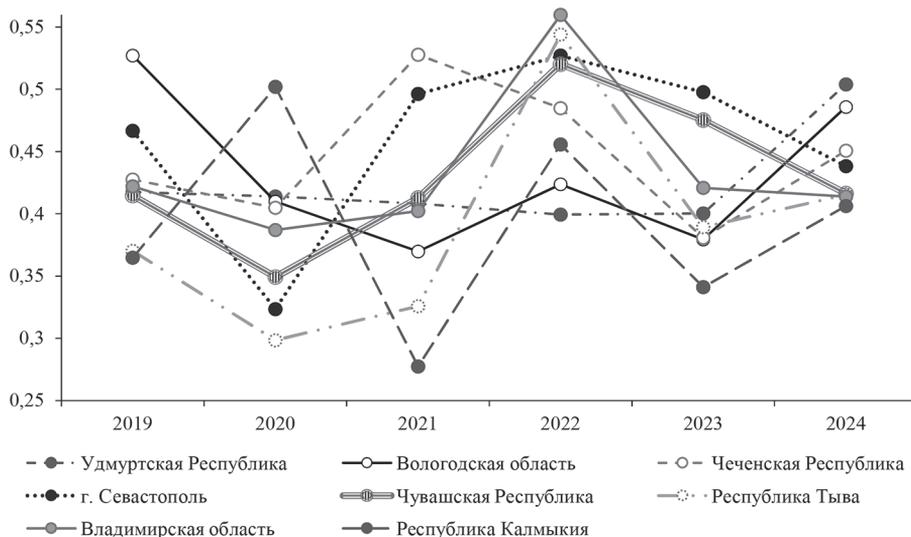
---

⁶ По этой причине в статье было технически невозможно разместить рисунок с позиционированием их трендов развития (см. приложение 2).

Вероятно, большая часть регионов группы *смогла адаптироваться к новым условиям*. Только 10 субъектов РФ из 56 не смогли достичь среднего значения Индекса хозяйственного развития (в докризисном 2019 г. их было 20). В число этих наименее стрессоустойчивых регионов входят республики Дагестан, Северная Осетия-Алания, Хакасия, Карелия, Забайкальский край, Архангельская, Орловская, Калининградская, Астраханская и Кемеровская области.

Группа III не выделяется, поскольку субъектов РФ со стабильно низкими значениями Индекса хозяйственного развития в рамках рассматриваемого временного интервала *не наблюдалось*. Входящие в **группу III-м** 8 субъектов РФ демонстрировали выражено неустойчивые результаты по Индексу хозяйственного развития, периодически чередуя низкие, средние и высокие его значения.

Как отмечено на *рисунке 8*, регионы группы в течение рассматриваемого периода показывали разные результаты. В 2019 г. для большинства субъектов РФ были характерны средние результаты, для двух – Республики Калмыкии и Владимирской области – низкие, а для Вологодской области высокие. В 2020 г. половина регионов снизила свой статус в рейтинге. Однако в 2021 г. – 6 субъектов РФ его вновь повысили. В 2022 г. только 2 региона снизили значения, а остальные – повысили. Причем 4 региона впервые показали высокие значения. В 2023 г. практически все субъекты РФ группы снизили результаты, а половина – показала только низкие значения. В 2024 г. ситуация выправилась. Все регионы группы показали средние результаты, а Удмуртская Республика – высокие (сказалась отраслевая специализацию региона).

Рис. 8. Динамика Индекса хозяйственного развития регионов группы III-м

Источник: рассчитано по: [5; 6].

Особое место в группе заняла Республика Саха (Якутия), все годы показывавшая высокие результаты, а в ковидный кризис 2020 г. — только низкие.

В целом можно сказать, что своевременные действия Правительства Российской Федерации и региональных правительств позволили эффективно преодолеть негативные последствия, спровоцированные введением тотальных санкций⁷. Вместе с тем в 2024 г. отмечаются негативные тенденции, пока невыраженные, проявляющиеся в снижении значений хозяйственной активности. Наименее стрессоустойчивыми в этих условиях оказались регионы с неустойчивыми и низкими значениями Индекса хозяйственного развития.

Показатель бюджетной самообеспеченности

Предшествующий анализ показал *отсутствие четкой связи между Индексом хозяйственного развития и Индексом социального развития*. Высокие значения первого далеко не всегда сопровождаются высокими значениями второго. Как мы полагаем, дать объяснение этому феномену отчасти поможет исследование изменений Показателя бюджетной самообеспеченности⁸, отражающего долю расходов, финансируемых собственными доходами консолидированных бюджетов субъектов РФ.

Как показано в *таблице 4*, в докризисном 2019 г. высокое значение Показателя бюджетной самообеспеченности наблюдалось у трети регионов, среднее — у половины, низкое — у 20%.

Т а б л и ц а 4

Распределение групп с высоким, средним и низким значением Показателя бюджетной самообеспеченности

Группы регионов	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Регионы с высоким значением индекса	27	8	31	19	29	34
Регионы со средним значением индекса	42	56	39	50	42	41
Регионы с низким значением индекса	16	21	15	16	14	10

Источник: рассчитано по: [7; 8].

В кризис 2020 г. резко снизилось число субъектов РФ с высоким значением уровня показателя (более чем в 3 раза). На треть увеличилось число регионов с его средним значением и на 5 регионов стало больше субъектов РФ с его низким значением. В 2021 г. практически восстановилось распределение докризисного уровня. В 2022 г. число регионов

⁷ Меры по повышению устойчивости экономики в условиях санкций // Правительство России: официальный сайт. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/901/events/>

⁸ Значение Показателя бюджетной самообеспеченности: высокое — более 0,8; среднее — от 0,5 до 0,8; низкое — менее 0,5.

с высоким уровнем бюджетной самообеспеченности вновь снизилось, но не так резко, как в кризис 2020 г. Возросло число субъектов РФ со средним показателем и практически не изменилось количество с низким.

В последующем ситуация улучшалась, достигнув в 2023 г. докризисного 2019 г. и превысив его в 2024 г. Только 10 субъектов РФ имеют низкие значения Показателя бюджетной самообеспеченности, в то время как 40% – высокие.

Динамика Показателя бюджетной самообеспеченности отражает, с одной стороны, степень хозяйственной активности как крупного бизнеса (высокие поступления налога на прибыль и НДС), так и малого и среднего предпринимательства (налоги на совокупный доход), с другой стороны, масштабы поступлений из федерального бюджета (дотации, субсидии, субвенции и иные межбюджетные трансферты).

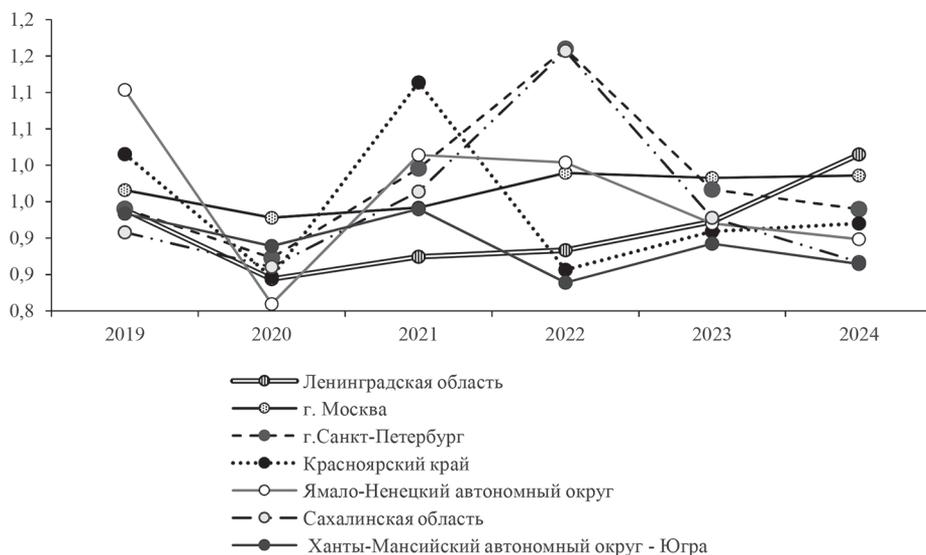
Кризис 2020 г. с его ограничениями на любые виды активности и зачастую приостановкой хозяйственной деятельности привел к существенному сокращению собственных доходов и росту объема федеральных трансфертов практически во всех субъектах РФ. Соответственно сократилось и число регионов с высокими значениями доли расходов, финансируемых за счет собственных доходов (см. табл. 4).

Ситуация 2022 г. имела другие характеристики. Падение собственных доходов было не столь значительным, а их компенсация за счет федеральных трансфертов носила эпизодический характер. Рост хозяйственной активности, поддержка доходов населения и активизация товарооборота (также поддержавшая бизнес) не могли не сказаться на итоговых значениях Показателя бюджетной самообеспеченности. Как и в случае с Индексом хозяйственного развития (и в меньшей степени Индексом социального развития), *ключевым фактором является отраслевая специализация экономики региона* (добывающая промышленность, металлургия, машиностроение). Именно отраслевая специализация под влиянием санкционного давления, ситуации на мировых сырьевых рынках, а также активизация хозяйственной деятельности на внутреннем рынке и бюджетной поддержки некоторых видов деятельности выразилась в динамике Показателя бюджетной самообеспеченности субъектов РФ.

Рассмотрим развитие ситуации по группам.

В **группу I** вошли 7 субъектов РФ с высоким значением показателя бюджетной самообеспеченности (Москва, Санкт-Петербург, Ленинградская область и Красноярский край, нефтедобывающие регионы). В период пандемии (см. рис. 9) у этих регионов несколько снизилось значение Показателя бюджетной самообеспеченности. В 2022 г. снижение демонстрировали только Красноярский край и Ханты-Мансийский АО. В то время как Санкт-Петербург, Сахалинская область, Ямало-Ненецкий АО имели показатель более единицы, что указывает на возможное наличие профицита бюджетов. В 2023 г. эти регионы отсрочено понизили его значения, остальные – его повысили, особенно выражено

Красноярский край и Ленинградская область. В 2024 г. у этих регионов продолжился рост значения показателя, а у нефтедобывающих он не выражено понижался.

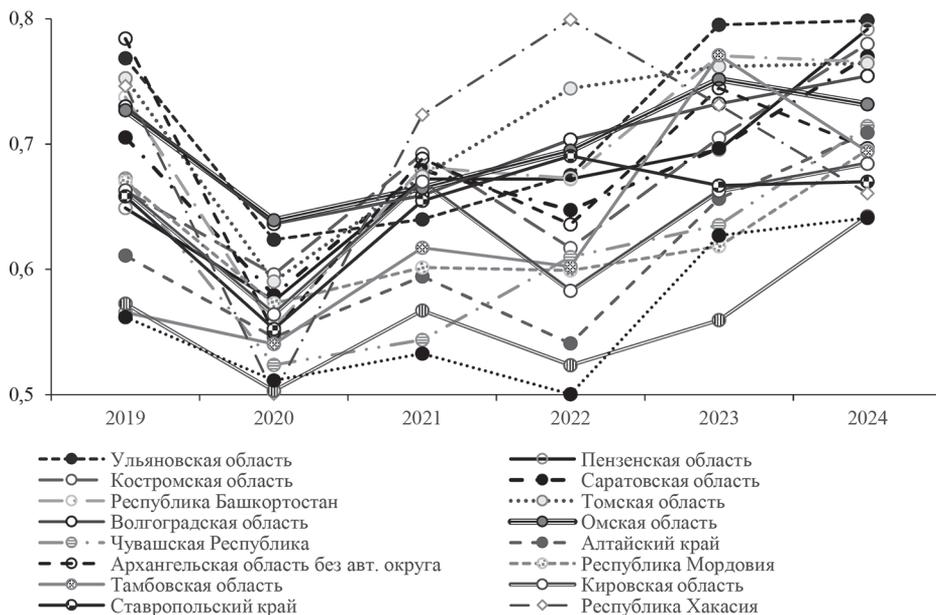
Рис. 9. Динамика Показателя бюджетной самообеспеченности регионов группы I

Источник: рассчитано по: [7; 8].

Группа I-м – наиболее многочисленная группа субъектов РФ (38)⁹. Регионы мигрируют между группами с высокими и средними значениями Показателя бюджетной самообеспеченности. При этом 12 регионов лишь 1–2 года за период показали средние, а не высокие значения, в основном в кризисные годы. 16 регионов чаще показывали средние результаты и лишь один раз – высокие. Почти все регионы демонстрировали снижение значения Показателя бюджетной самообеспеченности в 2020 г. (лишь Мурманская область показала высокое значение). В 2021 г. подавляющее большинство (24 региона) его восстановило. В 2022 г. отрицательная динамика оказалась не столь выражена, однако 26 из 38 регионов показали снижение значения. В 2023 г. 16 субъектов РФ имели среднее, а не высокое значение Показателя бюджетной самообеспеченности. В 2024 г. – только 12 из группы.

Группу II со стабильно средними значениями показателя сформировали 18 субъектов РФ. Их ответ на кризисы значительно отличается от группы с неустойчивыми высокими значениями Показателя бюджетной самообеспеченности (см. рис. 10). Так, в 2020 г. все регионы группы показали снижение значения показателя, а в 2021 г. (кроме Амурской области) – его подъем.

⁹ По этой причине в статье было технически невозможно разместить рисунок с позиционированием их трендов развития (см. приложение 3).

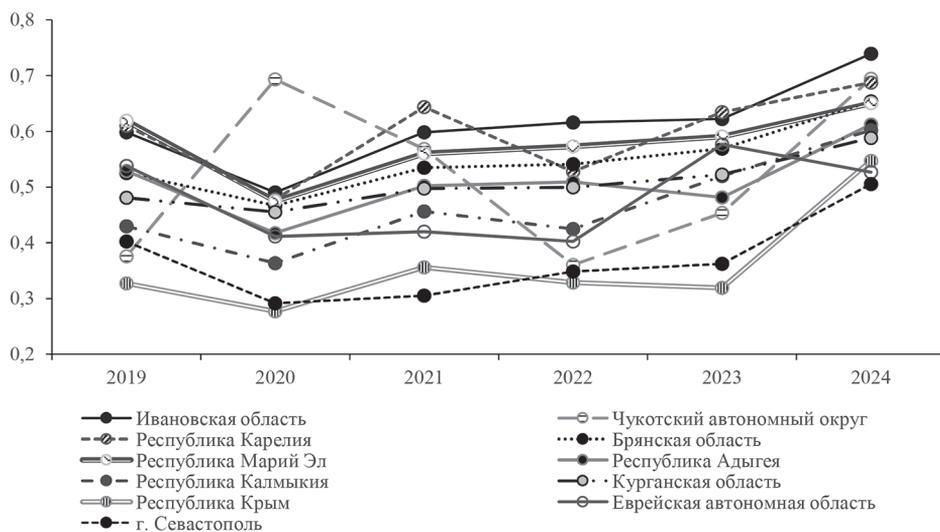
Рис. 10. Динамика Показателя бюджетной самообеспеченности группы II по годам

Источник: рассчитано по: [7; 8].

В 2022 г. 7 регионов из группы продемонстрировали падение показателя. Среди них – Архангельская область без автономного округа, Магаданская, Костромская, Кировская, Псковская области, Алтайский и Забайкальский края. Остальные регионы или практически не изменили значения, или его превысили. В 2023 г. все регионы, кроме Республики Хакасии и Ставропольского края, показали положительную динамику. В 2024 г. только в 9 субъектах РФ продолжилось повышение значения показателя. К ним относятся Пензенская, Костромская, Саратовская, Псковская области, Чувашская Республика, Республике Мордовия, Алтайский край. Остальные или остались на прежнем уровне или даже понизили значения показателя. Отрицательная динамика отмечается в Архангельской и Тамбовской областях, Республике Хакасии.

Группа II-м – 11 регионов, мигрирующих между группой II со средним значением Показателя бюджетной самообеспеченности и группой III с его низким значением – менее 0,5 (см. рис. 11).

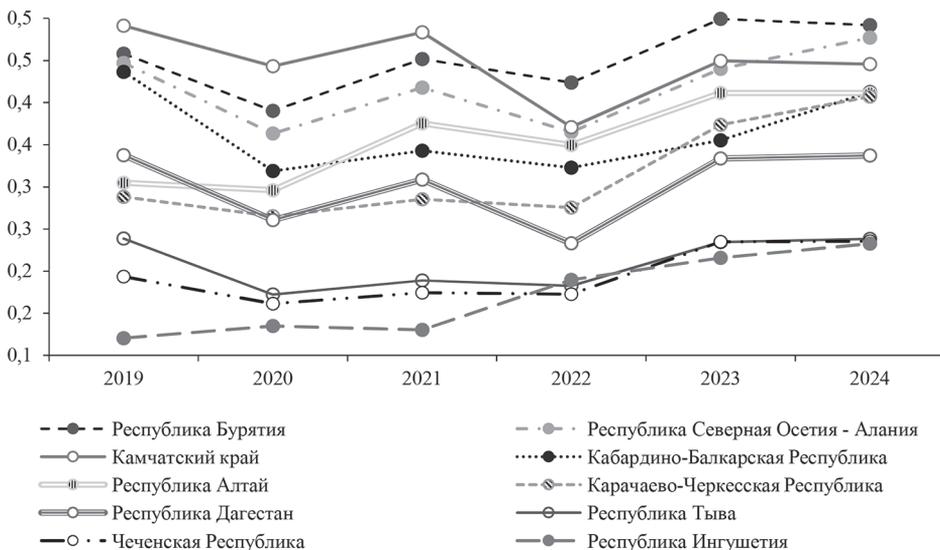
В год пандемии все регионы группы, кроме Чукотского АО, понизили значения. При этом Ивановская, Брянская области, Республики Карелия и Марий Эл только в этот год показали низкие значения, а в дальнейшем, как и ранее, – средние значения. В 2022 г. ситуация была более благоприятная – только 6 регионов показали низкие значения Показателя бюджетной самообеспеченности (Еврейская автономная область, Курганская область, Республики Калмыкия и Крым, Чукотский АО, Севастополь). В 2023 г. основная часть регионов восстановила значения показателя на среднем уровне. В 2024 г. все регионы показали средние значения.

Рис. 11. Динамика Показателя бюджетной самообеспеченности группы II-м по годам

Источник: рассчитано по: [7; 8].

Группа III – группа неблагополучных регионов с устойчивым трендом (регионы с низким значением Показателя бюджетной самообеспеченности – ниже 0,5). Стабильно низкие значения показателя (выражено дотационные субъекты РФ) имеют 10 регионов. Ответ на кризис 2020 г. практически у всех схожий – понижение показателя и его восстановление в 2021 г. (см. рис. 12).

Рис. 12. Динамика Показателя бюджетной самообеспеченности регионов группы III по годам

Источник: рассчитано по: [7; 8].

В 2022 г. отмечается понижение Показателя бюджетной самообеспеченности всех субъектов РФ (кроме Республики Ингушетия). Наибольшее снижение имело место в республиках Северная Осетия – Алания, Дагестан, Карачаево-Черкессия, Алтай, а также в Камчатском крае. В 2023 г. отмечается повышение показателя у всех регионов. При этом республики Бурятия, Алтай, Карачаево-Черкессия, Ингушетия и Чеченская Республика превысили докризисный уровень. В 2024 г., в отличие от других групп, но, как и у группы со стабильно высокими значениями, рост показателя у данных субъектов РФ приостановился.

Таким образом, борьба с последствиями санкционной политики вызвала более устойчивый и положительный тренд как в обеспечении социального благополучия (в частности, роста доходов населения), так и в уровне бюджетной самообеспеченности субъектов РФ. Однако в преобладающем числе субъектов РФ этот тренд был вызван политикой федерального центра по поддержке доходов населения и хозяйственной активности, а не инвестированием из региональных бюджетов. Аналогичная ситуация наблюдалась при поддержке федеральным центром регионов в ковидный период. В этой связи представляется интересным выявить различия ответа субъектов РФ, во-первых, на кризис, вызванный пандемией (форма господдержки регионов в основном направлена на социальную поддержку населения), во-вторых, на кризис, вызванный санкциями (форма господдержки регионов в существенной степени направлена на реальный сектор экономики).

Заключение

Завершая статью, отметим, что внесение некоторых корректив в методологию расчетов подтвердило вывод в исследованиях прошлых лет о вхождении большинства субъектов РФ в группы с неустойчивым трендом развития (группы I-м, II-м и III-м рейтинга). Этот вывод, на наш взгляд, является принципиально важным, усиливая позицию экспертов, ратующих за целесообразность переориентации государственной региональной политики и модели межбюджетных отношений в сторону их большей вариабельности.

Именно входящие в эти группы субъекты РФ в совокупности с регионами с низкими значениями (группа III) Индекса хозяйственного развития оказались наименее стрессоустойчивыми в условиях кризисов. Важность данного вывода состоит в том, что данные группы объединяют большинство российских регионов.

Еще один вывод – отсутствие жесткой взаимосвязи между качеством социальной среды региона (Индекс социального развития) и осуществляемой на его территории хозяйственной деятельностью (Индекс хозяйственного развития).

В 2024 г. не обнаружено субъектов РФ со стабильно низкими значениями Индекса хозяйственного развития, в то время как демонстрирующих низкие значения Индекса социального развития – 10.

Отметим также, что при анализе ситуации с Индексом хозяйственного развития выяснилось, что 8 регионов входят в группу III-м, регионы которой мигрировали между группами, показывающими высокие, средние или низкие значения (группа с выраженной неопределенностью тенденции развития) в течение рассматриваемого периода. При изучении ситуации с Индексом социального развития таковой группы не было обнаружено.

Различен и ответ регионов на кризис 2020 г., вызванный *COVID-19*, и кризис 2022 г., вызванный усилением санкционного давления, по Индексу социального развития и Индексу хозяйственного развития. Если в кризис, связанный с карантином в период пандемии, отмечается снижение обоих индексов, то на кризис, связанный с санкциями, по Индексу социального развития регионы отреагировали его снижением. В то же время по Индексу хозяйственного развития, наоборот, у большей части субъектов РФ отмечается улучшение показателя в 2022 г.

Таким образом, санкции инициировали изменения промышленной политики Правительства Российской Федерации, прежде всего в сфере импортозамещения, а также существенный рост объема государственных закупок. А это позволило не только сохранить значения Индекса хозяйственного развития, но и улучшить их. Но это улучшение в 2022 г. Индекса хозяйственного развития неустойчиво: в дальнейшем несколько снизились результаты в 2023 г., хотя в 2024 г. вновь улучшились, но менее выражено, чем в 2022 г.

В 2024 г. фиксируется положительная динамика Индекса хозяйственного развития. При этом в большей части регионов значения и Индекса хозяйственного развития, и Индекса социального развития остались на уровне 2023 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Индекс хозяйственного развития.

Регионы, мигрирующие между группами II и III

(упорядочены по убыванию значения индекса в 2024 г.)

Субъект РФ	2019	2020	2021	2022	2023	2024
1. 1	2	3	4	5	6	7
1. Хабаровский край	0,46827	0,44374	0,44441	0,39927	0,49609	0,49631
2. Кабардино-Балкарская Республика	0,42912	0,39894	0,40047	0,40433	0,47390	0,49417
3. Мурманская область	0,47130	0,44467	0,42385	0,39631	0,44935	0,48904
4. Камчатский край	0,47921	0,46724	0,44990	0,38948	0,48777	0,48845
5. Нижегородская область	0,44281	0,40616	0,39716	0,38013	0,46533	0,47733
6. Челябинская область	0,41240	0,38666	0,39144	0,39029	0,45238	0,47142
7. Приморский край	0,44074	0,42049	0,41466	0,38287	0,44508	0,46870
8. Красноярский край	0,43907	0,42067	0,41123	0,39804	0,46065	0,46594
9. Тульская область	0,43814	0,38519	0,37094	0,38119	0,43724	0,46202
10. Амурская область	0,42217	0,38260	0,39358	0,38205	0,44705	0,45652
11. Республика Башкортостан	0,44098	0,40648	0,39866	0,40762	0,46999	0,45641
12. Курская область	0,44765	0,42352	0,40640	0,38207	0,44422	0,45083
13. Самарская область	0,44699	0,39395	0,38702	0,36352	0,44696	0,45031
14. Республика Мордовия	0,41722	0,35888	0,35729	0,36648	0,41480	0,44648
15. Удмуртская Республика	0,41455	0,39122	0,37003	0,38027	0,44896	0,44536
16. Забайкальский край	0,37223	0,37235	0,32461	0,32683	0,39827	0,44462
17. Калужская область	0,45551	0,43109	0,41165	0,35588	0,45513	0,44271
18. Ярославская область	0,42215	0,38730	0,37730	0,36145	0,44445	0,44196
19. Томская область	0,43373	0,39736	0,39557	0,36391	0,43035	0,44087
20. Рязанская область	0,43597	0,37102	0,35893	0,35377	0,43811	0,44083
21. Ставропольский край	0,44530	0,40273	0,38826	0,38036	0,43079	0,43768
22. Оренбургская область	0,40582	0,39230	0,36194	0,35486	0,43603	0,43733
23. Псковская область	0,40527	0,36957	0,37023	0,33025	0,42337	0,43550
24. Астраханская область	0,41254	0,39314	0,36725	0,35129	0,42561	0,43435
25. Архангельская область без авт. округа	0,42191	0,41215	0,38115	0,36122	0,40161	0,43435

О к о н ч а н и е п р и л о ж е н и я 1

1	2	3	4	5	6	7
26. Пермский край	0,43536	0,40607	0,38617	0,37159	0,44209	0,43152
27. Республика Дагестан	0,42766	0,41037	0,37611	0,40003	0,43046	0,42773
28. Пензенская область	0,40302	0,37488	0,37590	0,34011	0,43665	0,42653
29. Костромская область	0,39421	0,34801	0,35521	0,33624	0,37898	0,42633
30. Тамбовская область	0,44727	0,42990	0,38852	0,35933	0,42789	0,42627
31. Брянская область	0,42599	0,39742	0,38524	0,34579	0,41482	0,42621
32. Волгоградская область	0,41658	0,39544	0,36977	0,37500	0,44861	0,42610
33. Владимирская область	0,41108	0,35582	0,33182	0,35857	0,40009	0,42575
34. Смоленская область	0,40272	0,36282	0,34273	0,36369	0,42665	0,42501
35. Республика Коми	0,40855	0,39909	0,35385	0,35395	0,39640	0,42499
36. Республика Северная Осетия – Алания	0,38811	0,35733	0,39034	0,37550	0,45139	0,42436
37. Новгородская область	0,39096	0,36450	0,37107	0,36019	0,44459	0,42424
38. Омская область	0,39880	0,37653	0,36231	0,36911	0,42654	0,42397
39. Тверская область	0,41681	0,37710	0,34304	0,32815	0,42372	0,42309
40. Чувашская Республика	0,41624	0,38790	0,37931	0,36453	0,45063	0,41994
41. Ульяновская область	0,42031	0,38333	0,36521	0,34042	0,41785	0,41822
42. Иркутская область	0,38812	0,36298	0,34917	0,33975	0,41206	0,41737
43. Саратовская область	0,43492	0,37451	0,35148	0,36768	0,43792	0,41669
44. Республика Крым	0,42983	0,39857	0,38318	0,33426	0,42269	0,41565
45. Республика Бурятия	0,39405	0,38782	0,37312	0,36581	0,41620	0,41327
46. Республика Карелия	0,40705	0,36889	0,33422	0,31995	0,38477	0,41284
47. Кировская область	0,40832	0,38366	0,33443	0,33347	0,40485	0,40855
48. Республика Калмыкия	0,39776	0,37835	0,31166	0,32952	0,40002	0,40394
49. Республика Хакасия	0,38788	0,37212	0,35833	0,34940	0,41285	0,40298
50. Еврейская автономная область	0,35148	0,36627	0,30551	0,31618	0,37199	0,40130
51. Карачаево-Черкесская Республика	0,36449	0,35990	0,35643	0,33232	0,40739	0,40117
52. Кемеровская область	0,38026	0,35670	0,34254	0,33425	0,40572	0,39936
53. Республика Марий Эл	0,39862	0,35607	0,35426	0,32701	0,40698	0,39935
54. Вологодская область	0,41005	0,38720	0,33733	0,36098	0,38799	0,39651
55. Орловская область	0,38009	0,37529	0,33806	0,31766	0,40512	0,39474

Источник: рассчитано по: [5; 6].

Приложение 2

Индекс хозяйственного развития.
Регионы, мигрирующие между II и III группами
(упорядочены по убыванию значения индекса в 2024 г.)

Субъект РФ	2019	2020	2021	2022	2023	2024
1	2	3	4	5	6	7
1. Республика Крым	0,46380	0,39737	0,41214	0,41201	0,45432	0,49314
2. Липецкая область	0,44922	0,39946	0,41517	0,40847	0,41657	0,48891
3. Пермский край	0,43457	0,37360	0,37332	0,45159	0,41533	0,48853
4. Ростовская область	0,38934	0,40988	0,46352	0,43019	0,47889	0,48290
5. Республика Ингушетия	0,38069	0,32886	0,36153	0,34565	0,36880	0,48099
6. г. Санкт-Петербург	0,49728	0,41246	0,49087	0,39360	0,41627	0,48088
7. Тюменская область без авт. округов	0,38901	0,33019	0,37356	0,49119	0,41439	0,47956
8. Московская область	0,46479	0,39665	0,47492	0,44125	0,44195	0,47827
9. Брянская область	0,41015	0,39421	0,42008	0,36632	0,37856	0,47508
10. Республика Мордовия	0,40139	0,33999	0,42862	0,41302	0,41041	0,47464
11. Новосибирская область	0,48134	0,41405	0,44964	0,39771	0,40098	0,47060
12. Оренбургская область	0,40898	0,36505	0,35349	0,40671	0,36351	0,47004
13. Карачаево-Черкесская Республика	0,37637	0,36958	0,48622	0,42810	0,40012	0,46678
14. Республика Алтай	0,41211	0,35645	0,40498	0,48003	0,42942	0,46466
15. Тамбовская область	0,44225	0,31509	0,39082	0,41340	0,40509	0,45607
16. Рязанская область	0,41511	0,37964	0,41349	0,40023	0,36707	0,45509
17. Тверская область	0,40757	0,33135	0,34206	0,36185	0,46381	0,45321
18. Псковская область	0,37879	0,35810	0,41107	0,37206	0,33021	0,44989
19. Краснодарский край	0,41300	0,39759	0,44321	0,45181	0,40785	0,44749
20. Ивановская область	0,33664	0,37875	0,38075	0,41369	0,41077	0,44616
21. Курская область	0,44087	0,39798	0,48959	0,40632	0,38796	0,44009
22. Приморский край	0,44015	0,39100	0,41806	0,42184	0,40997	0,43956
23. Самарская область	0,44395	0,39267	0,42274	0,46478	0,39799	0,43859
24. Волгоградская область	0,39200	0,38435	0,39060	0,42442	0,43412	0,43844
25. Тульская область	0,46499	0,35442	0,47863	0,40520	0,40240	0,43786
26. Челябинская область	0,43047	0,37838	0,36040	0,41111	0,38766	0,43726
27. Смоленская область	0,38588	0,36502	0,40257	0,31791	0,39311	0,43536

О к о н ч а н и е п р и л о ж е н и я 2

1	2	3	4	5	6	7
28. Ульяновская область	0,43892	0,40310	0,42672	0,39851	0,37608	0,43339
29. Республика Коми	0,35792	0,42316	0,28546	0,38425	0,38916	0,43075
30. Ставропольский край	0,45348	0,36007	0,47701	0,43876	0,43771	0,43018
31. Ярославская область	0,40981	0,35910	0,43522	0,42425	0,40311	0,42984
32. Кабардино-Балкарская Республика	0,31600	0,35591	0,38665	0,38725	0,36599	0,42974
33. Томская область	0,38025	0,39083	0,37140	0,39604	0,36337	0,42848
34. Белгородская область	0,45219	0,38173	0,42293	0,43409	0,42475	0,42815
35. Алтайский край	0,40585	0,38365	0,37230	0,39695	0,37648	0,42663
36. Еврейская автономная область	0,42725	0,33483	0,36404	0,34155	0,35896	0,42319
37. Кировская область	0,41564	0,36228	0,40988	0,38737	0,38734	0,42307
38. Калужская область	0,44750	0,39810	0,44991	0,42573	0,40505	0,42185
39. Пензенская область	0,41067	0,36821	0,39433	0,42860	0,42143	0,42002
40. Омская область	0,40712	0,41007	0,32899	0,44772	0,39188	0,41647
41. Костромская область	0,38959	0,36767	0,45520	0,34984	0,37674	0,41573
42. Республика Бурятия	0,45345	0,32352	0,42016	0,44597	0,41345	0,41335
43. Саратовская область	0,39855	0,37771	0,38879	0,40778	0,40669	0,41295
44. Новгородская область	0,34887	0,35227	0,36181	0,40597	0,40113	0,41192
45. Курганская область	0,42522	0,35721	0,38483	0,41542	0,37320	0,41066
46. Республика Марий Эл	0,36747	0,39713	0,38332	0,36687	0,39467	0,40523
47. Орловская область	0,40449	0,36957	0,42152	0,40402	0,36618	0,39477
48. Забайкальский край	0,41361	0,43124	0,42032	0,46851	0,41601	0,39200
49. Республика Дагестан	0,40630	0,38540	0,41495	0,42874	0,39213	0,39069
50. Республика Хакасия	0,37525	0,43593	0,37445	0,37297	0,42882	0,38564
51. Республика Карелия	0,40207	0,38764	0,36985	0,47773	0,34251	0,38103
52. Архангельская область без авт. округа	0,38850	0,40549	0,42887	0,42208	0,40256	0,38015
53. Калининградская область	0,36708	0,35152	0,40455	0,32295	0,44205	0,37915
54. Астраханская область	0,39607	0,37463	0,32658	0,42976	0,29537	0,37196
55. Кемеровская область	0,42162	0,28716	0,36691	0,43706	0,38857	0,35962
56. Республика Северная Осетия – Алания	0,39847	0,29892	0,39598	0,40045	0,30883	0,33518

Источник: рассчитано по: [5; 6].

Приложение 3

**Показатель бюджетной самообеспеченности.
Регионы, мигрирующие между группами I и II**
(упорядочены по убыванию значения индекса в 2024 г.)

Субъект РФ	2019	2020	2021	2022	2023	2024
1	2	3	4	5	6	7
1. Ненецкий автономный округ	0,86482	0,63315	0,80787	0,90879	0,88333	1,11332
2. Московская область	0,82593	0,76889	0,92151	0,83812	0,65096	0,98937
3. Свердловская область	0,87102	0,74386	0,88876	0,85641	0,89778	0,97319
4. Пермский край	0,91817	0,65485	0,91570	0,77071	0,85465	0,96975
5. Калужская область	0,83885	0,67135	0,79840	0,74955	0,72366	0,95961
6. Самарская область	0,90940	0,75142	0,86287	0,68080	0,83972	0,92983
7. Республика Татарстан	0,93170	0,71474	0,84951	0,81403	0,85047	0,90291
8. Республика Коми	0,94711	0,66563	0,86399	0,93774	0,88322	0,88921
9. Тюменская область без авт. округов	1,03914	0,76736	1,03334	0,78847	0,95803	0,88859
10. Смоленская область	0,77042	0,68909	0,85160	0,84637	0,64372	0,87470
11. Новосибирская область	0,79808	0,69814	0,79022	0,80222	0,86657	0,87386
12. Воронежская область	0,77400	0,74707	0,83601	0,78480	0,80384	0,86696
13. Хабаровский край	0,74457	0,66075	0,77010	0,73653	0,79169	0,86461
14. Тульская область	0,82594	0,73296	0,79389	0,79055	0,86328	0,86303
15. Краснодарский край	0,95093	0,75474	0,88334	0,80658	0,79862	0,86110
16. Рязанская область	0,73598	0,67840	0,73147	0,75024	0,74634	0,85642
17. Удмуртская Республика	0,74565	0,55374	0,67340	0,67992	0,76138	0,85642
18. Магаданская область	0,74797	0,73046	0,75619	0,64906	0,72470	0,84683
19. Иркутская область	0,73614	0,67800	0,83870	0,83479	0,85913	0,84293
20. Приморский край	0,78714	0,64677	0,75200	0,70261	0,80290	0,83969
21. Ярославская область	0,85065	0,73831	0,83157	0,78023	0,81155	0,82663
22. Ростовская область	0,79821	0,71206	0,74974	0,70464	0,77911	0,82581
23. Тверская область	0,82250	0,75625	0,74572	0,76546	0,83304	0,82532
24. Владимирская область	0,77305	0,72071	0,83094	0,70892	0,78282	0,82326
25. Амурская область	0,79510	0,69918	0,64810	0,62510	0,77611	0,81823
26. Челябинская область	0,82012	0,63651	0,93535	0,75429	0,86118	0,80812
27. Липецкая область	0,76108	0,72611	1,19924	0,79244	0,89852	0,79925
28. Белгородская область	0,80245	0,74644	1,02480	0,68332	0,75248	0,78105

О к о н ч а н и е п р и л о ж е н и я 3

1	2	3	4	5	6	7
29. Нижегородская область	0,84561	0,70295	0,79379	0,75533	0,83613	0,77438
30. Вологодская область	0,87687	0,69096	1,03526	0,85816	0,85166	0,76207
31. Астраханская область	0,87315	0,61245	0,72312	0,75926	0,77412	0,73678
32. Орловская область	0,63466	0,54638	0,66857	0,62255	0,92339	0,70449
33. Республика Саха (Якутия)	0,71943	0,64429	0,80352	0,52416	0,67807	0,69341
34. Мурманская область	0,90190	0,86000	1,00407	0,70265	0,88262	0,68612
35. Кемеровская область	0,83428	0,57890	0,94657	0,96713	0,87792	0,68016
36. Оренбургская область	0,79772	0,64492	0,84228	0,75968	0,78872	0,67396
37. Новгородская область	0,71243	0,58664	0,82068	0,82192	0,72750	0,66873
38. Курская область	0,75810	0,70066	0,83774	0,60195	0,81818	0,51779

Источник: рассчитано по: [7; 8].

Список литературы

1. Валентей С.Д., Бахтизин А.Р., Борисова С.В., Кольчугина А.В., Лыкова Л.Н. Тренды развития субъектов Российской Федерации в период пандемии // Федерализм. 2021. Т. 26. № 4 (104). С. 127–170.
2. Валентей С.Д., Бахтизин А.Р., Борисова С.В., Кольчугина А.В., Лыкова Л.Н. Тренды развития региональных экономик в России // Федерализм. 2022. Т. 27. № 2 (106). С. 177–221.
3. Валентей С.Д., Бахтизин А.Р., Борисова С.В., Кольчугина А.В., Лыкова Л.Н. Тренды развития субъектов Российской Федерации в условиях санкций // Федерализм. 2023. Т. 28. № 2 (110). С. 161–196.
4. Валентей С.Д., Бахтизин А.Р., Борисова С.В., Кольчугина А.В., Лыкова Л.Н. Развитие социальной среды и хозяйственная активность в субъектах Российской Федерации // Федерализм. 2024. Т. 29. № 3 (115). С. 136–167.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016–2024 гг. // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>
6. Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13259>
7. Доходы бюджета // Единый портал бюджетной системы Российской Федерации. URL: <https://budget.gov.ru/>
8. Расходы бюджета // Единый портал бюджетной системы Российской Федерации (Электронный бюджет). URL: <https://www.budget.gov.ru/web/guest/Бюджет/Расходы?regionId=45000000>
9. Инвестиции в России. 2023: статистический сборник / Росстат. М., 2023. 229 с. URL: ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Invest_2023.pdf
10. Таблицы месячной и годовой инфляции в России // Статбюро. URL: <https://www.statbureau.org/ru/russia/inflation-tables>

11. О динамике промышленного производства. Итоги 2024 года // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/8aa341310b8d9fb9d1c97ae486d87979/o_dinamike_promyshlennogo_proizvodstva_itogi_2024_goda.pdf

References

1. Valentei S.D., Bahtizin A.R., Borisova S.V., Kol'chugina A.V., Lykova L.N. Trendy razvitiya sub"ektov Rossiiskoi Federacii v period pandemii [Development Trends of the Constituent Entities of the Russian Federation During the Pandemic], *Federalizm* [Federalism], 2021, Vol. 26, No. 4 (104), pp. 127–170. (In Russ.).

2. Valentei S.D., Bahtizin A.R., Borisova S.V., Kol'chugina A.V., Lykova L.N. Trendy razvitiya regional'nyh ekonomik v Rossii [Development Trends of Regional Economies in Russia], *Federalizm* [Federalism], 2022, Vol. 27, No. 2 (106), pp. 177–221. (In Russ.).

3. Valentei S.D., Bahtizin A.R., Borisova S.V., Kol'chugina A.V., Lykova L.N. Trendy razvitiya sub"ektov Rossiiskoi Federacii v usloviyah sankcii [Development Trends of Constituent Entities of the Russian Federation under Sanctions], *Federalizm* [Federalism], 2023, Vol. 28, No. 2 (110), pp. 161–196. (In Russ.).

4. Valentei S.D., Bahtizin A.R., Borisova S.V., Kol'chugina A.V., Lykova L.N. Razvitie social'noi sredy i hozyaistvennaya aktivnost' v sub"ektah Rossiiskoi Federacii [Development of the Social Environment and Economic Activity in the Constituent Entities of the Russian Federation], *Federalizm* [Federalism], 2024, Vol. 29, No. 3 (115), pp. 136–167. (In Russ.).

5. Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli. 2016–2024 gg. [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2016–2024], *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

6. Informatsiya dlya vedeniya monitoringa social'no-ekonomicheskogo polozheniya sub"ektov Rossiiskoi Federacii [Information for Monitoring the Socio-Economic Situation of the Constituent Entities of the Russian Federation], *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13259>

7. Dohody byudzhetna [Budget Revenues], *Edinyi portal byudzhethoi sistemy Rossiiskoi Federacii* [Unified Portal of the Budget System of the Russian Federation]. (In Russ.). Available at: <https://budget.gov.ru/>

8. Raskhody byudzhetna [Budget Expenditures], *Edinyi portal byudzhethoi sistemy Rossiiskoi Federacii (Elektronnyj byudzheth)* [Unified Portal of the Budget System of the Russian Federation (Electronic Budget)]. (In Russ.). Available at: <https://www.budget.gov.ru/web/guest/Byudzheth/Raskhody?regionId=45000000>

9. Investicii v Rossii. 2023: statisticheskii sbornik [Investments in Russia. 2023, statistical digest], Rosstat. Moscow, 2023, 229 p. (In Russ.). Available at: ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Invest_2023.pdf

10. Tablicy mesyachnoi i godovoi inflyatsii v Rossii [Tables of Monthly and Annual Inflation in Russia], *Statbyuro* [Statbureau]. (In Russ.). Available at: <https://www.statbureau.org/ru/russia/inflation-tables>

11. O dinamike promyshlennogo proizvodstva. Itogi 2024 goda [On the Dynamics of Industrial Production. Results of 2024], *Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federacii* [Ministry of Economic Development of the Russian Federation]. (In Russ.). Available at: https://www.economy.gov.ru/material/file/8aa341310b8d9fb9d1c97ae486d87979/o_dinamike_promyshlennogo_proizvodstva_itogi_2024_goda.pdf

**ECONOMIES OF RUSSIAN REGIONS AFTER COVID-19
AND UNDER THE CONDITIONS OF SANCTIONS**

Over the years, the authors of the article have been analyzing the features of the socio-economic development of the subjects of the Russian Federation. The analysis is based on an attempt to identify the relationship between: the quality of the social environment of the subjects of the Russian Federation; economic and investment activities carried out on their territory, as well as sources of financing for the development of the social component of the economic space of the regions. The article examines the time period 2019-2024, covering the two most difficult crisis periods for the domestic economy. The 2020 crisis related to COVID-19 and the crisis caused by the imposition of sanctions. The time period is interesting not only because it falls out from the general logic of economic development (the impact of COVID-19 and such large-scale sanctions on it is undoubtedly unique in world economic history), but also because the causes of the two crises, which are different in nature, are unprecedented. This uniqueness generates far from unambiguous and difficult to calculate consequences. Moreover, it is especially difficult to determine them at the regional level, due to the high values of differentiation of socio-economic development of the subjects of the Russian Federation.

Keywords: region, regional economy, sanctions, crisis, development trends, indices.

JEL: H11, O20, R10, R11, R22

Дата поступления – 03.06.2025

Принята к печати – 20.06.2025

ВАЛЕНТЕЙ Сергей Дмитриевич

доктор экономических наук, профессор, главный редактор журнала, руководитель Научно-исследовательского объединения;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 109992.

e-mail: Valentey.SD@rea.ru

БАХТИЗИН Альберт Рауфович

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор;

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Центральный экономико-математический институт Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 47, г. Москва, 117418.

e-mail: albert.bakhtizin@gmail.com

БОРИСОВА Светлана Валерьевна

кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник лаборатории динамических моделей экономики и оптимизации;

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Центральный экономико-математический институт Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 47, г. Москва, 117418.

e-mail: sv-borissova@yandex.ru

КОЛЬЧУГИНА Анастасия Владимировна

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра федеративных отношений и регионального развития;

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Института экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, 117218.

e-mail: vostokza@mail.ru

ЛЫКОВА Людмила Никитична

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник;
Федеральное государственное бюджетное учреждение Институт экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 32,
г. Москва, 117218.
e-mail: Lykoval@inecon.ru

VALENTEY Sergey D.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Editor in Chief, Head of Research Association;
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Plekhanov Russian University of Economics” / 36, Stremyanny Lane,
Moscow, 109992.
e-mail: Valentye.SD@rea.ru

BAKHTIZIN Albert R.

Corresponding Member of the RAS, Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head;
Federal State Budgetary Institute of Science Central Institute of Economics
and Mathematics of the Russian Academy of Sciences / 47, Nakhimovsky Av.,
Moscow, 117418.
e-mail: albert.bakhtizin@gmail.com

BORISOVA Svetlana V.

Cand. Sc. (Physico-Mathematical), Senior Researcher of the Laboratory of
Dynamic Models of Economics and Optimization;
Federal State Budgetary Institute of Science Central Institute of Economics
and Mathematics of the Russian Academy of Sciences / 47, Nakhimovsky Av.,
Moscow, 117418.
e-mail: sv-borissova@yandex.ru

KOL'CHUGINA Anastasiya V.

Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher of the Center for Federal Relations and
Regional Development;
Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the
Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218.
e-mail: vostokza@mail.ru

ЛЫКОВА Lyudmila N.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher;
Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the
Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218.
e-mail: Lykoval@inecon.ru

Для цитирования:

Валентей С.Д., Бахтизин А.Р., Борисова С.В., Кольчугина А.В.,
Лыкова Л.Н. Экономика российских регионов после COVID-19
и в условиях санкций // Федерализм. 2025. Т. 30. № 2 (118). С. 98–127.
DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2025-2-98-127>

Е.В. СИБИРСКАЯ, Л.В. ОВЕШНИКОВА

ОЦЕНКА НЕСТАНДАРТНЫХ ФОРМ ЗАНЯТОСТИ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

В контексте усиления мировых кризисов, напрямую влияющих на экономические и социальные процессы, проблемы трудоустройства населения выходят на первый план. Это подтверждается активными дискуссиями о трансформации трудовой сферы, порождающими множество противоречивых прогнозов о будущем формате трудовых отношений. Под воздействием таких факторов, как цифровизация, пандемии, внешние ограничения и геополитические события, происходит перестройка спроса и предложения на рынке труда. В результате традиционная модель занятости, характерная для индустриальной эпохи, постепенно теряет доминирующую роль, уступая позиции гибким и нетипичным формам организации труда. Цель статьи – определение динамики и масштабов распространения дистанционной работы на региональном уровне. Основное ограничение исследования связано с использованием данных официальной переписи населения и выборочных исследований федеральной службы государственной статистики, что, сужая спектр рассматриваемых аспектов нестандартных форм занятости населения, позволяет приблизиться к пониманию масштабов и территориальных различий динамики явления.

Ключевые слова: нестандартные формы занятости, национальная экономика, региональная экономика, рынок труда, дистанционная работа, субъект Российской Федерации.

JEL: E24, J21

В современном мире рынок труда приобретает все большую гибкость. Традиционная постоянная занятость по-прежнему занимает центральное место, однако параллельно с ней активно формируются и набирают популярность альтернативные формы трудовых отношений. На рынке труда начали появляться новые кадровые технологии, такие как дистанционная работа, аутсорсинг, аутстаффинг и смартстаффинг, отвечающие современным требованиям и способствующие эффективному перераспределению работников среди работодателей. Это создает условия для появления новых подходов к трудоустройству и развитию

---

* Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного при финансовой поддержке Российского научного фонда, № 25-28-00283 (URL: <https://grant.rscf.ru/site/user/forms?rid=000000000000010354979-1/>).

нестандартных форм занятости (НФЗ), включая временные контракты, неполную занятость, заключение трудовых соглашений на основе краткосрочных контрактов или договоров гражданско-правового характера. Работодатели, стремящиеся снизить издержки через временное привлечение сотрудников, способствуют дальнейшему их распространению.

Среди нестандартных форм занятости самой распространенной является дистанционная работа, отличающаяся от традиционных форм занятости практически всеми ключевыми параметрами трудовой деятельности: местом, временем, характером взаимоотношений, условиями труда и требованиями к работникам. В данном исследовании решение обратить особое внимание на дистанционную работу продиктовано ее актуальностью, влиянием на экономику и общество, а также значительным потенциалом для дальнейшего распространения.

Дистанционная работа как одна из нестандартных форм занятости

Дистанционная работа – это динамично развивающийся вид нетипичной занятости, до недавнего времени занимавший *маргинальное положение в российской экономике*. Эксперты определяют этот формат как особый способ организации труда, при котором сотрудник выполняет обязанности вне локации работодателя. Ключевой особенностью выступает применение цифровых инструментов – телекоммуникационных сетей (включая Интернет) для коммуникации с нанимателем и реализации рабочих задач.

Дистанционная работа регулируется российским законодательством. Основные положения содержатся в Трудовом кодексе Российской Федерации, в частности, в главе 49.1, которая была введена Федеральным законом № 407-ФЗ от 8 декабря 2020 г.¹ Согласно ст. 312.1 ТК РФ, дистанционной работой признается деятельность, осуществляемая вне офиса компании-работодателя (включая домашний формат), при обязательном использовании информационных сетей общего доступа для выполнения обязанностей и взаимодействия сторон, включая сеть Интернет [1; 2].

С 2013 г. после включения в ТК РФ главы 49 «Особенности регулирования труда дистанционных работников»², регулирующей труд дистанционных сотрудников, работодатели получили право оформлять трудовые отношения полностью в электронном формате – от заключения контракта до обмена документами. Это создало правовую основу для массового внедрения гибридных моделей занятости, особенно актуальных в условиях цифровизации экономики. Дальнейшее развитие законодательства связано с поправками 2021 г., регулирующими трудовые отношения в части дистанционной (удаленной) работы³. Нововведения

¹ Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 407-ФЗ // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46184> (дата обращения: 06.03.2025).

² Ст. 312.1 Трудового кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 29 декабря 2020 г.).

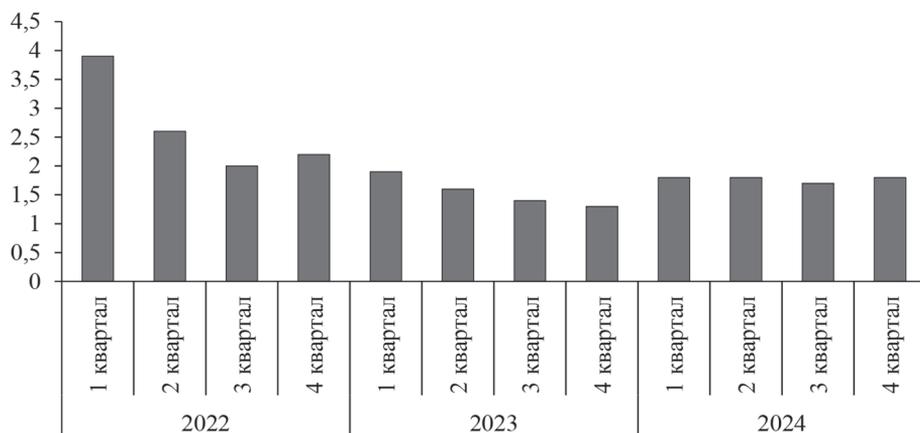
³ О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях: Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 407-ФЗ.

предоставили работодателям возможность сочетать режим труда с рабочим местом в офисе и удаленный.

Статистическая отчетность по дистанционной работе в России регулируется Федеральной службой государственной статистики (далее – Росстат). Специальной отчетности именно по дистанционной работе не предусмотрено, поскольку она входит в общую статистику занятости населения.

До 2022 г. в рамках Обследования рабочей силы собирались данные о работе из дома с использованием Интернета, что не охватывало все случаи удаленной работы. Согласно этим данным, до пандемии, в 2019 г., таким образом работали около 215 тыс. чел. В 2020 г. эта цифра выросла более чем в пять раз – до 1,2 млн чел., а в отдельные месяцы достигала 4,5 млн чел. С ослаблением ограничительных мер в 2020–2021 гг. количество работающих из дома стало уменьшаться, но *оставалось выше допандемийного уровня* [3].

Как показано на *рисунках 1 и 2*, с 2022 г. этот показатель начал постепенно снижаться. С I по III кварталы 2022 г. он сократился вдвое. После незначительного роста в IV квартале 2022 г. тенденция к уменьшению возобновилась в I квартале 2023 г. и продолжалась весь год. В итоге в IV квартале 2023 г. значение достигло минимума за исследуемый период – 992 тыс. чел., что могло быть вызвано ужесточением требований к дистанционному формату работы. В I квартале 2024 г. показатель впервые с IV квартала 2022 г. увеличился до 1,29 млн чел., или 1,8% от общего числа занятых, но остался ниже уровня аналогичного периода предыдущего года. В течение 2024 г. тенденция сохранилась на уровне I квартала текущего года⁴.

Рис. 1. Доля работающих дистанционно в общей численности занятых, в %

Источник: составлено по: [3].

Вышеуказанная тенденция характеризует сохранение интереса к гибридным формам работы даже после пандемии (см. рис. 2).

⁴ Демьянова А.В., Талакаукасас Д.С., Покровский С.И. Мониторинг цифровой трансформации экономики и общества. URL: <https://issek.hse.ru/news/976040462.html> (дата обращения: 06.03.2025).

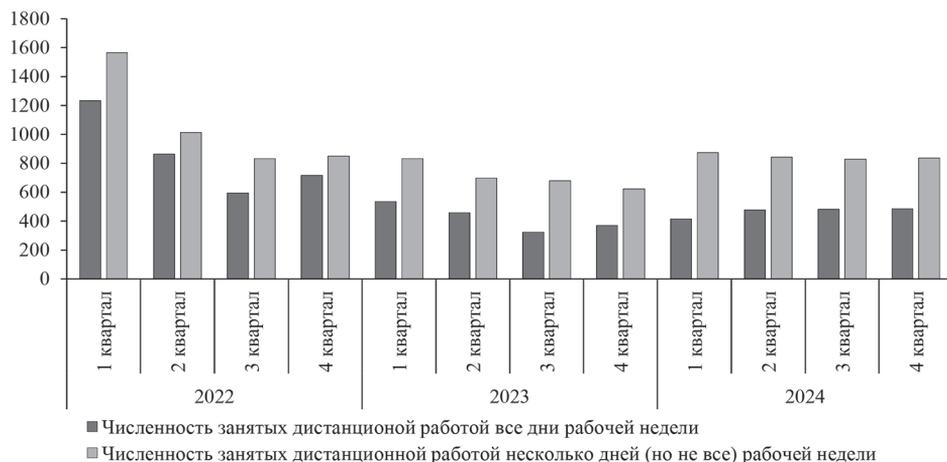

Рис. 2. Динамика численности занятых дистанционной работой, в тыс. чел.

Источник: составлено по: [3].

Основные тренды распределения дистанционной занятости по видам экономической деятельности и социальной сфере в России за 2020–2024 гг. характеризуются следующими общими тенденциями: резким ростом удаленной занятости в 2020–2021 гг., стабилизацией гибридных моделей в 2022–2024 гг., отраслевой спецификой дистанционной и гибридной работы в 2020–2024 гг., социальными и демографическими сдвигами в 2020–2024 гг., влиянием санкций в 2022–2024 гг., законодательными изменениями в 2020–2024 гг. (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Основные тренды распределения дистанционной занятости по видам экономической деятельности и социальной сфере в России за 2020–2024 гг.

1. Резкий рост удаленной занятости в 2020–2021 гг.			
Пандемия как драйвер	В 2020 г. доля дистанционных работников выросла до 15–20% (по данным Росстата), особенно в секторах	IT и телеком	До 80% сотрудников перешли на удаленку
		Финансы и страхование	Около 60%
		Образование	Онлайн-обучение в школах и вузах
		Государственное управление	Внедрение электронных сервисов, например, «Госуслуги»
		Туризм, ресторанный бизнес, розничная торговля (кроме онлайн-ритейла)	Спад в «контактных» отраслях, сократилась занятость

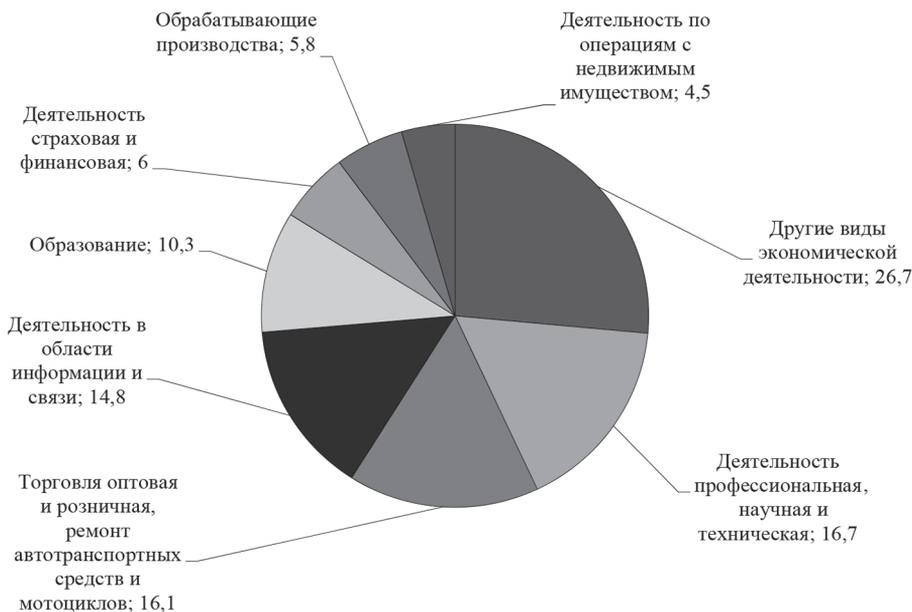
Источник: составлено по: [2; 4; 5].

О к о н ч а н и е т а б л . 1

2. Стабилизация гибридных моделей в 2022–2024 гг.			
Частичный возврат в офис	К 2023–2024 гг. доля полностью удаленных работников снизилась до 10–12%, но гибридный формат (2–3 дня в неделю дома) стал нормой для таких секторов	Корпоративный сектор	Менеджмент, HR, маркетинг
		Наука и R&D	Совмещение лабораторной и аналитической работы
		Цифровизация госуслуг	Сохранение дистанционного формата в здравоохранении (телемедицина) и соцзащите (электронные пособия)
3. Отраслевая специфика дистанционной и гибридной работы в 2020–2024 гг.			
IT и цифровые сервисы	До 70% сотрудников работают удаленно или гибридно		
Образование	30–40% преподавателей вузов сохранили онлайн-формат		
Финансы	Банки и страховые компании оптимизировали офисные площади		
Промышленность и строительство	<5% удаленных работников (только IT-поддержка и управление)		
Сельское хозяйство	Практически нулевая доля		
Здравоохранение	Рост телемедицины, но основные специалисты (хирурги, медсестры) остались на местах		
4. Социальные и демографические сдвиги в 2020–2024 гг.			
Гендерный аспект	Женщины чаще выбирают удаленную работу (особенно в образовании и бухгалтерии) из-за гибкого графика		
Молодежь vs старшее поколение	80% сотрудников до 35 лет предпочитают гибридный формат		
	Работники старше 50 лет чаще возвращаются в офис из-за цифрового разрыва		
Региональное неравенство	В Москве и Петербурге доля удаленки в 2–3 раза выше, чем в регионах		
	Малые города теряют кадры из-за миграции в IT-кластеры (Казань, Новосибирск)		
5. Влияние санкций в 2022–2024 гг.			
Отток иностранных компаний	Сокращение гибридных рабочих мест в международных корпорациях (например, IKEA, McDonald's)		
Рост фриланса	Увеличение самозанятых в IT (разработка, дизайн) и консалтинге как ответ на кризис		
Импортозамещение софта	Перевод сотрудников на отечественные платформы (например, «СберКорус», VK Работа) потребовал переобучения		
6. Законодательные изменения в 2020–2024 гг.			
Трудовой кодекс	В 2020 г. введены понятия «дистанционная работа» и «удаленная занятость»		
	С 2023 г. упрощено оформление гибридного графика		
Налоговые льготы	Для IT-компаний, сохраняющих удаленные рабочие места (снижение НДС, страховых взносов)		

Статистические данные по дистанционной занятости в России за 2022–2024 гг. доступны фрагментарно, но их можно собрать из открытых источников (Росстат, HR-аналитика, исследования вузов). Наиболее достоверные выводы можно сделать для 2023 г., тогда как данные за 2024 г. носят предварительный характер.

Возможность выполнять профессиональную деятельность дистанционно существенно различается по отраслям экономики и социальной сферы (см. рис. 3).

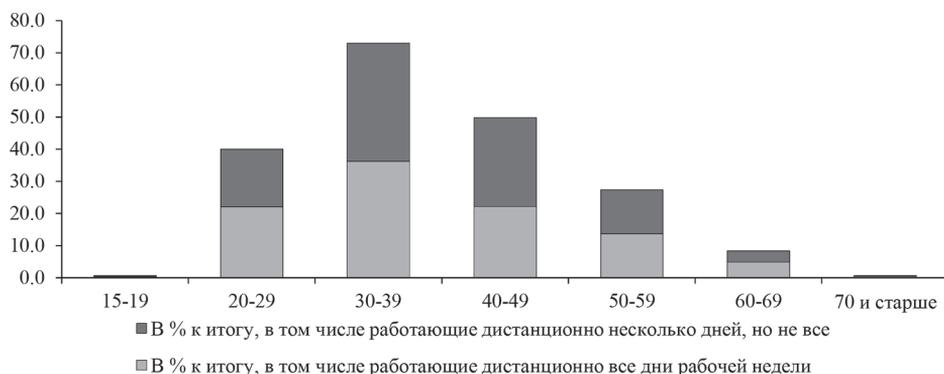
Рис. 3. Структура дистанционной занятости по видам экономической деятельности в 2023 г., в %

Источник: составлено по: [3].

Удаленный формат наиболее востребован в секторах, где непосредственный контакт сотрудников с клиентами или производственными мощностями не является обязательным. Причем почти половина (47,6%) работников, задействованных в дистанционном режиме, сосредоточены в трех направлениях: научно-техническая сфера (16,7%), торговля (оптовая и розничная – 16,1%), ИТ и телекоммуникации (14,8%). Еще 26,6% работников распределяются между образованием (10,3%), финансовыми услугами и страхованием (6%), обрабатывающей промышленностью (5,8%), риэлтерскими услугами (4,5%).

Во всех перечисленных отраслях, кроме образования, доля удаленных сотрудников значительно превышает средние показатели. При этом в большинстве секторов доминирует *гибридная модель*, сочетающая элементы офисной и дистанционной занятости, тогда как полностью удаленный формат остается менее распространенным (см. рис. 4 и 5).

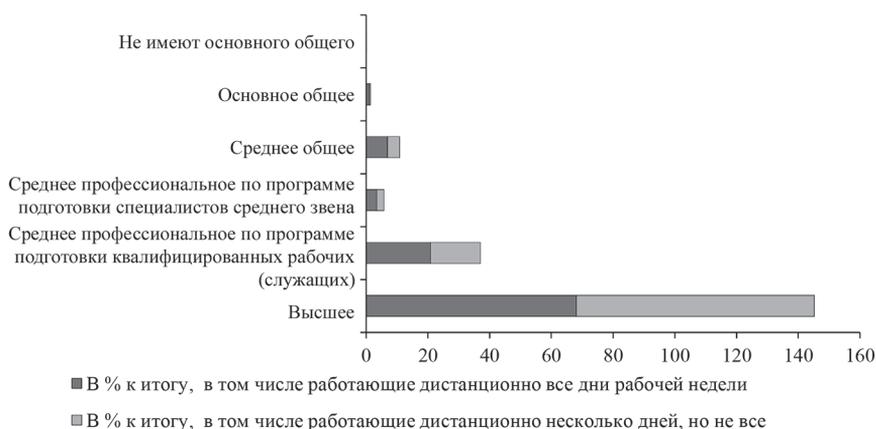
Основная доля удаленных работников — специалисты высшей квалификации и руководители (80%). Молодые сотрудники (15–30 лет) активнее адаптируются к дистанционному формату, чем старшее поколение. Низкая доля среди рабочих профессий подтверждает ограниченность применения удаленки в неквалифицированном труде.

Рис. 4. Занятое население, работающее дистанционно по возрастным группам в 2023 г.

Источник: составлено по: [3].

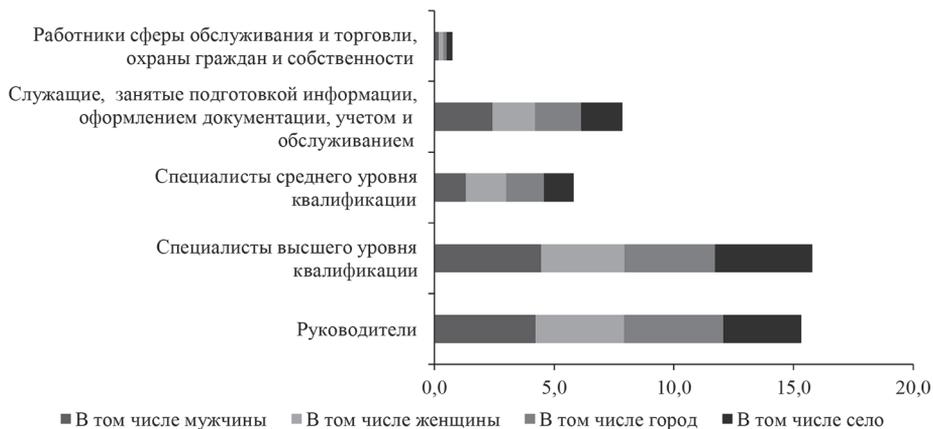
Среди сотрудников, занятых в удаленном формате, наиболее высока доля лиц с академическим образованием. Анализ профессионального состава показывает, что наибольшая концентрация высококвалифицированных специалистов, работающих дистанционно, наблюдается в менеджменте и администрировании (20,5%), в информационных технологиях (16,4%), а также в юриспруденции, социальных науках и культуре (14,1%) (см. рис. 5). На работников средней квалификации — офисный персонал, сотрудников сферы услуг, торговли и охраны — приходится около 20% от общего числа дистанционных работников.

Рис. 5. Занятое население, работающее дистанционно, по уровням образования в 2023 г.

Источник: составлено по: [3].

При этом ряд профессий остается исключительно в офлайн-формате из-за технологической специфики. К ним относятся следующие: производственные специальности (промышленность, сельское хозяйство, строительство); транспортный сектор (водители, операторы техники); рабочие профессии, требующие физического присутствия на объекте. Важно подчеркнуть, что даже в профессиональных группах с наибольшим потенциалом для удаленной работы (например, среди топ-менеджеров и экспертов высшей категории) ее распространенность остается умеренной и не превышает 4% (см. рис. 6) [2].

Рис. 6. Доля работающих дистанционно в общей численности занятого населения по занятиям в 2023 г., в %

Источник: составлено по: [3].

Региональный срез дистанционной занятости

В данном исследовании были рассмотрены сведения о масштабах и особенностях дистанционной работы в Российской Федерации, которые позволили глубже изучить изменения на рынке труда и потребности работников в условиях цифровой экономики.

Полученные результаты позволили рассмотреть данные, связанные с дистанционной работой в разрезе гендерных и территориальных аспектов (см. рис. 7 и 8).

В соответствии со сферами занятости большая доля занятых на дистанционной работе встречается среди мужчин, поскольку они доминируют в областях, которые активно используют возможности удаленной работы. Женщины чаще выбирают профессии, связанные с гуманитарными науками, здравоохранением и педагогикой, где удаленная работа менее развита или требует большего физического присутствия.

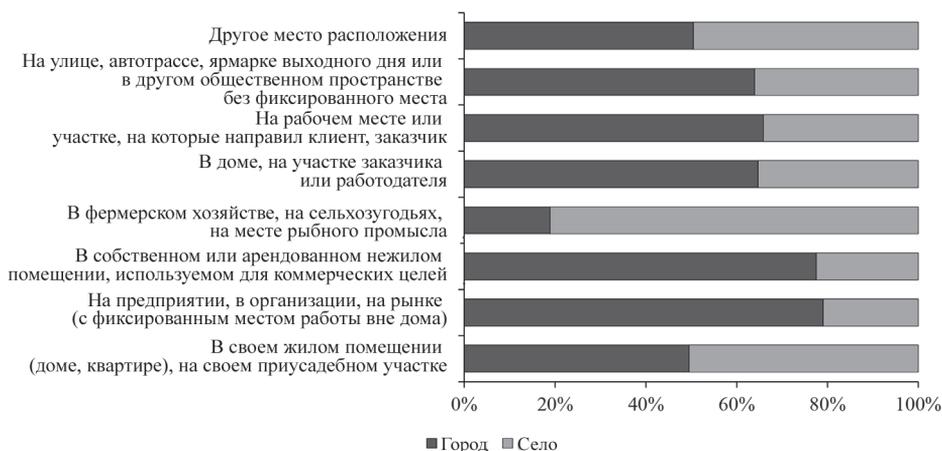
Дистанционная занятость характерна больше для городского населения, нежели для сельского. Высокий уровень цифровизации городов, развитая инфраструктура, концентрация квалифицированной рабочей

силы и благоприятные экономические условия сделали дистанционную занятость привычным элементом городской среды.

Рис. 7. Занятое население по гендерному признаку в 2023 г.

Источник: составлено по: [3].

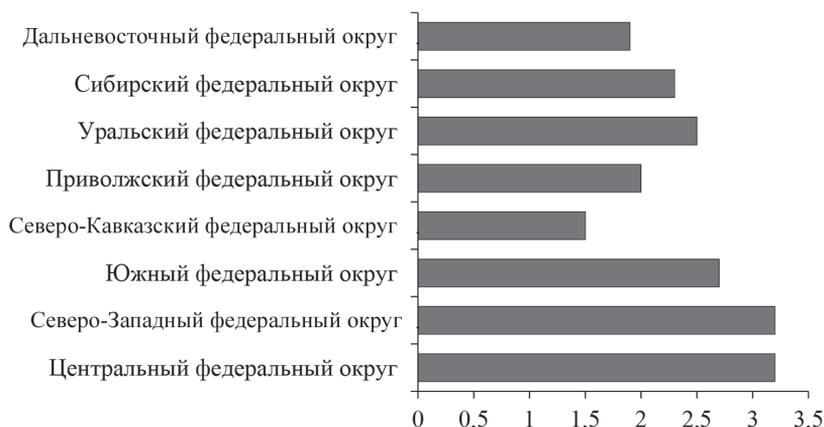
Рис. 8. Занятое население по месту расположения дистанционной работы в 2023 г.

Источник: составлено по: [3].

В ходе исследования нами дополнительно была изучена доля работающих дистанционно в численности занятых, работающих за пределами своего населенного пункта. Данные о дистанционных сотрудниках по федеральным округам представлены на *рисунке 9*.

Доля удаленных работников среди тех, кто работал за пределами своего населенного пункта, колебалась от 1,5% в Северо-Кавказском федеральном округе до 3,2% в Центральном и Северо-Западном феде-

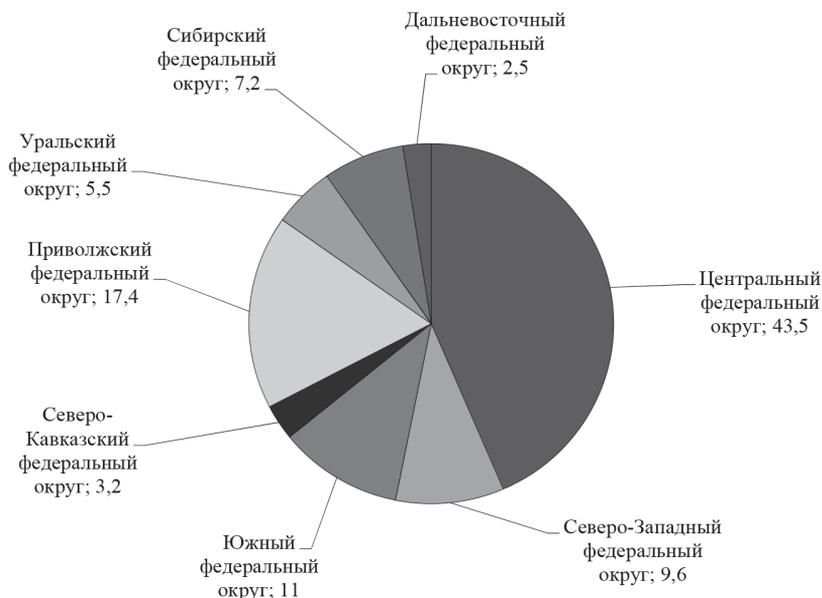
ральных округах. В этих округах, а также в Южном федеральном округе, этот показатель *превысил средний уровень по стране*.

Рис. 9. Доля работающих дистанционно в численности занятых, работающих за пределами своего населенного пункта за 2023 г., в %

Источник: составлено по: [6].

Среди дистанционных работников преобладали занятые в Центральном федеральном округе – 43,5%. Значительная доля таких работников также наблюдалась в Приволжском федеральном округе – 17,4% занятых дистанционным трудом (см. рис. 10).

Рис. 10. Структура работающих в дистанционном формате по федеральным округам Российской Федерации, в %

Источник: составлено по: [6].

Анализ структуры удаленных работников по месту расположения работы (см. рис. 11) показал, что большая часть дистанционных сотрудников Российской Федерации *трудилась на территории другого субъекта Российской Федерации* (67,7%).

Рис. 11. Структура работающих в дистанционном формате по территории нахождения работы, в %

Источник: составлено по: [6].

Доля работников, занятых дистанционно на территории своего субъекта Российской Федерации, колебалась от 1,1 до 82,8%. С этой точки зрения важно рассмотреть распределение регионов по доле сотрудников, работающих удаленно на территории своего региона, относительно общего количества дистанционных работников, что позволит лучше понять масштабы трудовой миграции (см. табл. 2).

В большинстве федеральных округов России преобладает практика, при которой дистанционные сотрудники преимущественно заняты за пределами своих регионов. Однако Дальневосточный округ демонстрирует иную динамику: здесь лишь 40,5% удаленных работников взаимодействуют с организациями других субъектов Федерации. Более половины специалистов (52,2%) в этом округе выполняют трудовые обязанности в пределах своего региона, что существенно превышает общероссийский показатель в 24,7%. При этом доля сотрудников, работающих на иностранные компании, остается минимальной – всего 3,5% [2; 6].

Т а б л и ц а 2

Группировка субъектов Российской Федерации по доле работающих дистанционно на территории своего субъекта Федерации в общей численности удаленных работников

Группа в границах от 0 до 21%	Группа в границах от 21 до 27%	Группа в границах от 27 до 38%	Группа в границах от 38 % и выше
1	2	3	4
<i>Центральный федеральный округ</i>			
Владимирская область, Калужская область, Курская область, Московская область, Тамбовская область, Тверская область, г. Москва	Брянская область, Ивановская область, Костромская область, Липецкая область, Орловская область, Смоленская область, Тульская область, Ярославская область	Белгородская область, Рязанская область	Воронежская область
<i>Северо-Западный федеральный округ</i>			
Ленинградская область, Новгородская область, Псковская область, Ненецкий АО, Санкт-Петербург	Республика Карелия, Калининградская область, Мурманская область	Республика Коми, Архангельская область	
<i>Южный федеральный округ</i>			
Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Астраханская область, Севастополь		Республика Крым, Краснодарский край, Волгоградская область	ЮФО: Вологодская область, Ростовская область
<i>Северо-Кавказский федеральный округ</i>			
Кабардино-Балкарская Республика	Карачаево-Черкесская Республика	Республика Северная Осетия-Алания, Чеченская Республика, Ставропольский край	Республика Дагестан, Республика Ингушетия
<i>Приволжский федеральный округ</i>			
Республика Марий Эл	Республика Мордовия, Чувашская Республика, Кировская область	Удмуртская Республика, Оренбургская область, Пензенская область, Саратовская область, Ульяновская область	Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Пермский край, Нижегородская область, Самарская область

Источник: составлено по: [6].

О к о н ч а н и е т а б л . 2

1	2	3	4
<i>Уральский федеральный округ</i>			
Ямало-Ненецкий АО	Ханты-Мансийский АО	Курганская область, Тюменская область, Челябинская область	Свердловская область
<i>Сибирский федеральный округ</i>			
Республика Хакасия	Республика Алтай, Кемеровская область, Омская область	Алтайский край, Томская область	Республика Тыва, Красноярский край, Иркутская область, Новосибирская область
<i>Дальневосточный федеральный округ</i>			
Еврейская автономная область	Магаданская область, Чукотский АО	Хабаровский край	Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край, Камчатский край, Приморский край, Амурская область, Сахалинская область

Исключением из общей тенденции также являются отдельные регионы, такие как Нижегородская, Свердловская, Иркутская, Сахалинская области, Республика Саха и Приморский край. В этих субъектах основная часть удаленных работников сосредоточена внутри собственных территориальных границ. Наиболее яркий пример – Республика Саха (Якутия), где локальная дистанционная занятость достигает 82,8%, что почти в 3,5 раза выше среднего уровня по стране [2; 6].

Выводы

Современные экономические процессы ведут к изменению структуры занятости, увеличивая популярность таких нестандартных форм, как фриланс, временная работа, дистанционная работа и др. Дистанционная занятость привлекает все больше населения, включая такие чувствительные социальные группы, как женщины, молодежь, люди с особыми потребностями, или люди с ограниченными возможностями здоровья.

Также имеют место региональные различия и значительные колебания в численности дистанционно занятых работников в зависимости от таких факторов, как условия труда, место работы, тип трудовой деятельности, используемые технологии, изменения законодательства. Центральный и Северо-Западный федеральные округа лидируют по доле удаленных работников (3,2%), тогда как в Северо-Кавказском округе она минимальна (1,5%). В Москве и Санкт-Петербурге дистанционная занятость в 2–3 раза выше, чем в регионах. Дальневосточный округ демонстрирует уникальную динамику: 52,2% удаленных работников заняты в пределах своего субъекта Федерации (против 24,7% в среднем по стране).

Анализ социально-демографических особенностей позволил сделать вывод, что женщины чаще выбирают удаленный формат в сферах образования и бухгалтерии, мужчины доминируют в ИТ и менеджменте. 80% дистанционных работников – молодежь до 35 лет, сотрудники старше 50 лет реже адаптируются к удаленке из-за цифрового разрыва.

Что касается видов экономической деятельности, то наиболее востребованы дистанционные форматы в ИТ (70% сотрудников), финансах (60%) и науке (совмещение лабораторной и удаленной работы). В промышленности, сельском хозяйстве и здравоохранении (кроме телемедицины) доля удаленных работников не превышает 5%.

Таким образом, дистанционная занятость стала устойчивым элементом российской экономики, однако ее развитие неравномерно и зависит от отраслевых, региональных и социально-демографических факторов. Дальнейшие исследования должны быть направлены на интеграцию неформального сектора в статистику и оценку долгосрочных эффектов гибридных моделей на производительность и социальное благополучие.

Список литературы

1. Рынки удаленной работы: социальные сети и институты / отв. ред. В.В. Радаев. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 312 с.
2. Давлетшина Л.А., Долгих Е.А. Статистический анализ дистанционной занятости в Российской Федерации // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4. № 2. С. 74–87. DOI: 10.19181/demis.2024.4.2.5.
3. Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 06.03.2025).
4. Нестандартная занятость в российской экономике / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006. 440 с.
5. Мусаев Б.А. Нестандартная занятость как форма реализации условий нового экономического уклада // Интернет-журнал «Наукovedение». 2017. Т. 9. № 2. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/59EVN217.pdf> (дата обращения: 06.03.2025).
6. Всероссийская перепись населения 2020 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 06.03.2025).

References

1. Rynki udalenoj raboty: sotsial'nye seti i instituty [Remote Work Markets: Social Networks and Institutions], edited by V.V. Radaev. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2012, 312 p. (In Russ.).
2. Davletshina L.A., Dolgikh E.A. Statisticheskii analiz distantsionnoi zaniatosti v Rossiiskoi Federatsii [Statistical Analysis of Remote Employment in the Russian Federation], *DEMIS. Demograficheskie issledovaniia* [DEMIS. Demographic Studies], 2024, Vol. 4, No. 2, pp. 74–87. (In Russ.). DOI: 10.19181/demis.2024.4.2.5.
3. Itogi vyborochnogo obsledovaniia rabochei sily [Results of the Sample Survey of the Labor Force], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (accessed 06 March 2025).
4. Nestandartnaia zaniatost' v rossiiskoi ekonomike [Non-Standard Employment in the Russian Economy], edited by V.E. Gimpel'son, R.I. Kapeliushnikov. Moscow, Izdatel'skii dom GU VShE, 2006, 440 p. (In Russ.).
5. Musaev B.A. Nestandartnaia zaniatost' kak forma realizatsii uslovii novogo ekonomicheskogo uklada [Non-Standard Employment as a Form of Implementing the Conditions of the New Economic Order], *Internet-zhurnal "Naukovedenie"* [Internet journal "Naukovedenie"], 2017, Vol. 9, No. 2. (In Russ.). Available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/59EVN217.pdf> (accessed 06 March 2025).
6. Vserossiiskaia perepis' naseleniia 2020 g. [All-Russian Population Census 2020], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (accessed 06 March 2025).

ASSESSMENT OF NON-STANDARD FORMS OF EMPLOYMENT IN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

In the context of the intensification of global crises, which directly affect economic and social processes, the problems of employment of the population come to the fore. This is confirmed by active discussions about the transformation of the labor sphere, which generate many contradictory forecasts about the future format of labor relations. Under the influence of factors such as digitalization, pandemics, external constraints and geopolitical events, there is a restructuring of supply and demand in the labor market. As a result, the traditional employment model typical of the industrial era is gradually losing its dominant role, giving way to flexible and atypical forms of labor organization. The purpose of the article is to determine the dynamics and extent of the spread of remote work at the regional level. The main limitation of the study is related to the use of data from the official population census and sample studies from the Federal State Statistics Service, which, by narrowing the range of aspects of non-standard forms of employment under consideration, allows us to get closer to understanding the scale and territorial differences in the dynamics of the phenomenon.

Keywords: non-standard forms of employment, national economy, regional economy, labor market, remote work, subject of the Russian Federation.

JEL: E24, J21

Дата поступления — 06.03.2025

Принята к печати — 13.05.2025

СИБИРСКАЯ Елена Викторовна

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры национальной и региональной экономики;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 109992.

e-mail: Sibirskaya.EV@rea.ru

ОВЕШНИКОВА Людмила Владимировна

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры национальной и региональной экономики;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 109992.

e-mail: Oveshnikova.LV@rea.ru

SIBIRSKAYA Elena V.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Professor of the Department of National and Regional Economics;

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “Plekhanov Russian University of Economics” / 36, Stremyanny Lane, Moscow, 109992.

e-mail: Sibirskaya.EV@rea.ru

OVESHNIKOVA Lyudmila V.

Dr. Sc. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Department of National and Regional Economics;

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “Plekhanov Russian University of Economics” / 36, Stremyanny Lane, Moscow, 109992.

e-mail: Oveshnikova.LV@rea.ru

Для цитирования:

Сибирская Е.В., Овешникова Л.В. Оценка нестандартных форм занятости в субъектах Российской Федерации // Федерализм. 2025. Т. 30. № 2 (118). С. 128–144. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2025-2-128-143>

В.В. ЗУНДЭ, Л.С. АРХИПОВА

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИ ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Региональный срез исследований инновационного пространства России важен для выработки организационных и инвестиционных решений государства и бизнеса. Инновационное развитие регионов в 2017–2023 гг. выстраивалось в соответствии со спецификой характеристик макроэкономики Российской Федерации, а также формируемой системой приоритетов национальной экономики, отражаемой в нормативно-правовых документах, государственных регламентах по научно-технологической проблематике. Анализ индикаторов функционирования технологически инновационных систем позволил определить уровни инновационного развития экономик субъектов Российской Федерации, составить типологию по индексу инновационного развития. В группу регионов-лидеров вошли субъекты Федерации с мощным научно-производственным потенциалом; группа регионов-аутсайдеров представлена регионами, наименее развитыми в технологически инновационном плане.

Ключевые слова: региональное развитие, индикаторы инновационного развития, индекс инновационного развития, типология инновационного развития регионов, регионы-лидеры, регионы-аутсайдеры.

JEL: C43, P25, R11, O33

В статье предпринята попытка осуществить диагностику процесса инновационного развития экономик субъектов Российской Федерации до 2023 г. Диагностика проведена по четырем индикаторам.

Первый. Уровень инновационной активности организации.

Второй. Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе обследованных организаций.

Третий. Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг.

Четвертый. Удельный вес внутренних затрат в регионах на научные исследования и разработки в % от затрат Российской Федерации.

Рейтинг регионов Российской Федерации по инновационному развитию

В целом по Российской Федерации уровень инновационной активности организаций по итогам 2023 г. составил 11,3% (см. рис. 1). Данное значение превысили 30 регионов, или 35,3%¹. Однако в допандемийный период (2018 г.) число таковых составляло 33, или 38,8%². При этом уровень инновационной активности организаций в 2018 г. составлял 12,8%, т.е. на 1,5% выше показателя 2023 г. Факт снижения к 2023 г. уровня инновационной активности организаций является технологическим вызовом экономике России.

Еще один вызов – рост дифференциации между регионами России по уровню инновационной активности организаций. В 2023 г. дифференциация составила 3,95, тогда, как в 2018 г. показатель был ниже – 3,03. К числу наименее развитых в инновационной сфере относятся следующие регионы федеральных округов: Северо-Западного – Ненецкий АО, Уральского – Ямало-Ненецкий АО, Сибирского – Республика Хакасия, Забайкальский край, Южного – Республика Калмыкия, Северо-Кавказского – Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Чеченская Республика, Республика Ингушетия.

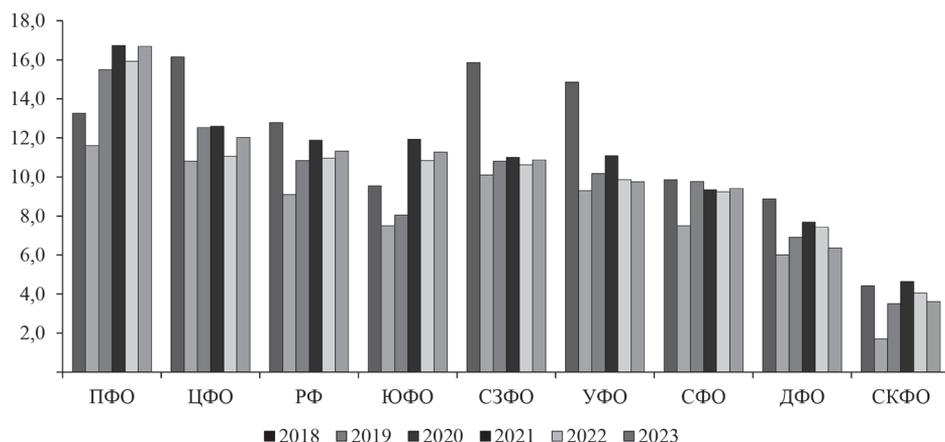
Динамика первого исследованного индикатора – «уровень инновационной активности организаций, %», представленная на рисунке 1, во-первых, свидетельствует о снижении среднероссийского значения в 2023 г. (11,3%) относительно 2018 г. (12,8%). Во-вторых, показывает, что лидером по индикатору является Приволжский федеральный округ (ПФО) (рост – в 1,5 раза, положительная динамика – с 2019 г.). По итогам 2023 г. в 11 из 14 регионах ПФО данный индикатор превышает среднероссийский³.

---

¹ Республика Татарстан, Ростовская обл., Самарская обл., Республика Мордовия, Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Томская обл., Тульская обл., Белгородская обл., Нижегородская обл., Санкт-Петербург, Алтайский край, Чувашская Республика, Ульяновская обл., Пермский край, Пензенская обл., Калужская обл., Ивановская обл., Орловская обл., Москва, Кировская обл., Челябинская обл., Курганская обл., Владимирская обл., Новосибирская обл., Свердловская обл., Липецкая обл., Московская обл., Ярославская обл., Удмуртская Республика.

² Москва, Чувашская Республика, Санкт-Петербург, Липецкая обл., Республика Татарстан, Пензенская обл., Белгородская обл., Нижегородская обл., Томская обл., Новгородская обл., Воронежская обл., Свердловская обл., Челябинская обл., Калужская обл., Республика Мордовия, Рязанская обл., Тверская обл., Камчатский край, Алтайский край, Тульская обл., Ярославская обл., Ленинградская обл., Московская обл., Псковская обл., Хабаровский край, Ростовская обл., Владимирская обл., Тюменская обл., Севастополь, Чукотский АО, Республика Башкортостан, Кировская обл., Ульяновская обл.

³ Приволжский федеральный округ исторически отличается высокой концентрацией инновационных предприятий и организаций, локация которых совпадает с такими крупными городами – центрами экономического роста, как Казань, Уфа, Самара, Тольятти, Нижний Новгород.

Рис. 1. Динамика инновационной активности организаций в федеральных округах Российской Федерации, в % (среднее значение по Российской Федерации в 2023 г. – 11,3%)

Источник: рассчитано по: данные Росстата [1].

Центральный федеральный округ (ЦФО) значительно уступает Приволжскому. Тем не менее также на протяжении 2020–2023 гг. превышает пороговый показатель. В его состав входят Тульская и Белгородская области, входящие в топ-10 регионов по данному индикатору. В 2018 г. их было три – Москва, Липецкая и Белгородская области. По итогам 2023 г. столица России находится на 20 месте рейтинга.

Третье место по уровню инновационной активности занимает Южный федеральный округ. Регион значительно увеличил свою позицию с 2021 г. и показал достигнутое значение на уровне Российской Федерации в целом.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в топ-10 входят шесть регионов Приволжского федерального округа. Два региона из Центрального, по одному – из Южного и Сибирского федеральных округов (см. табл. 1).

Среди регионов, отстающих по уровню инновационной активности, выделяются республики Северного Кавказа, специализирующиеся на сельском хозяйстве и особенно в последнем десятилетии на курортно-рекреационном комплексе. При этом в республиках – Дагестан, Северная Осетия – Алания, Кабардино-Балкарская, Чеченская, Ингушетия – традиционно имеет место низкотехнологичная, неконкурентоспособная производственно-инфраструктурная база АПК, туристического и гостиничного секторов.

Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа имеют низкую инновационную активность в силу специализации по разработке углеводородных ресурсов.

Основные факторы низкой инновационной активности предприятий Забайкальского края и Республики Хакасии характеризуются в известной

степени неблагоприятным природно-географическим расположением; удаленностью от крупных национальных, международных транспортно-логистических систем, что ограничивает инвестиционно-инновационную привлекательность ведущих отраслей регионального производства. Поэтому предприятия горнодобывающей промышленности, цветной металлургии, гидроэлектроэнергетики Забайкалья и Хакасии одновременно отличаются наличием потребности высокостоимостных современных технологических решений и низкой инновационной восприимчивостью в силу территориально-географической специфики.

Т а б л и ц а 1

Уровень инновационной активности организаций, 2023 г., %

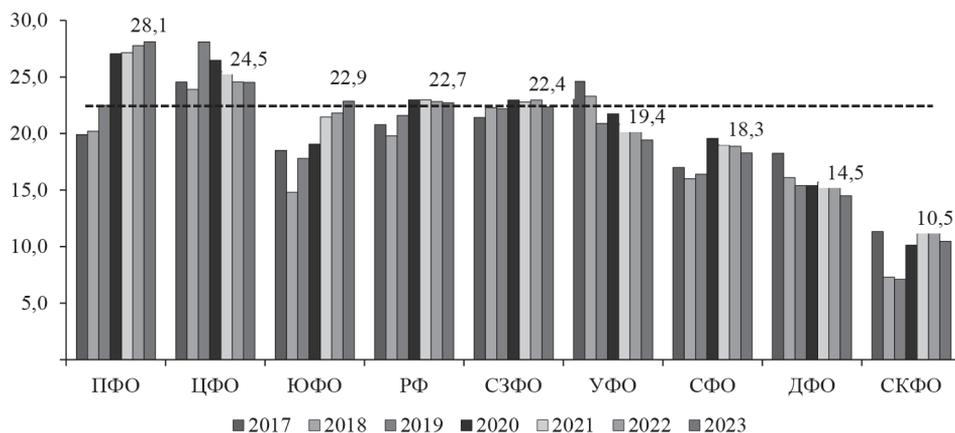
Регионы-лидеры	Уровень инновационной активности	Регионы-аутсайдеры	Уровень инновационной активности
Республика Татарстан	33,6	Ненецкий АО	3,9
Ростовская область	26,6	Ямало-Ненецкий АО	3,9
Самарская область	18,8	Республика Хакасия	3,9
Республика Мордовия	18,1	Забайкальский край	3,3
Республика Башкортостан	16,4	Республика Калмыкия	3,1
Республика Марий Эл	16,3	Республика Сев. Осетия – Алания	3,0
Томская область	16,2	Республика Дагестан	2,7
Тульская область	15,4	Кабардино-Балкарская Республика	2,4
Белгородская область	15,4	Чеченская Республика	1,7
Нижегородская область	15,1	Республика Ингушетия	1,4
Децильный коэффициент дифференциации = 3,95			

Источник: рассчитано по: данные Росстата [2].

В отечественной инновационной экономике современные приоритеты отдаются разработке и внедрению технологических инноваций, меняющих структуру производства в пользу отраслей, создающих высокую добавленную стоимость.

Тенденции изменений по второму исследованному индикатору – «удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе обследованных организаций, %», сложившиеся в 2017–2023 гг., отражены на рисунке 2 и в таблице 2. Приволжский федеральный округ демонстрировал лидирующие позиции по индикатору «удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации», опережая среднероссийский уровень по итогам 2023 г. в 1,2 раза. Порядок мест, занимаемый федеральными округами тот же –

на втором месте Центральный, на третьем — Южный федеральные округа. Незначительно отстает Северо-Западный федеральный округ. Далее, округа расположились, как и по предыдущему индикатору, — «уровень инновационной активности организаций». Динамика индикатора «удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации», представленная на рисунке 2, показывает значительный рост в Приволжском и Южном федеральных округах.

Рис. 2. Динамика удельного веса организаций, осуществляющих технологические инновации, 2017–2023 гг., в % (среднее значение по Российской Федерации в 2023 г. — 22,7%)

Источник: рассчитано по: данные Росстата, ЕМИСС [3].

Снижение удельного веса организаций, развивающих технологические инновации, особенно значительно в Уральском федеральном округе (в 1,27 раза) и Дальневосточном (в 1,26 раза). Однако ни один регион данных федеральных округов не относится к числу аутсайдеров общенационального рейтинга.

В региональном разрезе можно выделить топ-10 субъектов Российской Федерации, отличающихся наиболее высокой долей организаций, реализующих технологические инновации.

Так, среди регионов Южного федерального округа по патентной статистике лидирующие позиции занимает Ростовская область. В 2023 г. в регионе было получено 1 999 патентов на изобретения, полезные модели, промышленные образцы и товарные знаки. Этот субъект Федерации по итогам 2021 г. занял первое место в стране по удельному весу организаций, осуществляющих технологические инновации (43,0%). В соответствии со Стратегией социально-экономического развития Ростовской области на период до 2030 г. предусмотрено создание «Донской долины инновационного развития» с возможностью стать точкой инновационно-технологического роста юга России за счет региональной технологической инициативы⁴.

⁴ Инновации // Официальный сайт Правительства Ростовской области. URL: <https://www.donland.ru/activity/204/>

Т а б л и ц а 2

Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе обследованных организаций, 2023 г., %

Регионы-лидеры	Удельный вес организаций	Регионы-аутсайдеры	Удельный вес организаций
Ростовская область	50,1	Ставропольский край	9,8
Республика Татарстан	47,0	Ханты-Мансийский АО	9,7
Санкт-Петербург	33,3	Республика Карелия	9,7
Республика Мордовия	33,0	Республика Хакасия	9,5
Москва	32,8	Республика Дагестан	8,8
Чувашская Республика	30,7	Сахалинская область	8,4
Самарская область	28,9	Ненецкий АО	8,2
Пермский край	28,5	Республика Северная Осетия – Алания	8,1
Республика Марий Эл	27,3	Чеченская Республика	7,9
Нижегородская область	27,1	Ямало-Ненецкий АО	7,7
Децильный коэффициент дифференциации = 2,8			

Источник: рассчитано по: данные Росстата [1].

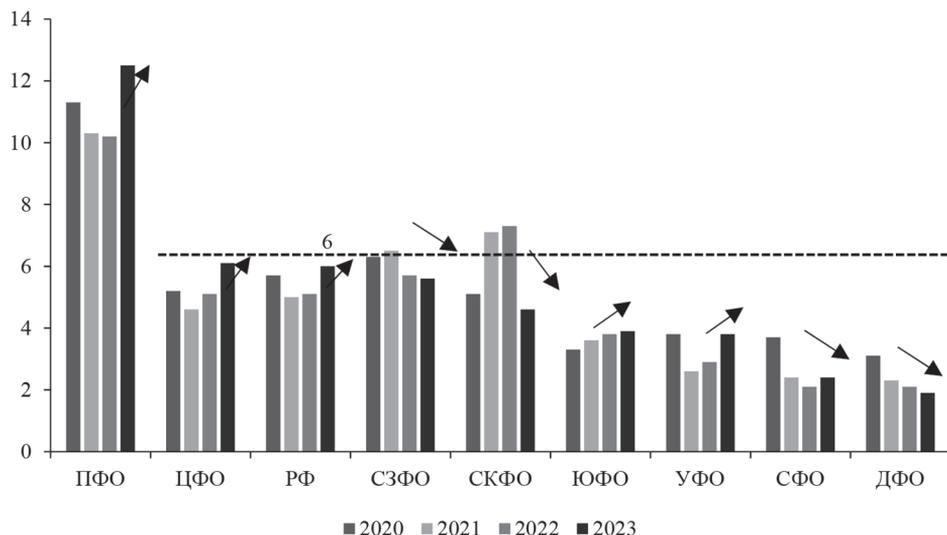
На втором месте рейтинга расположена Республика Татарстан, где число организаций, осуществляющих технологические инновации, составляет 47% от всего количества хозяйствующих субъектов региона. Существенную роль в развитии инновационной экономики в республике занимает продукция, связанная с нанотехнологиями⁵.

Среди регионов с минимальными значениями индикатора также, как и по предыдущему показателю («уровень инновационной активности организаций»), выделяются экономики с сырьевой и сельскохозяйственной специализацией (Ставропольский край, Республика Северная Осетия – Алания, Республика Дагестан, Чеченская Республика), добывающие углеводороды (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Сахалинская область). Конкурентоспособность регионов опирается на традиционные сферы экономической деятельности.

Третий индикатор – «удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %» – отражает вклад инноваций в реальный выпуск российских товаров.

⁵ Государственный доклад «Об итогах инновационной деятельности в Республике Татарстан в 2020 году». Распоряжение от 27 января 2022 г. URL: <https://mert.tatarstan.ru>

Безусловное лидерство по удельному весу производимых инновационных товаров принадлежит Приволжскому федеральному округу (см. рис. 3). В пяти федеральных округах индикатор вырос после кризисного 2020 г., когда из-за пандемии коронавируса предприятия и организации были вынуждены снизить производство продукции. Три федеральных округа (Северо-Кавказский, Сибирский и Дальневосточный) снизили выпуск инновационной продукции по сравнению с 2020 г.

Рис. 3. Динамика удельного веса инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, в % (среднее значение по Российской Федерации в 2023 г. – 6,0%)

Источник: рассчитано по: данные Росстата [2].

В таблице 3 список регионов-лидеров существенно отличается от результатов, представленных в таблице 2. Республика Мордовия занимает первое место, а Республика Татарстан – второе. Разница между ними – 8,2%. Более трети всех отгруженных товаров, работ, услуг в Республике Мордовия относится к категории инновационных. Такие достижения связаны с развитием предприятий, выпускающих инновационную продукцию, к их числу относится АО «Оптическое волоконные системы», ООО «Инновационный центр строительных материалов» (работает в рамках первого в республике индустриального парка «Светотехника»), потенциальные инвесторы разрабатывают инновационные проекты по производству большого спектра новейшей продукции⁶.

⁶ Официальный портал органов государственной власти Республики Мордовия. Министерство промышленности, науки и новых технологий Республики Мордовия. URL: <https://www.e-mordovia.ru/gosudarstvennaya-vlast-rm/ministerstva-i-vedomstva/minprom/>

Т а б л и ц а 3

**Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг
в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %**

Регионы-лидеры	Удельный вес инновационных товаров	Регионы- аутсайдеры	Удельный вес инновационных товаров
Республика Мордовия	31,1	Республика Ингушетия	0,6
Республика Татарстан	22,9	Калининградская обл.	0,5
Хабаровский край	19,3	Кемеровская область	0,5
Тульская область	17,7	Камчатский край	0,4
Челябинская область	16,0	Чукотский АО	0,3
Архангельская область	15,2	Ненецкий АО	0,2
Самарская область	14,1	Республика Алтай	0,2
Белгородская область	13,8	Республика Крым	0,2
Ульяновская область	12,8	Иркутская область	0,2
Удмуртская Республика	12,6	Амурская область	0,1
Децильный коэффициент дифференциации = 23,2			

Источник: рассчитано по: данные Росстата [2].

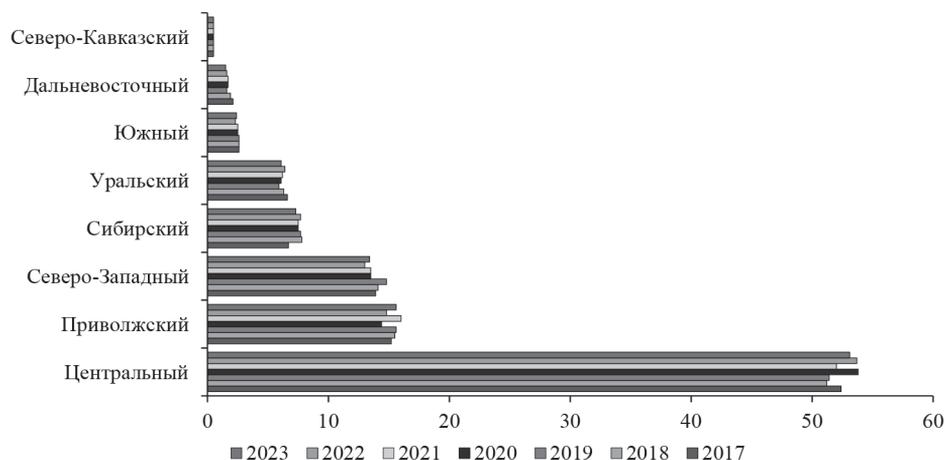
Республика Мордовия входит в число пилотных регионов по подготовке региональных программ научно-технологического развития. Создание полного цикла производства оптоволокна и развитие отрасли биотехнологий остаются приоритетными проектами для республики⁷. В регионе развивается ряд *институтов развития*. К их числу относится «Агентство инновационного развития», являющееся ключевым в поддержке инновационного предпринимательства в регионе. Агентство осуществляет организационную, финансовую поддержку инновационных проектов на ранних стадиях развития. Создан АУ «Технопарк-Мордовия», предоставляющий субъектам инновационного предпринимательства имущественную и экспертную поддержку, а также осуществляющий содействие внедрению в бизнес новых технологий, продуктов, материалов и привлечение их финансирования с помощью инновационных проектов на различных стадиях их развития. Работает Центр наноматериалов и нанотехнологий Республики Мордовия, фокусирующийся на коммерциализации разработок и изобретений в рамках совместных проектов с учеными. Действует Корпорация развития Республики Мордовия, цель которой – привлечение инвестиций

⁷ Мордовия лидирует по доле инновационной продукции в России. URL: <https://ria.ru/20240808/mordovija-1964896653.html>

в экономику республики, поддержка проектов инновационного характера. Корпорация активно содействует развитию механизмов государственно-частного партнерства и осуществляет инвестиционный маркетинг региона. Особый вклад вносит Центр инноваций социальной сферы Республики Мордовия, ключевая задача которого – это содействие разработке и реализации в республике инновационных социальных проектов⁸.

Заключительный индикатор исследования показателей инновационного развития – «удельный вес внутренних затрат в регионах на научные исследования и разработки, в % от Российской Федерации». Показатель позволяет оценить уровень инновационного развития экономики, отражая возможности регионов инвестировать в развитие научных исследований за счет собственных финансовых ресурсов.

Для данного индикатора характерна высокая межрегиональная дифференциация, составившая по итогам 2023 г. 74,3 раза. Так, Центральный федеральный округ выделяется максимальным удельным весом затрат на научные исследования и разработки в общем объеме общероссийских затрат (53,1% в 2023 г.). Далее следуют Приволжский и Северо-Западный федеральные округа. Последние позиции занимают Южный, Дальневосточный и Северо-Кавказский федеральные округа (см. рис. 4).

Рис. 4. Динамика удельного веса внутренних затрат на научные исследования и разработки, в % от Российской Федерации

Источник: рассчитано по: данные Росстата [1].

Абсолютный лидер по инновационному развитию в ЦФО – Москва (см. табл. 4); на ее долю приходится более трети внутренних затрат предприятий и организаций страны. Это связано не только с высокой

⁸ Агентство инновационного развития Республики Мордовия. URL: <https://i-mordovia.ru/entrepreneurs/innovation-infrastructure-of-the-rm>

концентрацией организаций, проводящих научные исследования и разработки, но и таким фактором, как место (территория) *регистрации головных офисов крупных компаний*, способных инвестировать в науку, технологическое развитие.

Т а б л и ц а 4

Удельный вес регионов во внутренних текущих затратах на научные исследования и разработки, 2023 г., %

Регионы-лидеры	Удельный вес регионов	Регионы-аутсайдеры	Удельный вес регионов
Москва	36,07	Республика Тыва	0,028
Московская область	12,2	Республика Марий Эл	0,022
Санкт-Петербург	11,5	Республика Адыгея	0,019
Нижегородская область	7,1	Республика Хакасия	0,019
Свердловская область	2,5	Псковская область	0,017
Новосибирская область	2,5	Республика Калмыкия	0,009
Красноярский край	2,0	Республика Алтай	0,007
Республика Татарстан	2,0	Костромская область	0,006
Тюменская область	1,95	Республика Ингушетия	0,006
Пермский край	1,6	Ненецкий АО	0,002
Децильный коэффициент дифференциации = 74,3			

Источник: рассчитано по: данные Росстата [1].

В пятерку лидеров также входят Московская область, Санкт-Петербург, Нижегородская и Свердловская области.

В состав регионов-аутсайдеров традиционно входят субъекты Российской Федерации, отличающиеся сельскохозяйственной специализацией (республики Северного Кавказа), невысоким масштабом экономики (Республика Марий Эл) или с преобладающим сырьевым укладом (Ненецкий автономный округ). Такие регионы, как правило, не располагают крупными научно-исследовательскими организациями, технологически инновационной инфраструктурой, предприятиями, выпускающими инновационную продукцию.

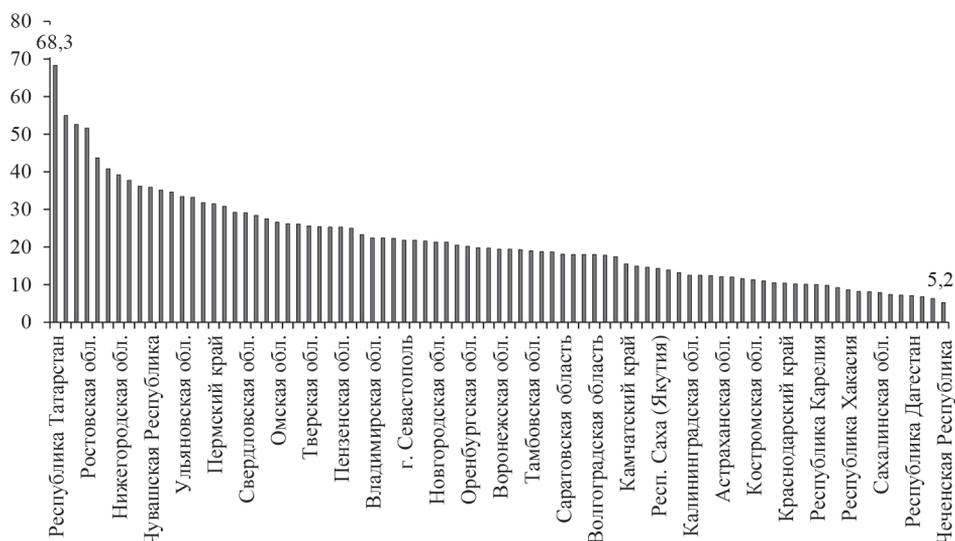
**Типологизация субъектов Российской Федерации
по уровню инновационного развития**

По итогам мониторинга основных индексов инновационного развития регионов рассчитан интегральный индекс как итог оценки достижения того или иного уровня экономики.

Интегральный индекс инновационного развития рассчитан методом суммирования средневзвешенных показателей, умноженных на их весовые коэффициенты. Далее проведено рейтингование регионов путем сортировки.

В ходе расчетов были использованы данные по 75 регионам. По десяти регионам отсутствует один или более показателей.

Итоги расчета интегрального индекса инновационного развития позволили выделить лидеров, в число которых вошли субъекты Российской Федерации с мощным научно-производственным потенциалом: Республика Татарстан, Москва, Ростовская область, Санкт-Петербург, Республика Мордовия, Самарская область (см. рис. 5).

Рис. 5. Ранжирование регионов по интегральному индексу инновационного развития, 2023 г.

Источник: рассчитано на основе исследования.

Республика Татарстан – лидер по уровню инновационной активности предприятий. Регион занимает второе место в России по удельному весу организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе обследованных организаций и по удельному весу инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг. Республика отстает лишь по удельному весу внутренних текущих затрат на научные исследования и разработки (восьмое место в России), что связано с необходимостью поддержания производственной и добывающей сфер экономической деятельности.

На основе ранжирования субъектов Российской Федерации проведена их типологизация по уровню инновационного развития (см. табл. 5).

Т а б л и ц а 5

**Типологизация субъектов Российской Федерации по индексу
инновационного развития**

Диапазон индекса	Число регионов	Типы регионов
<i>Регионы – лидеры</i>		
68,3–40,8	6	Республика Татарстан (68,3), Республика Мордовия (55,0), Москва (52,6), Ростовская область (51,6), Санкт-Петербург (43,7%) и Самарская область (40,8)
<i>Относительно высокий уровень</i>		
40–30	11	Нижегородская обл., Тульская обл., Московская обл., Чувашская Республика, Челябинская обл., Белгородская обл., Ульяновская обл., Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Пермский и Хабаровский края
<i>Средний уровень</i>		
29–20	23	Удмуртская Республика, Свердловская обл., Томская обл., Новосибирская обл., Омская обл., Архангельская обл., Ярославская обл., Тверская обл., Кировская обл., Калужская обл., Пензенская обл., Ивановская обл., Республика Адыгея, Владимирская обл., Алтайский край, Липецкая обл., Севастополь, Приморский край, Брянская обл., Новгородская обл., Курганская обл., Орловская обл., Оренбургская обл.
<i>Ниже среднего уровня</i>		
20–10	33	Курская обл., Республика Коми, Воронежская обл., Ставропольский край, Республика Крым, Тамбовская обл., Рязанская обл., Смоленская обл., Саратовская обл., Вологодская обл., Мурманская обл., Волгоградская обл., Ленинградская обл., Псковская обл., Камчатский край, Иркутская обл., Красноярский край, Республика Саха (Якутия), Магаданская обл., Тюменская обл., Калининградская обл., Республика Тыва, Кемеровская обл., Астраханская обл., Карачаево-Черкесская Республика, Чукотский авт. округ, Костромская обл., Кабардино-Балкарская Республика, Республика Бурятия, Краснодарский край, Еврейская авт. обл., ХМАО – Югра, Республика Карелия
<i>Низкий уровень (аутсайдеры)</i>		
10–5,2	12	Амурская обл., Республика Алтай, Республика Хакасия, Республика Калмыкия, Республика Ингушетия, Сахалинская обл., Забайкальский край, Ненецкий авт. округ, Республика Дагестан, ЯНАО, Республика Северная Осетия – Алания, Чеченская Республика

Источник: рассчитано на основе исследования.

Типологизация осуществлена путем интервальной группировки регионов, позволившей выделить относительно равные диапазоны интегрального индекса. Исключением явилась первая группа (регионы-лидеры), где максимально высокие показатели получили шесть субъектов Федерации: Республика Татарстан (68,3), Республика Мордовия

(55,0), Москва (52,6), Ростовская область (51,6), Санкт-Петербург (43,7%) и Самарская область (40,8).

Данные субъекты Российской Федерации являются регионами – локомотивами инновационной экономики страны. Именно на их территории реализуются пилотные проекты, функционируют технопарки, сосредоточен большой массив мероприятий в соответствии с реализацией Концепции технологического развития до 2030 г.⁹, Национальных проектов 2024–2030 («Новые технологии сбережения здоровья», «Инфраструктура для жизни», «Экономика данных и цифровая трансформация государства»; «Промышленное обеспечение транспортной мобильности», «Новые атомные и энергетические технологии», «Средства производства и автоматизации», «Беспилотные авиационные системы»)¹⁰.

В ходе типологизации регионов необходимо обратить внимание на то, что в самую многочисленную группу вошли 33 субъекта Российской Федерации, имеющие уровень ниже среднего. 23 региона сформировали группу, отнесенную авторами исследования к среднему уровню инновационного развития. Их общее число составило 56, или 75% от общего числа субъектов Российской Федерации, что позволяет авторам утверждать наличие большого потенциала роста инновационной экономики.

Почти одинаковые по количеству группы регионов, имеющих относительно высокий уровень и низкий (аутсайдеры). Последняя группа регионов имеет значительный потенциал для инновационного развития, который основан на их конкурентных преимуществах. Так, в Амурской области функционирует мощное газохимическое предприятие, которое предполагает использование современных инноваций. В Республике Хакасии производство электроэнергии и алюминиевая промышленность также нуждаются в использовании инновационных технологий. В регионах с преобладанием сырьевых отраслей (Сахалинская область, Забайкальский край, Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа) дальнейшее развитие добывающих производств опирается на инновации в разработке ресурсов в сложных геологических условиях. В этой же группе находятся аграрно-промышленные, туристские регионы, которые развивают свой потенциал с опорой на стратегические возможности экономического роста.

Выводы

Внедрение в экономику новейших технологий, выпуск инновационных товаров, работ и услуг способствуют росту конкурентоспособности, устойчивости в период санкционного давления, а также определенной трансформации хозяйственного уклада и национальной,

---

⁹ Правительство утвердило Концепцию технологического развития до 2030 г. // Официальный сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/news/48570/>

¹⁰ Национальные проекты // Официальный сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2641/>

и глобальной экономики. Невысокий рост значений отдельных индикаторов и интегрального индекса инновационного развития регионов Российской Федерации позволяет проявить осторожный оптимизм относительно перспектив достижения национальных целей технологически инновационной тематики, поступательной реализации направлений Концепции технологического развития на период до 2030 г. Своевременный учет результатов исследований и экспертиз по особенностям инновационного регионального развития необходим для корректировки в стратегических государственных документах соответствующих направлений и задач.

Перечислим семь главных результатов, полученных при оценке инновационного развития регионов.

1. Выявлена высокая инновационная активность субъектов Российской Федерации, имеющих значительный базовый ресурсный потенциал развития, содержащий большое количество производственных и инфраструктурных объектов с инновационным оснащением, высокую численность высококвалифицированных профессионалов, диверсифицированную экономику, мощный человеческий капитал. К их числу относятся регионы Приволжского (Республика Татарстан, Республика Мордовия, Самарская область), Центрального (Москва), Южного (Ростовская область), Северо-Западного (Санкт-Петербург) федеральных округов.

2. В топ-10 по интегральному индексу инновационного развития вошло четыре региона Приволжского федерального округа: Республика Татарстан, Самарская область, Пермский край, Республика Башкортостан. Регионы округа лидируют по темпам роста индикаторов инновационного развития.

3. Регионы Приволжского и Центрального федеральных округов имеют более высокий уровень положительной динамики показателей инновационного развития, чем общероссийские; исследование за 2018–2023 гг. подтверждает данный тренд.

4. Определено снижение в 2023 г. среднего значения по России индикатора «инновационная активность организаций в федеральных округах Российской Федерации». Среднее значение по России в 2018 г. составляло 12,8%, в 2023 – 11,3%.

5. Преимущества в инновационном развитии регионов России в настоящее время получают регионы, где расположены предприятия высокотехнологичных секторов экономики. К ним относят так называемые сектора высшего уровня (производство синтетических материалов, биотехнологии, робототехника, информатика, астронавтика), в обрабатывающем секторе – производство электроники, радиоаппаратуры, машиностроение, фармацевтика, которые производятся на территории субъектов практически всех федеральных округов.

6. Тренд незначительного выравнивания дифференциации регионов Российской Федерации по инновационному развитию имеет следующие причины: влияние цифровизации социально-экономиче-

ского пространства; положительная результативность государственной политики технологического развития страны, в т.ч. в сегменте национальной технологической безопасности.

7. Оживление инновационной и инвестиционной активности, способствует наращиванию передовых производств, расширению диверсификации экономики, снижению трудовой миграции.

Список литературы

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. Раздел 19. Наука и инновации. 2024: статистический сборник / Росстат. М., 2024. 1081 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.pdf

2. Наука, инновации и технологии // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science>

3. Государственная статистика. Удельный вес организаций осуществлявших технологические инновации в общем числе обследованных организаций с 2017 г. // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58765>

References

1. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. Razdel 19. Nauka i innovatsii. 2024: statisticheskii sbornik [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. Section 19. Science and Innovation. 2024: Statistical Collection], Rosstat. Moscow, 2024, 1081 p. (In Russ.). Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.pdf

2. Nauka, innovatsii i tekhnologii [Science, Innovation and Technology], *Federal'naiia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science>

3. Gosudarstvennaia statistika. Udel'nyi ves organizatsii osushchestvlyavshikh tekhnologicheskie innovatsii v obshchem chisle obsledovannykh organizatsii s 2017 g. [State Statistics. The Share of Organizations Implementing Technological Innovations in the Total Number of Surveyed Organizations Since 2017], *EMISS* [EMISS]. (In Russ.). Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/58765>

TECHNOLOGICAL AND INNOVATIVE DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS

The regional cross-section of research into the innovative space of Russia is important for developing organizational and investment decisions for the state and business. Innovative development of regions in 2017–2023 was built in accordance with the specific characteristics of the macroeconomy of the Russian Federation, as well as the formed system of priorities of the national economy, reflected in regulatory documents, state regulations on scientific and technological issues. The analysis of the indicators of the functioning of technological and innovative systems made it possible to determine the levels of innovative development of the economies of the constituent entities of the Russian Federation and compile a typology based on the innovative development index. The group of leading regions included constituent

entities of the Russian Federation with powerful scientific and production potential; the group of outsider regions is represented by regions that are the least developed in technological and innovative aspects.

Keywords: regional development, indicators of innovative development, index of innovative development, typology of innovative development of regions, leading regions, outsider regions.

JEL: C43, P25, R11, O33

Дата поступления – 22.04.2025

Принята к печати – 17.06.2025

ЗУНДЭ Виктория Викторовна

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры национальной и региональной экономики;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 117997.

e-mail: Zunde.VV@rea.ru

АРХИПОВА Лидия Сергеевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры национальной и региональной экономики;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 117997.

e-mail: Arkhipova.LS@rea.ru

ZUNDE Victoria V.

Dr. Sc. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Department of National and Regional Economics;

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “Plekhanov Russian University of Economics” / 36, Stremyanny lane, Moscow, 109992.

e-mail: Zunde.VV@rea.ru

ARKHIPOVA Lidiya S.

Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor of the Department of National and Regional Economics;

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “Plekhanov Russian University of Economics” / 36, Stremyanny lane, Moscow, 109992.

e-mail: Arkhipova.LS@rea.ru

Для цитирования:

Зундэ В.В., Архипова Л.С. Технологически инновационное развитие российских регионов // Федерализм. 2025. Т. 30. № 2 (118). С. 144–159. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2025-2-144-159>

Д.В. ВАСИЛЕНКО

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

К числу задач, которые на современном этапе необходимо решить Российской Федерации, относится формирование системы механизмов вхождения в ее состав новых регионов. Одним из них является Донецкая Народная Республика. В свою очередь разработка таких механизмов невозможна без тщательного анализа социально-экономической ситуации в регионе. При ином варианте велики риски того, что будут обойдены вниманием ограничения процесса интеграции его экономики, социальной сферы и социума в общероссийское экономическое и правовое пространство. В статье предпринята попытка осуществления такого анализа. На его основе автором формулируются некоторые предложения по развитию экономики Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: Донецкая Народная Республика, развитие экономики, регион, экономическое пространство, территория, анализ.

JEL: R11, R23, R30

Территориально Донецкая Народная Республика (далее – ДНР, Республика) расположена на западе Российской Федерации и граничит с Днепропетровской, Запорожской, Харьковской областями Украины, ЛНР, Ростовской областью Российской Федерации, имея на юге выход к Азовскому морю. По состоянию на январь 2025 г. ДНР контролирует около 15 тыс. км² из общей площади Республики (согласно Конституции ДНР ее площадь – 26,51 тыс. км²).

Население и рынок труда

По данным Донецкстата, по состоянию на 1 января 2025 г. в Республике проживают 2,936 млн чел. наличного населения и 2,218 млн чел. постоянных жителей (см. табл. 1)¹.

---

¹ Постоянное и наличное население – взаимодополняемые показатели, используемые в статистике для учета численности населения на заданной территории. Их различие заключается в том, что наличное население – это численность людей, фактически находящихся на искомой территории в исследуемый промежуток времени вне зависимости от места их постоянного проживания. К данной категории можно отнести не только жителей, но и туристов, командированных и пр. При этом к постоянному населению можно отнести людей, постоянно проживающих на искомой территории вне зависимости от их местоположения в исследуемый промежуток времени.

Т а б л и ц а 1

Динамика численности постоянного и наличного населения ДНР, млн чел.

Показатели	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Численность наличного населения	2,339	2,318	2,303	2,300	2,283	2,274	2,223	2,255	2,456	2,936
Численность постоянного населения	2,322	2,326	2,306	2,293	2,270	2,260	2,204	2,214	2,121	2,218
Городское население	2,215	2,225	2,194	2,182	2,166	2,147	2,098	2,095	2,015	2,107
Сельское население	0,107	0,101	0,112	0,111	0,104	0,113	0,106	0,119	0,106	0,111

Источник: составлено по: [1; 2].

В период с 2015 по 2024 г. в ДНР наблюдалась неравномерная динамика изменения численности наличного населения [3]. Если вплоть до 2021 г. было отмечено снижение значений данного показателя: с 2,339 млн чел. в 2015 г. до 2,223 млн чел. в 2021 г. (снижение – 0,113 млн чел., или 5%), то с 2022 г., наблюдался рост. В 2022 г. прирост составил 0,032 млн чел., или 1,4% (2,255 млн чел.); в 2023 – 0,201 млн чел., или 8,9% (2,456 млн чел.); в 2024 – 0,480 млн чел., или 19,5% (2,936 млн чел.). Иными словами, *численность наличного населения ДНР снижалась вплоть до ее признания Российской Федерацией* и вхождения в состав последней.

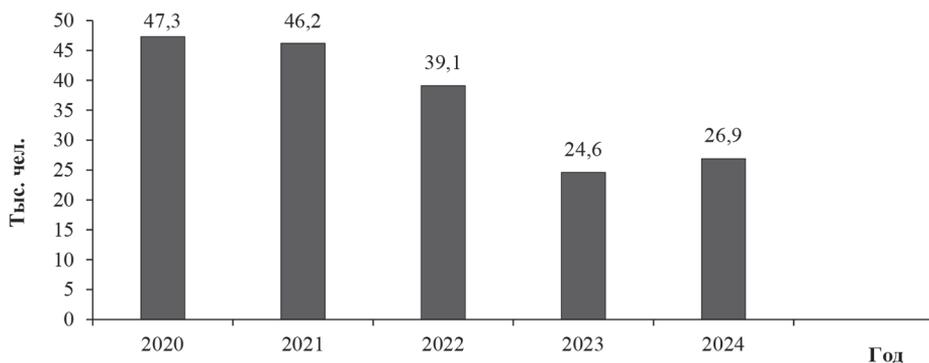
Удельный вес городского населения в Республике составляет около 95%. При этом ДНР, как и большая часть России, столкнулась с такой проблемой, как *вымирание сельских территорий*. Данная проблема носит комплексный характер [4]. Вопреки значительным финансовым вливаниям в сельскохозяйственный сектор за последние годы не наблюдается рост численности сельского населения.

Несмотря на достаточно благоприятную динамику, наблюдающуюся у численности наличного населения, *численность постоянного населения с 2014 по 2024 г. снижается*. Это результат тяжелейших последствий военного конфликта, активизация которого наблюдалась в 2021–2022 гг., а также экономического кризиса и социальной дезорганизации.

Таким образом, ситуация с численностью постоянного населения в Республике свидетельствует не просто о демографическом спаде, а о *глубокой гуманитарной катастрофе*, породившей дефицит трудовых ресурсов и потерю человеческого капитала. Причины этого очевидны: в указанный период времени общество столкнулось с рядом вызовов экономического, социального, политического и военного характеров (продолжающиеся боевые действия, экономическая блокада со стороны Украины, непризнанный статус Республики, кризис социальной сферы, недоверие к властям и пр.). Все эти факторы в своей совокупности стали

причиной массового оттока населения и ухудшения демографической ситуации [5]. Вхождение в состав России дает потенциал для стабилизации ситуации, но для полного восстановления региона потребуются значительные инвестиции, долгосрочные стратегии и комплексные меры.

Перечисленное не могло не сказаться негативно на ситуации на рынке труда. Закрытие значительного количества предприятий, разрушение инфраструктуры, сопровождается оттоком квалифицированных кадров трудоспособного возраста [6]. Корректность этого утверждения подтверждает динамика изменений количества вакансий в ДНР (см. рис. 1).

Рис 1. Динамика изменений количества вакансий в Республиканском центре занятости ДНР

Источник: составлено по: [7].

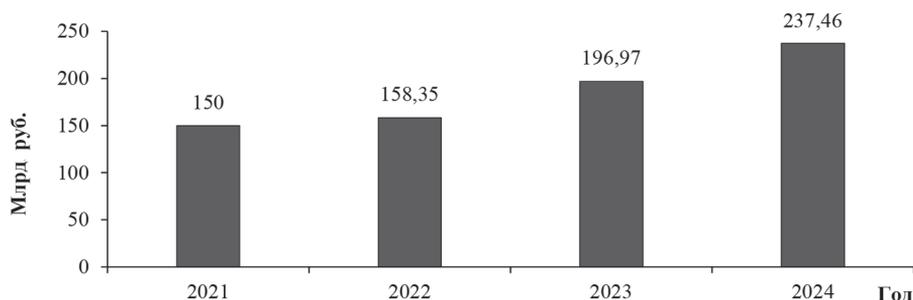
Как показано на рисунке 1, с 2020 по 2023 г. количество вакансий в Республике неуклонно снижалось (до минимального значения в 39,1 тыс. вакансий в 2023 г.), что лишь подтверждает наличие ряда проблем на рынке труда.

Динамика изменения ВРП

Отсутствие официальных данных относительно объемов ВРП ДНР до 2021 г., а также очевидные сложности сбора достоверной информации не позволяют представить полную картину состояния промышленного потенциала ДНР [8]. Однако можно говорить, что в период с 2015 по 2021 г. объем ВРП Республики находился на достаточно низком уровне, что стало результатом уничтожения производственных мощностей, нарушения налаженных годами экономических цепочек и связей, сокращения численности трудовых ресурсов, снижения инвестиционной активности и привлекательности региона, а также падения потребительского спроса.

Согласно прогнозам, «исходя из тенденций развития экономики Донбасса в период 2014–2023 гг. можно предположить, что на среднесрочную перспективу существует вероятность реализации инерционного сценария неравномерного роста» [9], когда ежегодные темпы прироста объемов ВРП будут значительно варьироваться. Однако данный прогноз не подтвердился. По крайней мере, в полном объеме. Как показано

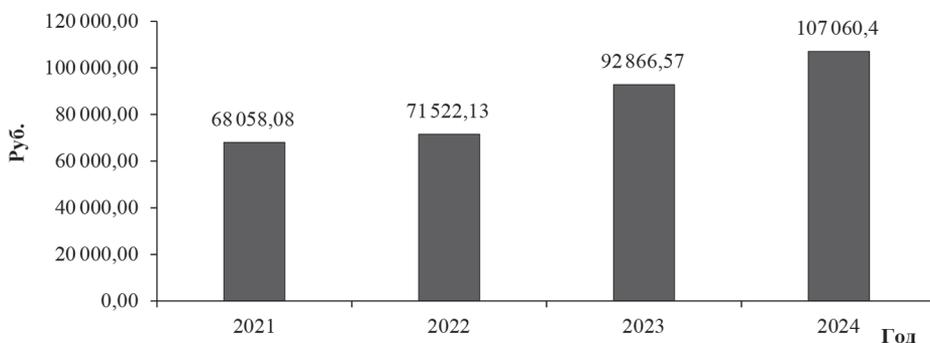
на *рисунке 2*, с 2021 г. ВРП Республики вырос со 150 млрд руб. в 2021 г. до 237,46 млрд руб. в 2024 г. Рост составил 87,46 млрд руб., или 159,3%.

Рис. 2. Динамика изменений ВРП Донецкой Народной Республики

Источник: составлено по: [1; 2].

Показатели ВРП в Республике за 2023 г. (ранее данные не собирались Росстатом на территории ДНР) только проходят процесс обработки². Таким образом, наиболее четкая картина, отображающая уровень эффективности функционирования территориальных хозяйственных комплексов и управленческой деятельности, сможет появиться только в середине 2025 г. Поэтому на *рисунке 3* мы представляем собственные расчеты динамики ВРП на душу населения ДНР на основе доступной нам статистики.

Рис. 3. Динамика изменений ВРП Донецкой Народной Республики на душу населения

Источник: составлено по: [1; 2].

² С момента вхождения ДНР в состав Российской Федерации на территории Республики произошли изменения в методах сбора и обработки статистической информации. Действующая методология Госслужбы статистики ДНР *утратила свою актуальность* из-за необходимости внедрения подходов Росстата. Поскольку Республика стала одним из субъектов Российской Федерации, то для возможности сопоставления с другими регионами применение разных методологий расчета статистических данных недопустимо. Использование ранее собираемых данных Госслужбой статистики ДНР нецелесообразно, потому что в них отсутствуют показатели сектора государственного управления. Если по остальным субъектам он известен (≈3,1–49%) и обязателен для оценки ВРП, то в ДНР он будет рассчитан впервые. Не менее важны и ожидаемы статистические показатели основного капитала и региональных балансов основных фондов ДНР.

Анализ изменения значений ВРП на душу населения ДНР за отчетный период показал, что в 2022 г. наблюдался рост данного показателя на 3 464,05 руб./чел., или 105,08%, с 68 058,08 руб./чел. в 2021 г. до 71 522,13 руб./чел. в 2022 г. Аналогичная ситуация была и в 2023 г. (рост составил 21 344,44 руб./чел., или 129,84 %), и в 2024 г. (рост составил 14 193,83 руб./чел., или 115,28 %), т.е. данный показатель принял следующие значения: 92 866,57 руб./чел. и 107 060,4 руб./чел. соответственно.

Таким образом, в ДНР будет наблюдаться рост ВРП, во-первых, вследствие улучшения условий жизни населения (повышения заработной платы, социальных пособий и пенсий, спроса на товары и услуги). Во-вторых, по причине развития экономики, что приведет к созданию новых рабочих мест, повышению уровня жизни. Следует также ожидать повышения таких важных социальных показателей, как рост продолжительности жизни населения, улучшение жилищных условий, оптимизация и диверсификация системы образования и др.

Динамика изменения заработной платы

Проведенная в 2024 г. Министерством экономического развития ДНР оценка годового темпа прироста средней заработной платы сотрудников бюджетной и внебюджетной сфер [10], показала, что годовой темп прироста:

- данного показателя у сотрудников бюджетной сферы в 2024 г. составил 55,9% (при значении в 27,1% в 2023 г.);
- средней заработной платы сотрудников внебюджетной сферы в 2024 г. составил 56,3% (при значении в 35,3% в 2023 г.).

Следует отметить, что за весь период существования Республики наблюдался *ежегодный рост средней заработной платы*. При этом значительный рост наблюдался после ее вхождения в состав Российской Федерации. В 2022 г. размер средней заработной платы составлял 25 698 руб., что на 7 392 руб. (или на 40,38%) больше, чем в 2021 г. По сравнению с 2022 г. в 2024 г. размер средней заработной платы вырос практически в два раза – с 25 698 руб. в 2022 г. до 52 409 руб. С 1 января 2024 г. минимальный размер оплаты труда составил 19 242 руб. в месяц.

Среднемесячная начисленная заработная плата всех работников предприятий, учреждений и организаций Республики в 2024 г. по сравнению с 2023 г. увеличилась на 36,2% и составила 52 572,8 руб. Наибольший рост отмечается в следующих сферах: строительстве в 2,1 раза (105 811,9 руб.); транспортировке и хранении в 1,9 раза (56 051,1 руб.); деятельности по операциям с недвижимым имуществом на 72,8% (44 173,1 руб.); деятельности гостиниц и предприятий общественного питания на 61,8% (46 003,7 руб.); торговле оптовой, розничной, ремонте автотранспортных средств и мотоциклов на 57,7% (48 292,4 руб.); деятельности в области информации и связи на 55,6% (70 199,1 руб.); деятельности административной и сопутствующих дополнительных услугах на 52,3% (39 889,8 руб.); государственном управлении и обе-

спечении военной безопасности, социальном обеспечении на 39,8% (73 175,1 руб.); финансовой и страховой деятельности на 36,5% (93 301,2 руб.); профессиональной, научной и технической деятельности на 28,1% (57 177,5 руб.).

Рост среднемесячной начисленной заработной платы в сфере промышленности в 2024 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года составил 43,5% (56 161,1 руб.). Наибольшее увеличение зафиксировано в обрабатывающих производствах – на 53,8% (55 628,9 руб.).

Наибольший уровень среднемесячной начисленной заработной платы работников к среднему уровню по экономике в 2024 г. установлен в строительстве в два раза; в финансовой и страховой деятельности – на 77,5%; государственном управлении и обеспечении военной безопасности, социальном обеспечении – на 39,8%; в деятельности в области информации и связи – на 33,5%.

Среди городских и муниципальных округов наибольший уровень среднемесячной начисленной заработной платы всех работников к среднему уровню по экономике зафиксирован в Старобешевском муниципальном округе на 11,9% (58 825,7 руб.); в городском округе Мариуполь на 10,7% (58 182,5 руб.); в Иловайском городском округе на 10,2% (57 952,3 руб.); в Донецком городском округе на 7,7% (56 608,2 руб.); в Шахтерском муниципальном округе на 4,3% (54 810,6 руб.); в Ясиноватском муниципальном округе на 4,2% (54 799,7 руб.).

Поскольку средний размер заработной платы по Республике составляет 56 161,1 руб., то ниже этого значения заработная плата наблюдается в Володарском муниципальном округе (41 816 руб.) и городском округе Снежное (43 332,2 руб.); в Докучаевском городском округе (43 362,6 руб.); в Волновахском муниципальном округе (44 068,1 руб.); в Тельмановском муниципальном округе (45 027,3 руб.) и Горловском городском округе (45 859,6 руб.); в Амвросиевском муниципальном округе (45 932,5 руб.); Макеевском городском округе (46 019,5 руб.); в Мангушском муниципальном округе (47 058,7 руб.) и городском округе Дебальцево (47 349,5 руб.); в городском округе Харцызск (47 469,7 руб.); в Новоазовском муниципальном округе (47 643,9 руб.); в городском округе Торез (48 236,2 руб.) и городском округе Енакиево (50 127,5 руб.).

Переломным моментом в повышении качества жизни населения Республики стало установление минимального размера оплаты труда (МРОТ) в размере 6 065 руб. в январе 2020 г. Именно МРОТ лег в основу формирования общереспубликанских норм оплаты труда. «При этом важно отметить, что существует значительная дифференциация в оплате труда по отраслевому и территориальному признаку. В разрезе городов Республики в 2023 г. заработную плату выше среднего получают в 8-ми из 17-ти городов, что можно объяснить диспропорциональным расположением действующих промышленных предприятий, недостаточным количеством рабочих мест, высоким уровнем безработицы и низкооплачиваемой работой. Следовательно, можно говорить о недостаточном уровне качества жизни» [11].

Производственный потенциал ДНР

Вплоть до 2014 г. Донецкая область входила в число *наиболее развитых промышленных регионов Украины*. Так, 2000 ее предприятий, представлявших 150 различных отраслей промышленности, обеспечивали 23% экспортных поступлений Украины. Донецкая область давала 18,5% общего объема производства промышленной продукции, а на ее территории располагалось 19,7% обрабатывающих промышленных предприятий страны [12].

Приток прямых иностранных инвестиций за период с 2008 по 2013 г. в экономику Донецкой области возрос в 3,7 раза (в целом по Украине они выросли на 2,65%).

Ведущую роль в экономике Донецкой области играла угольная промышленность, в которой насчитывалось 95 шахт и 25 обогатительных фабрик. Электроэнергетическая отрасль была представлена мощностью в 10,2 тыс. МВт и обеспечивала энергоснабжением не только Донецкую область, но и другие регионы Украины. Предприятия черной металлургии были представлены 7 производствами; среди них можно выделить 4 трубных предприятия и 3 металлургических завода [11]. В число 16 предприятий коксохимической отрасли, входили флюсодобывающие и огнеупорные предприятия и заводы. Также действовали предприятия цветной металлургии, занимающиеся производством свинца, прокатом цветных металлов, ртути. Среди значимых отраслей выделим химическую отрасль, представленную 23 предприятиями различных направлений (минеральные удобрения, аммиак, полистирол, кислоты и товары бытовой химии), а также фармацевтическими товарами. Машиностроение к 2014 г. было представлено 152 промышленными предприятиями. Таким образом, можно сказать, что этап своей независимости Донецкая Народная Республика встретила со значительным экономическим потенциалом.

Как показано в *таблице 2*, после 2014 г. доля **металлургической отрасли** значительно снизилась в общем объеме промышленности Республики: с 36,4% в 2019 г. до 22,4% в 2024 г., или на 16,8%³. При этом *доля остальных отраслей промышленности выросла*. Максимальный рост наблюдался у производства электроэнергии, газа, пара и кондиционированного воздуха – 120,95%. Также значительный рост наблюдался у пищевой промышленности (108,8%). Минимальный же рост наблюдался у легкой промышленности (100,8%).

На *рисунке 4* отображена структура индекса промышленного производства ведущих отраслей хозяйственного комплекса Республики по состоянию на конец 2024 г. Он показывает, что машиностроение ДНР переживает возрождение после начала процесса его интеграции в общероссийский промышленный комплекс.

---

³ Металлургический комплекс Донбасса включает в себя заводы, занимающиеся металлургией, коксохимией и обработкой металла [11].

Т а б л и ц а 2

Динамика изменений промышленности ДНР в 2019–2024 гг., %

Отрасли	2019	2024
Металлургическое производство, производство готовых металлических изделий кроме машин и оборудования	36,4	22,4
Коксохимическое производство	6,8	10,2
Машиностроение	2,4	3,8
Производство и поставки электроэнергии, газа, пара и кондиционированного воздуха	27,35	48,3
Ресурсодобывающие отрасли	9	10,5
Пищевая промышленность и производство табачных изделий	12,5	21,7
Легкая промышленность	0,1	0,9
Иные отрасли	5,45	4

Источник: составлено по: [1; 13].

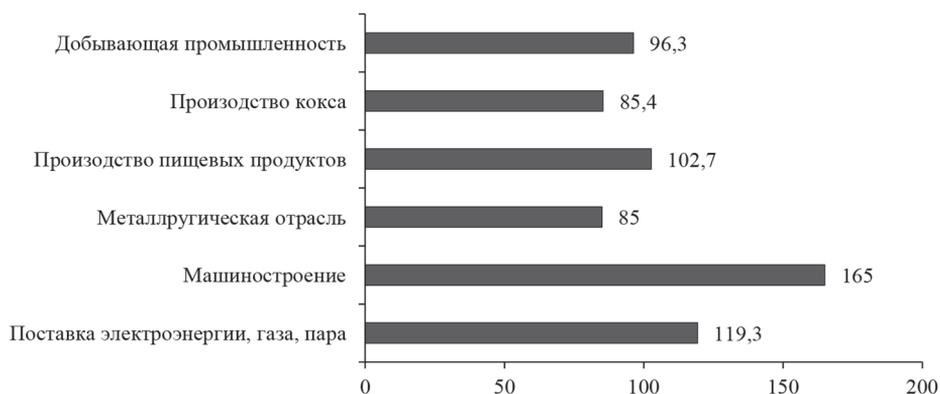

Рис. 4. Структура индекса промышленного производства отраслей экономики ДНР за 2024 г., в %

Источник: составлено автором по: [1; 13].

При этом такие столпы, как металлургия и производство кокса, переживают не лучшие времена. Индекс промышленного производства первой в 2024 г. составлял 85%, что немногим меньше, чем производства кокса – 85,4%. Данное обстоятельство свидетельствует о необходимости не только модернизации производственных мощностей, но и *их восстановления*, что усложняется их высокой капиталоемкостью, скоростью износа и значительной скоростью амортизации. Однако введение в строй Юзовского металлургического завода в 2020 г. и начало производства готовой продукции создает достаточно благоприятный тренд для развития данной отрасли.

Украинский кризис, начавшийся в 2014 г. и переросший в вооруженный конфликт, привел к серьезным последствиям в **угольной отрасли**. Значительная часть шахт осталась под контролем украинских властей, в то время как другие, расположенные вблизи линии фронта, были вынуждены прекратить работу из-за опасности. Это привело к многократному сокращению объемов добычи угля, что негативно сказалось на энергетической безопасности и экономике региона. Кризис в угледобывающей отрасли *стал одним из ключевых факторов*, определяющих экономические трудности, возникшие в результате конфликта [6].

Угольная промышленность традиционно является краеугольным камнем экономики Донецкой Народной Республики, исторически концентрируясь во внутригородских районах, таких как Киевский район Донецка, Горняцкий район Макеевки, г. Шахтерск, г. Кировское, где доминируют предприятия ГУП ДНР «Макеевкуголь», ООО «Горняк-95» и ООО «Углеком».

Официальная статистика демонстрирует парадоксальную картину. Из 16 шахт государственного сектора потенциально способны добывать уголь 10, однако *фактически добыча ведется лишь на двух*. Этот диссонанс отражает не только прямое воздействие боевых действий на инфраструктуру, но и системные проблемы, препятствующие эффективной эксплуатации даже сохранившихся производственных мощностей. При этом значительные запасы угля, которыми располагают шахты «Шахтерская-Глубокая» и «Комсомолец Донбасса» (по 130 млн т.), шахты «Прогресс» (94 млн т.) и им. Челюскинцев (84 млн т.), остаются в значительной степени нереализованными [13].

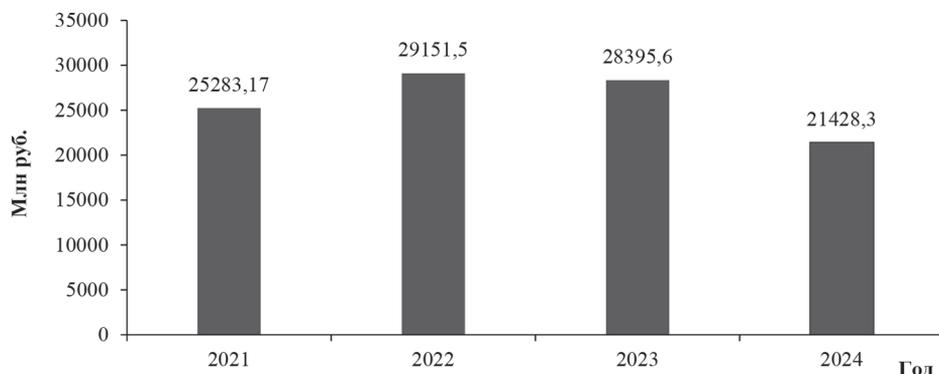
Критическое состояние основных фондов — ключевая проблема угольной отрасли. Более 96% угледобывающих предприятий нуждаются в срочной реконструкции: две трети из 7 тыс. единиц основного стационарного оборудования выработали свой ресурс. Этот фактор, наряду с экономическими ограничениями, оказывает непосредственное влияние на объемы добычи угля.

Из этого следует, что без масштабной модернизации и внедрения новых технологий дальнейшее функционирование отрасли в текущем формате представляется *малоэффективным и потенциально опасным*.

Не стоит забывать и о критической роли угольной промышленности в обеспечении энергетической безопасности региона. Около 90% добываемого угля используется для работы Старобешевской и Зуевской ТЭС, обеспечивающих электроэнергией значительную часть ДНР. В этой связи необходимо учитывать экологические последствия эксплуатации угольных электростанций и рассматривать возможность перехода к более чистым источникам энергии в долгосрочной перспективе.

В последнее время наблюдается неравномерный тренд развития **агропромышленного комплекса**. После вхождения в состав Российской Федерации объем продукции сельского хозяйства, произведенной на территории ДНР, вырос на 15,3%: с 25 283,17 млн руб. в 2021 г. до 29 151,5 млн руб. в 2022 г. (см. рис. 5).

Как показано на *рисунке 5*, несмотря на значительный рост в 2022 г., в последующие периоды наблюдалось снижение данного показателя. В 2023 г. оно составило 755,9 млн руб., или -2,6 %, в 2024 г. – 6 967,3 млн руб., или -24,54 %.

Рис. 5. Динамика объемов продукции сельского хозяйства, произведенной в ДНР

Источник: составлено по: [1; 2].

Снижение объемов продукции сельского хозяйства свидетельствует о наличии ряда проблем в агропромышленном комплексе, требующих комплексного подхода и скоординированных усилий со стороны государства, Республики, бизнеса и общества. Предотвращение и преодоление проблемных ситуаций является важным условием для обеспечения республиканской продовольственной безопасности, ее экономического развития, а также социальной стабильности.

Результаты анализа изменений **количества предприятий** в ДНР (см. *табл. 3*) показали, что после вхождения ДНР в состав Российской Федерации общее количество предприятий значительно выросло – со 108 в 2021 г. до 931 в 2022 г. Дальнейший рост их количества (до 45 526 в 2023 г. и 53 427 в 2024 г.) свидетельствует о росте экономики Республики, развитии малого и среднего предпринимательства, создании большого количества новых рабочих мест, улучшении качества инфраструктуры и пр.

Т а б л и ц а 3

Динамика изменений количества предприятий в ДНР, ед.

Показатели	2020	2021	2022	2023	2024
Количество предприятий, всего	58	108	931	45 526	53 427
Количество юридических лиц	4	4	822	4 380	7 644
Количество физических лиц	54	104	109	41 146	45 783

Источник: составлено автором по [1; 2].

На данный момент в Республике действуют 1 258 промышленных предприятий, удельный вес которых в общей структуре промышленности составляет 14,8%. По данным Министерства экономического развития ДНР, общий объем реализованной промышленной продукции предприятиями за 2024 г. увеличился на 36,9% по сравнению с аналогичным периодом 2020 г., индекс промышленного производства в целом по промышленности составил 112,7%. Этот рост – прямое следствие увеличения предпринимательской активности в регионе, роста конкуренции и значительных вливаний инвестиций в экономику Республики.

Подведем итоги краткого анализа производственного потенциала Республики.

1. Ее добывающая промышленность столкнулась с беспрецедентными вызовами: значительными разрушениями производственных мощностей, полученными в ходе боевых действий; острой нехваткой высококвалифицированных работников; низким объемом товарооборота по причине разрушения логистических путей; высоким уровнем износа оборудования и инструмента и пр. При этом наблюдаются положительные тенденции: увеличение объемов добычи угля; введение в эксплуатацию новых лав; снижение долговой нагрузки по заработной плате (особенно после 2023 г.); обеспечение местного населения углем в объемах, необходимых для нормального существования и ведения домашнего хозяйства.

2. Металлургия столкнулась со значительным износом основных фондов, а также неэффективным использованием топливно-энергетических ресурсов, поставляемых в Республику из других регионов Российской Федерации. Из-за значительной зависимости от внешних рынков сбыта металлургия не успела адаптироваться к новым условиям в процессе интеграции промышленности Республики в общероссийский промышленный комплекс, что делает ее продукцию менее конкурентоспособной. Однако органы региональной власти находятся в постоянном контакте с представителями данной отрасли, что позволило реализовать ряд мероприятий, направленных на улучшение качества производимой продукции. Одно из них – развитие центров по подготовке соответствующих специалистов. В самой же отрасли началось применение технологий переработки вторичных ресурсов, включая производственные отходы.

3. Машиностроение, несмотря на значительный рост показателей объемов производимой продукции, столкнулось с невозможностью заменить наличное производственное оборудование на более новое и совершенное. Отмечаются также низкая инвестиционная привлекательность отрасли, высокая доля разрушенных мощностей, недостаточный уровень заработной платы, нехватка квалифицированных кадров и пр. При этом вхождение ДНР в состав Российской Федерации позволило решить ряд проблем путем открытия нового рынка сбыта готовой продукции, проведения курсов повышения квалификации для работников, создания

значительного количества новых рабочих мест, перехода на общемировые стандарты в технологическом процессе.

4. Химическая промышленность стала причиной усугубления состояния местной экологии. Низкий уровень экологической безопасности в отрасли связан с низким уровнем ее финансового обеспечения со стороны республиканских властей. Однако высокая конкурентоспособность производимой продукции, высокий спрос на нее, а также географическое расширение рынков сбыта на всю территорию Российской Федерации держат отрасль на плаву.

5. Доля легкой промышленности в Республике была незначительной и в период независимости, и после вхождения в состав Российской Федерации. Это связано, во-первых, с отсутствием необходимого сырья и материалов, во-вторых, со снижением объемов спроса. При этом проведение СВО внесло свою лепту в развитие отрасли: заказ на производство экипировочного обмундирования обеспечил создание новых рабочих мест и задействование максимального объема наличных производственных мощностей.

6. Пищевая промышленность столкнулась с такими вызовами, как рост стоимости сырья, что привело к росту стоимости готовой продукции, а также износ материальной базы и низкий уровень квалификации кадров. Решение данных проблем возможно за счет разработки и реализации пищевых кластеров, стимулирования представителей предпринимательской сферы, диверсификации производимой продукции, повышения качества готовой продукции, увеличения рынков сбыта.

7. Текущее состояние агропромышленного комплекса определяют низкая урожайность из-за продолжающихся боевых действий, большая площадь заминированных территорий, невозможность осуществления импорта продукции из-за высокой стоимости. Решение данных проблем может лежать в плоскости задействования современных технологий в технологических и производственных цепочках, разминировании территорий (для этого необходимо завершение боевых действий), расширении рынков сбыта готовой продукции, восстановлении логистической инфраструктуры.

Таким образом, несмотря на различного рода вызовы, с которыми столкнулась промышленность ДНР, ее восстановление с дальнейшим развитием возможно за счет государственной поддержки, обеспечения безопасности, восстановления инфраструктуры, привлечения значительного объема инвестиций, развития новых отраслей экономики, поддержки малого и среднего бизнеса, решения ряда социальных и экологических проблем.

Заключение

Результаты анализа основных параметров социально-экономического развития Донецкой Народной Республики показали, что в настоящее время регион находится в переходном периоде, связанном

с интеграцией в экономическое пространство Российской Федерации. Эта интеграция – трудоемкий и долгий по времени процесс, требующий не только приведения республиканского законодательства в соответствие с общероссийским, но и решения большого числа экономических, инфраструктурных, логистических и иных задач.

Список литературы

1. Прогноз социально-экономического развития ДНР на 2025 г. и на плановый 2026 и 2027 гг. URL: https://donetsk.gosuslugi.ru/ofitsialno/dokumenty/dokumenty-all_955.html
2. Показатели социально-экономического развития ДНР // Министерство экономического развития ДНР. URL: <https://mer.gov-dpr.ru/>
3. Карпов Е.В. Разработка стратегических приоритетов развития города // Стратегия развития экономики. 2009. № 10 (43). С. 39–47.
4. Сачук Т. Новое качество региональной политики в контексте сочетания интересов государства и территории // Федерализм. 2005. № 1. С. 117–128.
5. Василенко В.Н. Конкурентоспособность регионов: истоки, оценки и перспективы. Донецк: ООО «Юго-Восток, ЛТД», 2008. 363 с.
6. Стратегический анализ социально-экономического развития регионов: принципы, основные направления, проблемы / под ред. В.Л. Гневко, В.Е. Рохчина. СПб.: ИРЭ РАН, 2004. 285 с.
7. Вакансии в Донецкой Народной Республике // Республиканский центр занятости ДНР. URL: <https://rcz-dnr.ru/ryinok-truda-s-nachala-2025-goda-po-20250119.html>.
8. Мяснянкина О.В., Преображенский Б.Г., Жиляков И.Н. Оценка потенциала социально-экономического развития муниципального образования // Регион: системы, экономика, управление. 2018. № 2 (41). С. 40–46.
9. Половян А.В., Лепя Р.Н., Гринеvская С.Н. Промышленный суверенитет и развитие новых регионов России // Проблемы прогнозирования. 2024. № 2. С. 61–72.
10. Астафичев П.А. Территориальные основы местного самоуправления как объект правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 4. С. 27–28.
11. Трубочанин В.В., Курносова О.А. Повышение инновационной активности в промышленности в рамках стратегии социально-экономического развития Донецкой Народной Республики // Теория и практика общественного развития. 2023. № 8 (184). С. 113–121.
12. Безуглая Т.В. Диагностика и прогнозирование устойчивости персонала предприятия // Экономика и банки. 2019. № 1. С. 51–60.
13. Экономика Донецкой Народной Республики: состояние, проблемы, пути решения: коллективная монография / под науч. ред. А.В. Половяна. Донецк: ГБУ «Институт экономических исследований», 2023. 420 с.

References

1. Prognoz sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia DNR na 2025 g. i na planovyi 2026 i 2027 gg. [Forecast of Socio-Economic Development of the DPR for 2025 and for the Planned 2026 and 2027]. (In Russ.). Available at: https://donetsk.gosuslugi.ru/ofitsialno/dokumenty/dokumenty-all_955.html
2. Pokazateli sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia DNR [Indicators of Socio-Economic Development of the DPR], *Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiia DNR* [Ministry of Economic Development of the DPR]. (In Russ.). Available at: <https://mer.gov-dpr.ru/>
3. Karpov E.V. Razrabotka strategicheskikh prioritetrov razvitiia goroda [Development of Strategic Priorities for City Development], *Strategiia razvitiia ekonomiki* [Strategy for Economic Development], 2009, No. 10 (43), pp. 39–47. (In Russ.).
4. Sachuk T. Novoe kachestvo regional'noi politiki v kontekste sochetaniia interesov gosudarstva i territorii [New Quality of Regional Policy in the Context of Combining the Interests of the State and Territory], *Federalizm* [Federalism], 2005, No. 1, pp. 117–128. (In Russ.).
5. Vasilenko V.N. Konkurentosposobnost' regionov: istoki, otsenki i perspektivy: monografiia [Competitiveness of Regions: Sources, Assessments and Prospects]. Donetsk, OOO "Iugo-Vostok, LTD", 2008, 363 p. (In Russ.).
6. Strategicheskii analiz sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia regionov: printsipy, osnovnye napravleniia, problemy [Strategic Analysis of Socio-Economic Development of Regions: Principles, Main Directions, Problems], edited by V.L. Gnevko, V.E. Rokhchin. Saint-Petersburg, IRE RAN, 2004, 285 p. (In Russ.).
7. Vakansii v Donetskoi Narodnoi Respublike [Vacancies in the Donetsk People's Republic], *Respublikanskii tsentr zaniatosti DNR* [Republican Employment Center of the DPR]. (In Russ.). Available at: <https://rcz-dnr.ru/ryinok-truda-s-nachala-2025-goda-po-20250119.html>.
8. Myasnyankina O.V., Preobrazhenskii B.G., Zhilyakov I.N. Otsenka potentsiala sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia munitsipal'nogo obrazovaniia [Assessing the Potential of Socio-Economic Development of a Municipality], *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie* [Region: Systems, Economy, Management], 2018, No. 2 (41), pp. 40–46. (In Russ.).
9. Polovian A.V., Lepa R.N., Grinevskaia S.N. Promyshlennii suverenitet i razvitiie novykh regionov Rossii [Industrial Sovereignty and Development of New Regions of Russia], *Problemy prognozirovaniia* [Problems of Forecasting], 2024, No. 2, pp. 61–72. (In Russ.).
10. Astafichev P.A. Territorial'nye osnovy mestnogo samoupravleniia kak ob"ekt pravovogo regulirovaniia [Territorial Foundations of Local Self-Government as an Object of Legal Regulation], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe parvo* [Constitutional and Municipal Law], 2016, No. 4, pp. 27–28. (In Russ.).
11. Trubchanin V.V., Kurnosova O.A. Povyshenie innovatsionnoi aktivnosti v promyshlennosti v ramkakh strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Donetskoi Narodnoi Respubliki [Increasing Innovative Activity in Industry within the Framework of the Strategy of Socio-Economic Development of the Donetsk People's Republic], *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia* [Theory and Practice of Social Development], 2023, No. 8 (184), pp. 113–121. (In Russ.).
12. Bezuglaia T.V. Diagnostika i prognozirovanie ustoichivosti personala predpriiatiia [Diagnostics and Forecasting of Enterprise Personnel Sustainability], *Ekonomika i banki* [Economy and Banks], 2019, No. 1, pp. 51–60. (In Russ.).
13. Ekonomika Donetskoi Narodnoi Respubliki: sostoianie, problemy, puti resheniia: kollektivnaia monografiia [Economy of the Donetsk People's Republic: State, Problems, Solutions: Collective Monograph], edited by A.V. Polovian. Donetsk, GBU "Institut ekonomicheskikh issledovaniit", 2023, 420 p. (In Russ.).

SOCIO-ECONOMIC SITUATION IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Among the tasks that the Russian Federation needs to solve at the present stage is the formation of a system of mechanisms for the entry of new regions into its composition. One of them is the Donetsk People's Republic. In turn, the development of such mechanisms is impossible without a thorough analysis of the socio-economic situation in the region. Otherwise, there are high risks that the limitations of the process of integrating its economy, social sphere and society into the all-Russian economic and legal space will be ignored. The article attempts to carry out such an analysis. Based on it, the author formulates some proposals for the development of the economy of the Donetsk People's Republic.

Keywords: Donetsk People's Republic, economic development, region, economic space, territory, analysis.

JEL: R11, R23, R30

Дата поступления – 31.03.2025

Принята к печати – 19.05.2025

ВАСИЛЕНКО Дмитрий Валериевич

доктор экономических наук, доцент, заведующий молодежной лабораторией исследования территориального развития;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкая академия управления и государственной службы» / ул. Челюскинцев, д. 163а, г. Донецк, 283015.

e-mail: dima_vasilenko@list.ru

VASILENKO Dmitrii V.

Dr. Sc. (Econ.), Associate Professor, Head of the Youth Laboratory for Territorial Development Research;

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Donetsk Academy of Management and Public Administration" / 163a, Chelyuskintsev St., Donetsk, 283015.

e-mail: dima_vasilenko@list.ru

Для цитирования:

Василенко Д.В. Социально-экономическая ситуация в Донецкой Народной Республике // Федерализм. 2025. Т. 30. № 2 (118). С. 160–174. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2025-2-160-174>

М.В. ХОДЫРЕВА

ЭТАПЫ И ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕГИОНОВ В ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ*

Достижение технологического суверенитета ставит перед регионами России задачу интенсивного научно-технологического развития, где инфраструктура выступает одним из ключевых факторов. За последние годы в субъектах Российской Федерации созданы различные объекты такой инфраструктуры: инновационные научно-технологические центры, научно-образовательные центры мирового уровня, передовые инженерные школы и др. Однако информация по ним недостаточно систематизирована, а границы понятия «научно-технологическая инфраструктура» остаются размытыми. В статье проанализированы определения инфраструктуры в федеральных законах, стратегических и программных документах в области научно-технологической политики за период 1991–2025 гг. По результатам исследования выделены четыре этапа формирования инфраструктуры научно-технологического развития в России. Выявлено, что в нормативно-правовых документах и научных публикациях преобладает термин «инновационная инфраструктура», однако он не в полной мере учитывает специфику научно-технологической деятельности. В связи с этим предлагается актуализировать понятие инфраструктуры, закрепленное в федеральном законодательстве, путем разграничения двух подсистем – научно-исследовательской и научно-технической.

Ключевые слова: научно-технологическая инфраструктура, инновационная инфраструктура, региональная инновационная система, федеральная научно-технологическая политика, научно-технологическое развитие, региональное развитие.

JEL: O38, O18, R58, O32

---

* Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного при финансовой поддержке Российского научного фонда, № 25-18-00465 «Экосистемный подход к устойчивому региональному развитию: синергия образования, промышленности и социальной политики для формирования конкурентоспособных территорий».

Согласно Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации¹ (далее – СНТР), с 2022 г. в стране начался новый этап научно-технологического развития (НТР). Он связан с решением задач по достижению технологического суверенитета в условиях санкционных ограничений, в частности эмбарго на высокотехнологичный экспорт в Россию. Намеченный курс не ограничивается импортозамещением: поставлена цель по обеспечению технологического лидерства – разработке отечественных технологий на основе собственных производств, которые будут превосходить зарубежные аналоги².

В новой научно-технологической парадигме значимая роль отводится регионам. Согласно Концепции технологического развития на период до 2030 г.³, расширяются роль и перечень функций субъектов Российской Федерации. При этом среди функций важное место занимает создание инфраструктуры: формирование научно-производственных кластеров вокруг ведущих инженерных университетов, развертывание промышленных парков, опытных полигонов, центров трансфера технологий и инжиниринговых услуг, создание инновационных научно-технологических центров (ИНТЦ) и иных форм преференциальных режимов для технологического развития.

Краткий обзор литературы

В научной электронной библиотеке *eLIBRARY.RU*⁴ при сочетании запросов «инфраструктура» и «научно-технологическое развитие» выдается 290 статей в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией, за период с 1991 по 2025 г. Среди данной подборки большинство статей относятся к тематической рубрике «Экономика. Экономические науки» и составляют 82% от общего числа. Далее идут рубрики «Народное образование. Педагогика» (5%) и «Государство и право. Юридические науки» (3%). Среди наиболее часто встречаемых ключевых слов, помимо слов самого запроса, выделяются «инновации», «инновационная инфраструктура» «инновационное развитие» и «регион» (см. рис. 1). Следовательно, инновационная инфраструктура является наиболее распространенным типом инфраструктуры в контексте научно-технологического развития. В данных публикациях преобладает инновационная повестка, однако также зачастую рассматривается региональный аспект.

По количеству публикаций за последние 20 лет наблюдается устойчивый рост интереса к теме. До 2017 г. ежегодные показатели оставались

---

¹ Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

² Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Концепция технологического развития на период до 2030 года».

⁴ Научная электронная библиотека *eLIBRARY.RU*. URL: <https://www.elibrary.ru/defaultx.asp> (дата обращения: 30.03.2025).

низкими (не более 11 статей), однако в 2019 г. число публикаций удвоилось (с 16 в 2018 г. до 34 в 2019 г.). В последующие годы число работ колебалось, но в среднем сохраняло восходящую тенденцию и к 2024 г. достигло максимума (45 статей). Такая динамика отражает усиление научного внимания к инфраструктурному фактору научно-технологического развития, однако общее число публикаций по-прежнему остается относительно небольшим (см. рис. 2).

Рис. 1. Частота упоминаний ключевых слов при сочетании запросов «инфраструктура» и «научно-технологическое развитие»

Источник: составлено по: данные eLIBRARY.RU.

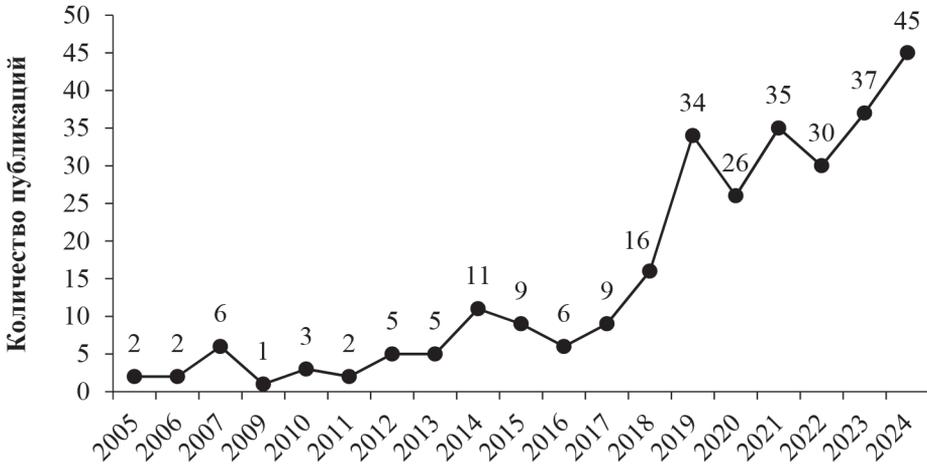

Рис. 2. Динамика количества публикаций по годам при сочетании запросов «инфраструктура» и «научно-технологическое развитие»

Источник: составлено по: данные eLIBRARY.RU.

Тем не менее в академической литературе не сложилось единого определения инфраструктуры поддержки научно-технологического развития. Существует множество работ, посвященных изучению конкрет-

ных кейсов (ИНТЦ, технопарки и др.), однако мало исследований, обобщающих сведения о таких объектах инфраструктуры. Проблемы со систематизацией такого типа инфраструктуры начинаются на уровне выведения единого определения. Можно выделить два основных подхода к идентификации инфраструктуры НТР.

В рамках *первого подхода* инфраструктура НТР отождествляется с инновационной инфраструктурой. При этом в большинстве исследований инновационная инфраструктура определяется как совокупность взаимосвязанных организаций, обеспечивающих реализацию инновационной деятельности. Это подтверждает сравнительный анализ определений в работе С.В. Тереховой [1]. Таким образом, инновационная инфраструктура – интегрированный термин, раскрывающий суть обеспечивающей системы (инфраструктуры) применительно к инновационному аспекту той сферы, к которой данный термин применяется [2]. В ряде других исследований даются более подробные формулировки (см. табл. 1), раскрывающие контекст понятия. Четыре наиболее распространенных критерия таких определений:

1. Системность – совокупность взаимосвязанных элементов.
2. Мультифункциональность – комплексный характер и разнообразие выполняемых функций.
3. Полный инновационный цикл – обеспечение всех этапов процесса от генерации идей до коммерциализации.
4. Региональная специфика – формирование в рамках определенной территориальной среды.

Т а б л и ц а 1

Понятие «инновационная инфраструктура» в исследованиях за период 2021–2024 гг.

Автор	Понятие «инновационная инфраструктура»
1	2
Т.И. Берг, В.С. Шаров	Подсистема региональной инновационной системы, состоящая из комплекса специализированных инновационно ориентированных взаимосвязанных организаций, оказывающих управленческие, материально-технические, финансовые, информационные, кадровые, консультационные и организационные услуги для реализации инновационных проектов на всех стадиях жизненного цикла на территории региона
А.М. Носонов	Объединенная общими механизмами управления система технико-технологических объектов, информационных технологий, научных образовательных и финансовых учреждений, главная функция которых заключается в создании инноваций, их выводе на рынок высокотехнологичной продукции и внедрении в реальные сектора экономики

Источник: составлено по: [2–5].

О к о н ч а н и е т а б л . 1

1	2
Л.В. Глезман, С.Ю. Исаев, А.А. Урасова	Система взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, формирующих уникальную обеспечивающую среду реализации инновационных инициатив, и связанная с ними инновационная деятельность в региональном пространстве
О.Ю. Смыслова, Н.В. Иванова	Комплекс организационных структур, ресурсов и средств, взаимодействие которых направлено на обеспечение разработки, внедрение и реализацию инноваций в хозяйственную деятельность экономики региона

В ряде исследований инфраструктура НТР выделяется как подсистема или компонент инновационной инфраструктуры. Сравнительный анализ структурных элементов инновационной инфраструктуры в научных работах выявил, что в шести из девяти исследований выделяется технологическая подсистема, тогда как только в двух — подсистема науки или экономики знаний [2]. В большинстве случаев ученые включают в состав инновационной инфраструктуры производственную, технологическую, финансовую, кадровую и информационную подсистемы. Таким образом, научная составляющая инновационной инфраструктуры часто оказывается слабо выраженной или вовсе не учитывается.

В рамках *второго подхода* предпринимаются попытки интерпретировать инфраструктуру с учетом научно-технологического компонента. Однако здесь не сложилось единого определения инфраструктуры: используются различные понятия, такие как инфраструктура исследований и разработок, научно-исследовательская, научно-производственная, производственно-технологическая, интеллектуальная и другие типы инфраструктуры. Например, интеллектуальная инфраструктура технологического развития определяется как система, интегрирующая высокотехнологичные производства и процессы интеллектуализации работников на всех производственных этапах с целью их обеспечения необходимыми интеллектуальными ресурсами [6]. Другой пример — производственно-технологическая инфраструктура, которая рассматривается как механизм, обеспечивающий необходимые условия доступа к производственным ресурсам [7]. При этом перечень объектов, отнесенных к этому типу инфраструктуры, практически совпадает с классификацией портала научно-технологической инфраструктуры Российской Федерации⁵ и включает инновационные центры, технопарки, наукограды, центры коллективного пользования, инжиниринговые центры и др. Однако в большинстве исследований определения этих типов инфраструктуры отсутствуют — их содержание раскрывается через перечисление функций или объектов.

⁵ Научно-технологическая инфраструктура Российской Федерации. URL: <https://skp-rg.ru/> (дата обращения: 19.03.2025).

Таким образом, в исследованиях, посвященных научно-технологическому развитию, чаще всего используют термин «инновационная инфраструктура». Однако это понятие применяется и в других сферах инновационной деятельности, из-за чего оно остается слишком общим и не отражает полностью научно-технологический аспект. При попытках выделить именно инфраструктуру НТР появляется множество смежных понятий, смысл которых далеко не всегда раскрыт в полной мере.

Идентификация научно-технологической инфраструктуры в федеральной политике

Для определения понятия инфраструктуры НТР нами были проанализированы основные нормативно-правовые документы в области науки и технологий, утвержденные в России за период 1990–2025 гг. В ходе анализа было отобрано десять документов, содержащих сведения об инфраструктуре: федеральные законы, федеральные целевые и государственные программы, национальные и федеральные проекты, концептуальные и стратегические документы. По результатам контент-анализа документов были выделены понятия или в случае их отсутствия наиболее значимые характеристики инфраструктуры (см. табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Понятие инфраструктуры в нормативно-правовых документах в области науки и технологий

Нормативно-правовой документ	Период действия	Понятие инфраструктуры
1	2	3
Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технологической политике»	с 1996 г.	Инновационная инфраструктура – совокупность организаций, способствующих реализации инновационных проектов, включая предоставление управленческих, материально-технических, финансовых, информационных, кадровых, консультационных и организационных услуг
Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 июля 2006 г. № 977-р «О Концепции федеральной целевой программы “Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007–2012 годы”»	2007–2013 гг.	Инфраструктура инновационной системы – совокупность субъектов инновационной деятельности, способствующих осуществлению инновационной деятельности, включая предоставление услуг по созданию и реализации инновационной продукции

Источник: составлено по: данные справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Продолжение табл. 2

1	2	3
<p>Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 301 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие науки и технологий” на 2013–2020 годы»</p>	<p>2013–2019 гг.</p>	<p>Инфраструктура исследований и разработок: повышение результативности сектора исследований и разработок за счет обеспечения единства его инфраструктуры, координации направлений развития инфраструктуры с системой приоритетов НТР</p>
<p>Распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 мая 2013 г. № 736-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы “Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России” на 2014–2020 годы»</p>	<p>2014–2020 гг.</p>	<p>Инфраструктура исследований и разработок: единая инфраструктура сектора исследований и разработок, включающая активы как научно-технической сферы, исследовательского оборудования, так и информационно-аналитических систем в сфере научно-технической деятельности, средств научной коммуникации и др.</p>
<p>Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»</p>	<p>2016–2024 гг.</p>	<p>Инфраструктура и среда: создание условий для проведения исследований и разработок, соответствующих современным принципам организации научной, научно-технической и инновационной деятельности и лучшим российским практикам</p>
<p>Федеральный проект «Развитие передовой инфраструктуры для проведения исследований и разработок в Российской Федерации» Национального проекта «Наука»^{*)} (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16)</p>	<p>2018–2024 гг.</p>	<p>Создание передовой инфраструктуры научных исследований, включая обновление приборной базы ведущих организаций, строительство и модернизацию научно-исследовательского флота, совершенствование цифровой инфраструктуры науки и образования, а также создание комфортных условий для обучающихся и научно-педагогических работников</p>
<p>Постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2019 г. № 377 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Научно-технологическое развитие Российской Федерации”»</p>	<p>2019–2030 гг.</p>	<p>Инфраструктура и среда – создание условий для проведения исследований и разработок, соответствующих современным принципам организации научной, научно-технической и инновационной деятельности</p>

*) С 2021 г. – Федеральный проект «Развитие инфраструктуры для научных исследований и подготовки кадров» Национального проекта «Наука и университеты».

О к о н ч а н и е т а б л . 2

1	2	3
Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Концепция технологического развития на период до 2030 года»	2023–2030 гг.	Экосистема технологического развития – совокупность взаимосвязанных субъектов экономической и научно-образовательной деятельности, которые взаимодействуют на основе сетевых принципов, разрабатывают с использованием общего набора технологий, знаний или навыков совместно и на конкурентной основе инновационные продукты и сервисы
Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»	с 2024 г.	Инфраструктура и условия для проведения научных исследований и разработок, внедрения наукоемких технологий, отвечающие современным принципам организации научной, научно-технической и инновационной деятельности, на основе лучших российских и мировых практик
Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации...»	с 2025 г.	Инфраструктура развития технологий – совокупность объектов и организаций, способствующих реализации проектов развития технологий

Сравнительный анализ документов в хронологической последовательности позволяет показать, как менялись подходы к определению инфраструктуры НТР в разные периоды. На основе обобщения полученных результатов выделено четыре основных этапа формирования инфраструктуры НТР в России⁶.

Первый этап (с 1991 по 2009 г.). Создание инновационной инфраструктуры в условиях адаптации к рыночной экономике и поиска новых механизмов научно-технологического развития. Документы 1990-х и 2000-х гг. содержат единое определение инновационной инфраструктуры как совокупности субъектов, способствующих «реализации инновационных проектов»⁷ или «осуществлению инновационной деятельности»⁸. При этом термин не увязывается напрямую с научной

⁶ Этапы имеют условное разделение, и некоторые тенденции, начавшиеся в предыдущем периоде, продолжают развиваться в настоящее время. Например, как уже было отмечено, это касается создания инфраструктуры для подготовки кадров. Однако на каждом этапе превалирует одна ключевая тенденция, отвечающая на большие вызовы современного общества.

⁷ Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике».

⁸ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 июля 2006 г. № 977-р «О Концепции федеральной целевой программы “Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007–2012 годы”».

составляющей, несмотря на то, что документы относятся к сфере научно-технологической политики.

Второй этап (с 2010 по 2015 г.). Переход к инфраструктуре исследований и разработок, имеющей более сложную организационную структуру, скоординированную с национальными приоритетами НТР и ориентированную на международную интеграцию. В документах первой половины 2010-х гг. уже не приводится единое определение инфраструктуры, но в целом говорится об инфраструктуре исследований и разработок с более широким диапазоном применения: научно-исследовательская инфраструктура, научно-техническая инфраструктура, информационно-аналитическая инфраструктура.

Третий этап (с 2016 по 2021 г.). Формирование экосистемного подхода к развитию инфраструктуры, включающего создание комфортных условий для участников научно-технологического процесса. В документах второй половины 2010-х гг. после определения основных векторов развития инфраструктуры исследований и разработок начинает формироваться комплексное управление инфраструктурной средой, которое включает подготовку кадров и «создание комфортных условий для обучающихся и научно-педагогических работников»⁹. Таким образом, в СНТР, утвержденной в 2016 г., и Государственной программе «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» говорится об «инфраструктуре и среде», а Федеральный проект «Развитие передовой инфраструктуры для проведения исследований и разработок в Российской Федерации» был преобразован с учетом необходимости подготовки кадров в «Развитие инфраструктуры для научных исследований и подготовки кадров». Этот тренд продолжается до сих пор, поскольку для создания комфортных условий проживания участников научно-образовательной деятельности в настоящее время создаются междуниверситетские кампусы мирового уровня в рамках Федерального проекта «Создание сети современных кампусов»¹⁰.

Четвертый этап (с 2022 г. по настоящее время). Переориентация научно-технологического сектора на производственные задачи внутри страны и создание новых инфраструктурных объектов для достижения технологического суверенитета в условиях санкционных ограничений. В документах 2020-х гг. делается акцент на создании новых форм интеграции научно-исследовательской и производственно-технологической деятельности, создании полигонов для апробирования новых технологических решений¹¹. В документах о технологической политике говорится об особом типе инфраструктуры:

---

⁹ Паспорт федерального проекта «Развитие инфраструктуры для научных исследований и подготовки кадров». URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/2022/06/ФП%20Инфраструктура.pdf>

¹⁰ Паспорт федерального проекта «Создание сети современных кампусов». URL: https://minobrnauki.gov.ru/upload/2025/03/FP_Sozdanie_seti_sovremennykh_kampusov.pdf

¹¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Концепция технологического развития на период до 2030 года».

«экосистема технологического развития»¹², «инфраструктура развития технологий»¹³.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод об *отсутствии* в российских нормативно-правовых и стратегических документах *единого определения научно-технологической инфраструктуры*. В качестве ключевого понятия инфраструктуры в области науки и технологий можно выделить понятие «инновационная инфраструктура» в Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике»¹⁴. Однако, как уже упоминалось выше, в данном понятии нет отсылки к научной деятельности. Тем не менее наряду с «инновационной деятельностью» в законе выделяются понятия «научная (научно-исследовательская) деятельность» и «научно-техническая деятельность». В исследовании [8] также отмечается, что в современных условиях содержание понятия «инновационная инфраструктура» существенно расширилось и выходит за рамки его трактовки в федеральном законе.

Как показано в *таблице 1*, в СНТР, утвержденной в 2016 г., не приводится формальное определение инфраструктуры в области науки и технологий. Однако в аналитическом докладе тематической рабочей группы «Инфраструктура исследований и разработок, большая наука и международное научно-технологическое сотрудничество» в рамках разработки СНТР дается пояснение к термину «научно-исследовательская инфраструктура». Данное понятие применяется для обозначения установок, ресурсов и связанных с ними служб и сервисов, используемых научным сообществом для проведения исследований по широкому спектру областей фундаментальной и прикладной науки, технологий и инноваций [9].

В документах, отнесенных к четвертому этапу с 2022 г., выделяется инфраструктура с акцентом на технологический аспект. Согласно методологии Национального рейтинга научно-технологического развития субъектов Российской Федерации¹⁵, разработанного в 2022 г., различаются два показателя, связанных с инфраструктурой: 1) количество пользователей объектами инфраструктуры, способствующей внедрению результатов научных исследований и разработок в производство; 2) обеспеченность объектами научно-исследовательской инфраструктуры.

Таким образом, в федеральной научно-технологической политике прослеживается разделение инфраструктуры НТР на два типа. На основе проведенного анализа предлагаются авторские определения следующих подсистем.

---

¹² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Концепция технологического развития на период до 2030 года».

¹³ Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

¹⁴ Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике».

¹⁵ Национальный рейтинг субъектов Российской Федерации. URL: <https://minobrнауки.gov.ru/action/stat/rating/> (дата обращения: 23.03.2025).

Научно-исследовательская инфраструктура — совокупность объектов, способствующих получению и применению новых знаний в процессе проведения фундаментальных, прикладных и поисковых научных исследований. К этому типу могут быть отнесены научно-образовательные центры мирового уровня, передовые инженерные школы, межуниверситетские кампусы, центры коллективного пользования научным оборудованием, уникальные научные установки и др.

Научно-техническая инфраструктура — совокупность объектов, направленных на использование и внедрение новых знаний для решения социально-экономических, научно-технологических и иных задач, а также на коммерциализацию результатов исследований и разработок. В ее состав могут входить ИНТЦ, особые экономические зоны технико-внедренческого типа, технопарки, инжиниринговые центры, центры трансфера технологий и др.

* * *

Проведенное исследование показало, что в научных публикациях, посвященных научно-технологическому развитию, преобладает термин «инновационная инфраструктура». Однако это понятие также применяется в других сферах инновационной деятельности, из-за чего оно остается слишком общим и не полностью отражает научно-технологический аспект. При попытках выделить именно инфраструктуру НТР появляется множество смежных понятий, смысл которых далеко не всегда раскрыт в полной мере. Это обусловлено тем, что термин «инновационная инфраструктура» остается ключевым понятием в государственной научно-технологической политике, прежде всего благодаря Федеральному закону «О науке и государственной научно-технической политике». Вместе с тем сокращение частоты его упоминаний в последующих нормативно-правовых документах и возникновение альтернативных терминов *указывают на необходимость более четкого определения инфраструктуры НТР в федеральном законодательстве*, включая разграничение ее подсистем — научно-исследовательской и научно-технической. Конкретизация понятия инфраструктуры и ее компонентов будет способствовать более точной оценке научно-технологического потенциала регионов России и повышению эффективности реализации федеральной научно-технологической политики.

Список литературы

1. *Теребова С.В.* Инновационная инфраструктура в регионе: проблемы и направления развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 6 (36). С. 199–212.
2. *Глезман Л.В., Исаев С.Ю., Урасова А.А.* Инновационная инфраструктура региона в новой экономической реальности // Креативная экономика. 2022. Т. 16. № 12. С. 4605–4620.

3. Берг Т.И., Шаров В.С. Региональная инновационная инфраструктура Красноярского края в условиях экономического роста // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2024. № 2 (78). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-innovatsionnaya-infrastruktura-krasnoyarskogo-kraya-v-usloviyah-ekonomicheskogo-rosta/viewer>

4. Носонов А.М. Формирование инновационных территориальных кластеров в регионах России // Регионология. 2023. Т. 31. № 3 (124). С. 498–513.

5. Смылова О.Ю., Иванова Н.В. Развитие региональных инновационных систем в условиях пространственно-экономических трансформаций // Вестник НГИЭИ. 2021. № 8 (123). С. 96–111.

6. Миллер А.Е., Яковлева Е.В. Разработка системообразующих элементов интеллектуальной инфраструктуры технологического развития // Лидерство и менеджмент. 2020. Т. 7. № 2. С. 143–160.

7. Носонов А.М. Производственно-технологическая инновационная инфраструктура регионов России // Регионология. 2019. № 3 (108). С. 436–460.

8. Мусаев Р.А., Панкратов А.А., Астапов К.Л., Яндиев М.И. Кластер как объект инновационной инфраструктуры // Проблемы теории и практики управления. 2020. № 11. С. 146–165.

9. Инфраструктура исследований и разработок, большая наука и международное научно-технологическое сотрудничество. М.: Министерство образования и науки Российской Федерации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2016. 42 с. URL: https://issek.hse.ru/data/2016/06/29/1115938709/05_Trubnikov.pdf (дата обращения: 28.03.2025).

References

1. Terebova S.V. Innovatsionnaia infrastruktura v regione: problemy i napravleniia razvitiia [Innovation Infrastructure in the Region: Problems and Development Directions], *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, No. 6 (36), pp. 199–212. (In Russ.).

2. Glezman L.V., Isaev S.Iu., Urasova A.A. Innovatsionnaia infrastruktura regiona v novoi ekonomicheskoi real'nosti [Innovation Infrastructure of the Region in a New Economic Reality], *Kreativnaia ekonomika* [Creative Economy], 2022, Vol. 16, No. 12, pp. 4605–4620. (In Russ.).

3. Berg T.I., Sharov V.S. Regional'naia innovatsionnaia infrastruktura Krasnoyarskogo kraia v usloviakh ekonomicheskogo rosta [Regional Innovation Infrastructure of Krasnoyarsk Krai under Economic Growth], *Regional'naia ekonomika i upravlenie: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Regional Economy and Management: e-Journal], 2024, No. 2 (78). (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-innovatsionnaya-infrastruktura-krasnoyarskogo-kraya-v-usloviyah-ekonomicheskogo-rosta/viewer>

4. Nosonov A.M. Formirovanie innovatsionnykh territorial'nykh klasterov v regionakh Rossii [Formation of Innovation Territorial Clusters in Russian Regions], *Regionologiya* [Regional Studies], 2023, Vol. 31, No. 3 (124), pp. 498–513. (In Russ.).

5. Smylova O.Iu., Ivanova N.V. Razvitie regional'nykh innovatsionnykh sistem v usloviakh prostranstvenno-ekonomicheskikh transformatsii [Development of Regional Innovation Systems under Spatial-Economic Transformations], *Vestnik NГИЭИ* [Bulletin of Nizhny Novgorod State Institute of Economics and Finance], 2021, No. 8 (123), pp. 96–111. (In Russ.).

6. Miller A.E., Iakovleva E.V. Razrabotka sistemoobrazuiushchikh elementov intellektual'noi infrastruktury tekhnologicheskogo razvitiia [Designing Core Elements of Intellectual Infrastructure], *Liderstvo i menedzhment* [Leadership and Management], 2020, Vol. 7, No. 2, pp. 143–160. (In Russ.).

7. Nosonov A.M. Proizvodstvenno-tekhnologicheskaiia innovatsionnaia infrastruktura regionov Rossii [Production-Technological Innovation Infrastructure of Russian Regions], *Regionologiya* [Regional Studies], 2019, No. 3 (108), pp. 436–460. (In Russ.).

8. Musaev R.A., Pankratov A.A., Astapov K.L., Iandiev M.I. Klaster kak ob"ekt innovatsionnoi infrastruktury [The Cluster as an Object of Innovation Infrastructure], *Problemy teorii i praktiki upravleniia* [Problems of Theory and Practice of Management], 2020, No. 11, pp. 146–165. (In Russ.).

9. Infrastruktura issledovaniia i razrabotok, bol'shaia nauka i mezhdunarodnoe nauchno-tekhnologicheskoe sotrudnichestvo [Infrastructure for Research and Development, Big Science, and International Scientific and Technological Cooperation]. Moscow, Ministerstvo obrazovaniia i nauki Rossiiskoi Federatsii, Natsional'nyi issledovatel'skii universitet "Vysshiaia shkola ekonomiki", 2016, 42 p. (In Russ.). Available at: https://issek.hse.ru/data/2016/06/29/1115938709/05_Trubnikov.pdf (accessed 28 March 2025).

STAGES AND PRINCIPLES OF FORMING REGIONAL SCIENCE AND TECHNOLOGY INFRASTRUCTURE UNDER RUSSIAN FEDERAL POLICY

The imperative of achieving technological sovereignty places the task of science and technology development at the forefront for Russia's regions, with infrastructure being a key enabling factor. In recent years, various infrastructure facilities have been established across the Russian Federation's regions, including innovative science and technology centers, world-class research and education hubs, and advanced engineering schools. However, data on these assets remain insufficiently systematized, and the boundaries of the concept "science and technology infrastructure" are not clearly defined. This article analyzes definitions of infrastructure in federal laws and strategic and programmatic documents on science and technology policy from 1991 to 2025. Four main stages in the formation of such infrastructure in Russia are identified. It is shown that the term "innovation infrastructure" predominates in both legal texts and academic publications, yet it does not fully capture the specificity of science and technology activities. To address this gap, we propose refining the concept of infrastructure in national science and technology policy by distinguishing two subsystems—scientific-research and science-infrastructure.

Keywords: science and technology infrastructure, innovation infrastructure, infrastructure typology, science and technology development, science and technology policy, federal policy, regions.

JEL: O38, O18, R58, O32

Дата поступления – 12.04.2025

Принята к печати – 19.05.2025

ХОДЫРЕВА Марина Владимировна

аспирантка экономического факультета;
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Санкт-Петербургский государственный уни-
верситет» / Университетская наб., д. 7–9, г. Санкт-Петербург, 199034.
e-mail: khodyreva.mv@gmail.com

KHODYREVA Marina V.

Postgraduate Student of the Faculty of Economics;
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Saint-
Petersburg State University” / 7–9 Universitetskaya Emb., Saint-Petersburg,
199034.
e-mail: khodyreva.mv@gmail.com

Для цитирования:

Ходырева М.В. Этапы и принципы формирования научно-техноло-
гической инфраструктуры регионов в федеральной политике России
// Федерализм. 2025. Т. 30. № 2 (118). С. 175–188. DOI: [http://dx.doi.
org/10.21686/2073-1051-2025-2-175-188](http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2025-2-175-188)

Требования к оформлению рукописей для авторов журнала «Федерализм»

По структуре. Статья должна быть структурирована, иметь подзаголовки и сноски. Объем рукописи для кандидатов и докторов наук должен составлять – от 40 000 до 50 000 печатных знаков, включая пробелы, для аспирантов – от 20 000 до 25 000 печатных знаков (раздел «Молодые ученые»). Оригинальность текста должна быть не менее 80%.

В сопровождении к статье должны быть **обязательно представлены** (отдельным файлом):

- фамилия, имя, отчество автора (авторов) на русском и английском языках;
- ученая степень, звание, должность, место работы на русском и английском языках, для аспирантов – название вуза;
- e-mail (публикуется в журнале как контактная информация автора);
- аннотация объемом 6–8 строк (100–250 слов) на русском языке; по своей структуре аннотация должна отражать содержание статьи, то есть кратко обосновывать актуальность выбранной темы, раскрывать основное содержание исследования и полученные автором результаты;
- ключевые слова к статье (5–7 слов на русском и английском языках);
- тематический классификатор Journal of Economic Literature (JEL);
- контактный **телефон** с кодом города, почтовый адрес с указанием индекса.

Требования к оформлению статьи. Текст статьи предоставляется в формате WORD (*.doc, *.docx). Основной текст печатается шрифтом Times New Roman 14 обычный, межстрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине. Абзацный отступ – 1,25 см. Название раздела, пунктов и подпунктов печатается шрифтом Times New Roman 14 полужирный, наклонный, выравнивание по центру. Разделы отделяются от предыдущего раздела одной пустой строкой и от последующего текста также одной пустой строкой.

Ссылки на литературу – затекстовые. Печатаются шрифтом Times New Roman 12 обычный, межстрочный интервал – 1,0. Отступ – 1,25 см. Все ссылки указываются списком в конце статьи, нумерация в списке литературы – по мере упоминания источника в тексте. В тексте, в квадратных скобках, указывается порядковый номер ссылки и страница.

Ссылки на законодательные акты даются постранично. Примечания подстрочные (сквозная нумерация); размер шрифта примечаний – 12 при интервале 1. Нумерация таблиц, рисунков и формул (сквозная). Параметры страницы: верхнее поле – 2,0; нижнее поле – 2,5; левое поле – 2,0; правое поле – 1,5.

Принятые сокращения: год – г. годы – гг.; в том числе – в т.ч.; то есть – т.е.; так как – т.к.; тому подобное – т.п.; тысячи – тыс.; миллионы – млн; миллиарды – млрд; рубли – руб.; доллары – долл.; век – в.

Иностранные слова в тексте статьи выделяются курсивом.

Таблицы должны быть выполнены табличными ячейками Word. Шрифт Times New Roman 12 обычный, межстрочный интервал 1,0. Стремитесь к тому, чтобы каждому пункту таблицы соответствовала своя ячейка (не пользуйтесь символами абзаца для смысловой разбивки строк). Выравнивание текста и цифр внутри ячеек необходимо выполнять только стандартными способами, а не с помощью пробелов, абзацев или дополнительных пустых строк. Не используйте в таблице выделение цветом, он «потеряется» при верстке.

Графики оформляются в черно-белом варианте, предпочтительно делать в Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные, связанные с рисунком) или CorelDraw (не переводите текст в кривые, так как он всегда редактируется. Не импортируйте файлы в графических форматах в файл *.cdg и не экспортируйте файлы *.cdg в другие форматы). По возможности избегайте построения графиков в Word, так как их подготовка к верстке требует большой дополнительной работы. Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word. Качество таких материалов в большинстве случаев непригодно для полиграфии.

После текста статьи приводятся два тождественных пронумерованных *списка литературы*. Один список (для русскоговорящих читателей) оформляется в соответствии с действующим ГОСТ Р 7.0.5–2008. Второй список (*References*) для иностранных читателей оформляется в соответствии с требованиями журналов, включенных в базу данных Scopus. Нумерация в двух списках должна полностью совпадать. Они должны быть идентичными по содержанию, но разными по оформлению. Транслитерировать можно автоматически с помощью translit.ru, режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

Требования к оформлению References см. на сайте журнала <https://federalizm.rea.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>

За достоверность представляемых библиографических данных авторы несут ответственность вплоть до отказа в праве на публикацию.

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова»
(ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»)

Основан в 1996 г.
Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору в сфере
связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС 77-74878 от 11 февраля 2019 г.

Журнал включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора
и кандидата наук

Журнал включен в систему
Российского индекса научного
цитирования

Подписка по каталогу
Агентства «Урал-Пресс».
Подписной индекс 72005

При перепечатке материалов ссылка на
журнал «Федерализм» обязательна.
Рукописи, не принятые к публикации, не
возвращаются.
Мнение редакции и членов редколлегии
может не совпадать с точкой зрения авторов
публикаций.

Редактор **Б.Ю. Соколова**
Технический редактор **Е.И. Аникеева**

Адрес редакции:
109992, Москва, Стремянный пер., 36.
Тел.: **8 (495) 800-12-00, доб. 16-52**
E-mail: **federalizm@rea.ru**

Подписано в печать 30.06.2025.
Формат 70x108 1/16
Печ. л. 12. Усл. печ. л. 16,8.
Уч.-изд. л. 14,98.
Тираж 1000 экз. Заказ № .
Цена свободная.

Отпечатано в ФГБОУ ВО
«РЭУ им. Г.В. Плеханова».
109992, Москва, Стремянный пер., 36.

Founder
Plekhanov Russian University of Economics
(PRUE)

Founded in 1996
The edition is registered
in the Federal Service for communication,
informational technologies and media control:
PI No. FS 77-74878 dated 11 February 2019

The journal was included in the List of leading
scientific journals and publications
of the Higher Attestation Board, publication
in which is mandatory for defending
PhD and Doctorate dissertations

The journal is included in the Russian index
of scientific citing

Subscription by "Ural-Press" catalogue.
Index 72005

In case materials from "Federalism" are repro-
duced, the reference to the source is manda-
tory. Materials not accepted for publication are
not returned.
Opinions of editorial council and editorial
board may not coincide with those of the au-
thors of publications.

Editor **B.Iu. Sokolova**
Technical editor **E.I. Anikeeva**

Editorial office address:
36 Stremyanny Lane, 109992, Moscow.
Tel.: **8 (495) 800-12-00, ext. 16-52**
E-mail: **federalizm@rea.ru**

Signed for print 30.06.2025.
Format 70x108 1/16
Printed sheets 12. Conv. sheets 16.8.
Publ. sheets 14.98.
Circulation 1,000. Order № .
Free price.

Printed in Plekhanov Russian University
of Economics,
36 Stremyanny Lane, 109992, Moscow.

Для заметок
